

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 27

Нижний Новгород

2014

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 27. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. – 151 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*),
М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева,
В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин
(Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая,
Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгоцкий,
А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, А.Н. Шамов,
Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия),
Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 27

Nizhny Novgorod

2014

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 27. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2014. – 151 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium),
D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), M. Ruep (Germany),
K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- Ж.Д. Беяева** (*Тирасполь, Приднестровье*)
Семантические изменения в терминологии русского языка
новейшего периода и их отражение в толковых словарях 9
- А.А. Гончаров** (*Пятигорск*)
Девиз как вербальное отражение категории ценности 18
- Н.В. Жарёнова** (*Нижний Новгород*)
Антропометрические и гендерные особенности реализации
монофтонгов в стандарте швейцарского варианта немецкого
языка 27
- А.Н. Морозкова** (*Нижний Новгород*)
Акцентное выделение слова в связном тексте (результаты
экспериментально-фонетического исследования) 35
- Н.Н. Прокопьева, Н.А. Голубева** (*Нижний Новгород*)
Повтор как средство выразительности современной
немецкоязычной проповеди 44
- Е.А. Слободенюк** (*Петропавловск-Камчатский – Нижний
Новгород*)
Метафорический образ Ангелы Меркель в аспекте оппозиции
«свой – чужой» (на материале современных британских СМИ) 53
- В.А. Чукшис** (*Орехово-Зуево*)
Функции диалектизмов в газетных текстах (на материале
электронных версий австрийских газет) 63

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- И.С. Погодина** (*Нижний Новгород*)
«Странные и удивительные приключения Робинзона Крузо»
как английский просветительский роман 75
- Е.М. Фомина** (*Нижний Новгород*)
Основные концепты романа Т. Драйзера «Титан» и их
преломление в переводе М. Волосова 86

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Т.А. Лопарева (*Киров*)

Отражение эволюции идей теории переноса на обучении
фонетике иностранного языка 96

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.С. Паршаков (*Нижний Новгород*)

Конструктивистская эпистемология европейских
исследований (на материале Украины) 108

М.Б. Роганова, И.А. Треушников (*Нижний Новгород*)

Проблема «Запад – Восток» в историософии всеединства –
формирование принципов межкультурной коммуникации 121

В.С. Тормошева (*Владимир – Нижний Новгород*)

Международная общественность как актор политической
коммуникации 136

ХРОНИКА

Международная научная конференция «Функциональные
аспекты языка: традиции и перспективы» 146

Международная конференция «Многообразие инвестиций и
шансы для молодых специалистов. Молодые выпускники
германских программ обсуждают свои профессиональные
перспективы» 149

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Janna Belyaeva** (*Tiraspol, Pridnestrovia*)
Semantic Changes in Modern Russian Terminology and their
Reflection in Dictionaries 9
- Artyom Goncharov** (*Pyatigorsk*)
Mottoes as a Verbal Representation of the Category of Value 18
- Natalya Zharyonova** (*Nizhny Novgorod*)
Anthropometric and Gender Peculiarities of Articulating
Monophthongs in Standard Swiss German 27
- Anna Morozkova** (*Nizhny Novgorod*)
Phonetic Accentuation of Words in Text (Results of a Phonetic
Experiment) 35
- Nadezhda Prokopyeva, Nadezhda Golubeva** (*Nizhny Novgorod*)
Repetition as a Means of Expressiveness in Modern German
Sermons 44
- Elena Slobodenyuk** (*Petropavlovsk-Kamchatsky – Nizhny
Novgorod*)
The Metaphoric Image of Angela Merkel in Modern British Mass
Media within the “Friend vs. Stranger” Paradigm 53
- Vadim Chukshis** (*Orekhovo-Zuyevo*)
Functions of Dialecticisms in Newspaper Texts (in Austrian
Online Newspapers) 63

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Irina Pogodina** (*Nizhny Novgorod*)
The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe
as an English Novel of the Enlightenment 75
- Ekaterina Fomina** (*Nizhny Novgorod*)
Key Concepts of Theodore Dreiser’s *Titan* and their Interpretation
in the Novel’s Russian Translation by M. Volosov 86

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Tatyana Lopareva (*Kirov*)

Evolution of Ideas in Transfer Theory of Language Acquisition and its Influence on the Theory of Teaching Phonetics of a Foreign Language	96
---	----

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Alexander Parshakov (*Nizhny Novgorod*)

Constructivist Epistemology in European Studies (in its application to modern Ukraine)	108
--	-----

Mira Rotanova, Ilya Treushnikov (*Nizhny Novgorod*)

The West vs. East Problem in History of All-Unity Philosophy and Shaping Principles of Intercultural Communication	121
--	-----

Vera Tormosheva (*Vladimir – Nizhny Novgorod*)

International Community as an Actor of Political Communication	136
--	-----

CHRONICLE

International Research Conference “Functional Aspects of Language: Traditions and Prospects”	146
--	-----

International Conference “Diversity of Investments, and Opportunities for Young Specialists: Young Alumni of German Programs Discuss Their Professional Prospects”	149
--	-----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'37:811.161.1'374

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Ж.Д. Беляева

*Межрегиональная академия управления персоналом,
Тирасполь, Приднестровье*

Статья посвящена проблеме семантических изменений медицинской и биологической терминологической лексики. Предпринят сравнительный анализ лексикографических источников последних лет и предшествующих десятилетий, что даёт наглядную картину основных тенденций в семантических трансформациях терминологической лексики русского языка новейшего периода.

Ключевые слова: терминологическая лексика, семантические изменения, семантическая деривация, расширение значения.

Semantic Changes in Modern Russian Terminology and their Reflection in Dictionaries Janna Belyaeva

The article looks at semantic changes in Russian medical and biological terms, attempting to compare older and the most recent lexicographical resources and to identify key tendencies in semantic transformation in modern Russian terminology.

Key words: terminology, semantic changes, semantic derivation, meaning extension.

Активные трансформации словесных единиц, в том числе терминологических, выявляющиеся на разных языковых уровнях, в том числе семантическом, свидетельствуют о том, что изменения во всех сферах общественной жизни оказывают огромное влияние на языковую ситуацию. Лексические единицы мгновенно реагируют на все изменения, которые происходят в социальной, общественной, научной сферах жизни общества.

С течением времени стали складываться специальные терминологические системы, объединяющие слова той или иной области знаний. В начале 80-х годов XX века многими учеными было отмечено появление новой самостоятельной области знания –

терминоведения – комплексной научной дисциплины, изучающей специальную лексику.

По данным исследователей, свыше 90% новых слов, появляющихся в современных лексиконах, составляет специальная лексика. Именно поэтому различные аспекты, связанные со специальной лексикой, терминологическими системами, явились объектом исследования многих известных лингвистов.

Современное состояние филологической науки позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день нет единицы более многоликой, чем термин, так как он представляет собой объект целого ряда наук, каждая из которых стремится выделить в нем признаки, существенные с её точки зрения.

Из существующего множества определений наиболее важными, на наш взгляд, являются определения А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, В.И. Татарина, В.М. Лейчика, подчеркивающие соотнесенность термина с понятием, принадлежащим к какой-либо области знаний или деятельности.

Так, по словам Д.С. Лотте, «термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [1. С. 5]. В.М. Лейчик под термином понимает «лексическую единицу определенного языка для специальных целей, обозначающую общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [2. С. 32]. Мы разделяем точку зрения В.М. Лейчика, который считает, что формулировка «термин имеет дефиницию» является неверной. Такой подход объясняется тем, что в различных специальных сферах есть довольно много понятий, которые не имеют дефиниций, выраженных языковыми средствами. Поэтому более точным являются определения терминов, в которых указывается, что термин – это слово, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции.

Ограничившись приведенными определениями термина и разделяя многие из них, мы в нашем исследовании будем исходить из того, что термином может быть слово или словосочетание, которое выполняет функцию языкового средства номинации специального

понятия, является членом определенной терминосистемы и требует дефиниции. Встает вопрос о соотношении термина со словом. В качестве основных признаков слова можно назвать следующие: цельнооформленность, идиоматичность, постоянство лексического и структурного состава. Кроме того, как единица лексического уровня, слово определяется по своей уникальной функции – быть средством номинации, потому что слова существуют, прежде всего, как наименования различных явлений действительности благодаря тому, что в их значениях содержатся обобщенные образы этих явлений, информация о них. Эти признаки характерны и для термина. В связи с современным развитием терминологии, языка науки, «интеллектуализации» общелитературного языка ортологические, т.е. культурно-речевые, проблемы рассматриваются не только в структурно-семантическом и этимологическом аспекте (разные способы номинации и их значение), но и с точки зрения функционирования термина в речи (в определенных терминосистемах и речевых социальных подсистемах языка).

Функциональный аспект, на наш взгляд, принципиально важен при анализе терминологии газет, где термин попадает в тесное окружение не только литературных, общеупотребительных слов, но и профессионализмов, а также образно-выразительных речевых средств, создающих лексико-семантическое и стилистическое пространство языка. Таким образом, термин в нашем исследовании понимается широко: во-первых, как обозначение «специального» в разных областях науки, техники и производства; во-вторых, как выражение «специального» в контексте, в газетно-публицистическом стиле подсистем языка.

Медицинская и биологическая терминология имеет давние интернациональные корни и одновременно занимает одну из лидирующих позиций по скорости формирования с ее помощью новых понятий. Кроме того, пожалуй, эти две взаимосвязанные отрасли науки активно проникают своими существенными представлениями и понятиями в повседневную жизнь людей.

Современные газеты активно используют медицинские и биологические терминологические единицы, внося при этом изменения в семантическую структуру терминов. Отметим, что медицинские и биологические термины обладают конкретной семантикой и представляют реальности, близкие человеку. Вероятно,

именно в связи с этим в медицинской и биологической терминологии заложены большие коннотативные возможности (особенно оценочные и эмоциональные). По нашим наблюдениям, общее значение, выраженное лексемами медицинского и биологического происхождения, – пейоративная оценочность пороков и недостатков человека и общества в целом: ***атрофия моральных чувств, общественный анабиоз, симбиоз буддизма и синтоизма, паразитизм военных сил, инфильтраты военной техники, регенерация русской цивилизации, социальный спазм, фестивальная бацилла, социокультурный вирус, синдром раба, политический имплантат, пароксизмы хохота, анемия печали*** и т.д.

По нашим наблюдениям, в некоторых газетных контекстах медицинские термины актуализируют биологические термины и наоборот: *Компартия пребывает в состоянии **анабиоза** после сделанной ей **внутриполостной операции**. Из партии вырезали **печень**, и теперь этот **ампутированный** орган, в котором угадывается лицо Семигина, претендует на роль целого организма. И кремлевские **хирурги** должны решить – где же осталась душа партии? В этом окровавленном существе со вспоротым животом или в пульсирующей печени, которую нарочно не выкинули в бак с **операционными отходами**?» (Александр Проханов, писатель, один из идеологов «Единой России») («Аргументы и факты». № 30 (1239). Июль 2004).*

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что сдвиги в семантике терминологических единиц указанных групп могут касаться семантической структуры слова в целом или структуры отдельного значения (о разграничении понятий «семантическая структура слова» и «структура значения слова» см. [3. С. 23; 4. С. 37]).

Семантическая, или лексико-семантическая, структура словесного знака, представляющая собой совокупность взаимосвязанных лексико-семантических вариантов многозначного слова, может подвергаться расширению или сужению. Учитывая тот факт, что терминологическая единица моносемична, а также опираясь на результаты наших исследований, можно утверждать, что терминологическая единица не подвергается процессу сужения, но зато активно расширяет свою семантическую структуру в газетном контексте и в лексикографических источниках.

Так, например, расширению подверглась семантическая структура медицинской терминологической единицы **вакцина**. У существительного **вакцина** в толковых словарях до середины 1980-х гг. зафиксировано одно значение. Например, «Мед. Препарат из ослабленной культуры (или убитых) возбудителей заразных болезней, служащий для предохранительных и лечебных прививок людям и животным» [5. С. 134]; «Спец. Препарат для предохранительных лечебных прививок против заразных болезней» [6. С. 62]. Новые словари помимо отмеченного, указывают и второе значение: «Перен. Средство, предохраняющее от чего-л., предотвращающее что-л. нежелательное» [7. С. 169]. На один лексико-семантический вариант в настоящее время увеличилась семантическая структура биологического термина **анабиоз**. Ср.: «Биол. Явление приспособления некоторых живых существ, заключающееся в приостановке жизнедеятельности организма с последующим восстановлением ее при благоприятных условиях» [5. С. 36]; «Спец. Приостановка жизнедеятельности организма с последующим восстановлением ее при благоприятных условиях» [6. С. 26]; «1. Биол. Резкое замедление жизненных процессов у некоторых организмов в целях выживания при неблагоприятных условиях (с последующим восстановлением этих процессов). 2. Книжн. О временном ослаблении или прекращении какой-л. деятельности» [8. С. 38]; «1. Биол. Состояние организма, при котором жизненные процессы резко замедляются или останавливаются и могут возобновиться при возвращении благоприятных условий; наблюдается преимущественно у беспозвоночных (насекомых, круглых червей и др.). 2. Перен. Временное ослабление или прекращение какой-л. деятельности» [9. С. 38].

Это же подтверждают и газетные источники:

Выставка очень даже показательная. Она стала особой формой памяти, вакциной против зла, насилия и жестокости («Литературная газета». 20.07.2010).

В период, когда судьба губернаторов решалась в кремлевских коридорах, вся процедура напоминала, по выражению одного из региональных лидеров, «черный ящик», что заставляло их непрерывно нервничать, вести постоянные консультации или впадать в «политический анабиоз», теперь же судьба губернаторов опять

перенесена в понятное им региональное пространство («Известия». 9.01.2006).

Расширение семантической структуры отмечается также для таких медицинских и биологических терминов, как *пароксизм, гипертрофия, негативизм, идиосинкразия, спазм, гибрид, гибридизация, симбиоз* и мн. др.

Следует отметить, что, несмотря на достаточно оперативное фиксирование «новыми» толковыми словарями случаев расширения у анализируемых нами единиц, многие подобные случаи остаются пока за пределами лексикографических источников, но зато ярко представлены в газетных контекстах. Например: «<...> *то, что вы разместили эти фото, – говорит не о вашей деградации, а о полной анестезии мозга, эмоциональной инфантильности и полном запоре мысли. А то, что у вас в названии есть слова “Комсомолец” и “Правда”, точно мне позволяет как комсомольцу изъять из ваших названий эти слова. До встречи в суде» – такую подпись разместил под ссылками на статьи Сергей Полонский («Известия». 18.01.2013).*

Медицинская терминологическая единица **анестезия** зафиксирована в проанализированных нами толковых словарях только в терминологическом значении: «Мед. 1. Потеря или ослабление чувствительности к боли, внешним раздражениям. 2. Обезболивание с помощью анестезирующих средств» [8. С. 40]; «1. Мед. Потеря или ослабление чувствительности к боли, внешним раздражениям; 2. Обезболивание с помощью анестетиков» [9. С. 42].

Определённый интерес представляют также семантические изменения, происходящие в значении отдельного лексико-семантического варианта слова. Подобные трансформации наблюдаются на уровне разных макрокомпонентов значения: денотативного, эмотивного, собственно-языкового и эмпирического. В понимании названных компонентов мы опираемся на теорию значения слова, изложенную в монографии О.В. Загоровской [4].

Так, например, семантические изменения на уровне собственно-языкового компонента значения, представляющего ту часть семантики словесного знака, в которой закреплены результаты отражения языковой действительности, связаны с изменениями в денотативном содержании и касаются чаще всего темпорально-стилистических, функционально-стилистических и квантитативно-стилистических (частотно-стилистических) сем.

Изменения в функционально-стилистических семах связаны с изменениями в стилистической принадлежности словесных единиц, утратой или приобретением ими специальных стилистических характеристик. Например, за счёт того, что исходное значение слова становится частотным и понятным в общем употреблении, может происходить его перемещение в область общеупотребительной лексики. Подобные изменения в настоящее время касаются и многих медицинских и биологических терминов, которые перешли в разряд общеупотребительных. Так, например, до середины 1980-х гг. толковые словари фиксировали слово *аллергия* с пометой «мед.» [5] или «спец.» [6]: «Измененная повышенная чувствительность организма к какому-л. веществу, которое является для него возбудителем болезненного состояния» [5. С. 32]; «Изменённая реактивность организма, вызываемая чуждыми ему веществами и выражающаяся различными болезненными состояниями» [6. С. 25]. В словарях последних лет данный словесный знак, в большинстве случаев, представлен без помет: «Повышенная чувствительность организма к некоторым веществам, вызывающим болезненное состояние» [8. С. 35]; «Ненормальная, болезненная реакция организма (сыпь, отёчность, кашель и т.п.) на некоторые химические соединения (аллергены)» [9. С. 28]; но «1. Спец. Изменённая реактивность организма, вызываемая чуждыми ему веществами и выражающаяся различными болезненными состояниями» [10. С. 19]; «1. на что. Мед. Повышенная чувствительность организма к некоторым веществам, вызывающим различные болезненные состояния» [7. С. 57]. Интересно, что термин *аллерген* не теряет помету «мед.» ни в «старых», ни в «новых» словарях. Термин *регенерация* сопровождается пометой «биол.» в [11. С. 694], «спец.» в [6. С. 599], а в одном из новых толковых словарей помета, указывающая на терминологическое происхождение, отсутствует: «Восстановление организмом утраченных или повреждённых органов и тканей, а также целого организма и его части» [9. С. 491].

В целом, семантические трансформации, зафиксированные в современных лексикографических изданиях, представляют собой один из активных процессов в развитии русского языка новейшего периода, обусловленный как собственно языковыми, так и экстралингвистическими причинами. Безусловно, изучение

трансформаций указанного типа – одна из актуальных проблем современной лингвистики.

Библиографический список

1. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961. 158 с.
2. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет. Методы. Структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
3. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 157 с.
4. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. 300 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: 1985-1988. Т. 1. А-Й. 1985. 696 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982. 816 с.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
9. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. М.: Мартин, 2008. 704 с.
10. Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения: Ок. 6000 слов и выражений. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 749 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: 1985-1988. Т. 3. П-Р. 1987. 752 с.

Сведения об авторе

Беляева Жанна Дмитриевна
старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы
Межрегиональной академии
управления персоналом, Приднестровье
E-mail: belyaevaghanna@yandex.ru

УДК 811.111'37

ДЕВИЗ КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ

А.А. Гончаров

Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск

Статья посвящена рассмотрению английских девизов, в которых нашла свое вербальное отражение категория ценности, описанию сферы их применения, структурных, семантических и стилистических особенностей, способствующих усилению их прагматической функции – подчеркнуть ценность соотносящегося с ними объекта, отразить культурное самосознание народа и донести информацию об общекультурном менталитете социума.

Ключевые слова: ценность, лингвистическая репрезентация, английские девизы, прагматическая функция.

Mottoes as a Verbal Representation of the Category of Value

Artyom Goncharov

The paper looks at English mottoes as a verbal representation of the category of value, describing the sphere of their usage as well as those structural, semantic, and stylistic peculiarities that contribute to the intensification of their pragmatic function, which includes emphasizing the significance of the object in question, reflecting cultural consciousness of the people, and conveying information about the cultural mentality of the community.

Key words: value, linguistic representation, English mottoes, pragmatic function.

В отечественной науке категория ценности стала предметом философского осмысления, начиная с 60-х годов XX века. Понятие ценности не может существовать вне человека, вне социума, так как все, что происходит в мире и соотносится с человеком, играет определенную роль в жизни общества. Ценность – это реальный ориентир человеческого поведения, формирующий жизненные и практические установки людей [1. С. 662-664]. Н.О. Лосский определяет ценность как нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка [2].

Ценности служат важным регулятором поведения людей. С изменением социальных условий жизни, развитием потребностей общества и личности трансформируются и ценности. Ценности историчны, они могут изменяться соответственно культурным и цивилизационным преобразованиям общества. Однако существуют и

так называемые базовые ценности, которые включают жизнь, любовь, верность, преданность, честь, единение, процветание, счастье, свободу.

Настоящее исследование посвящено изучению лингвистической репрезентации категории ценности. В качестве материала для исследования рассматриваются английские девизы, в которых категория ценности нашла свое вербальное отражение. Цель настоящей работы – проанализировать отобранные из различных словарей и справочников [3; 4; 5] английские девизы, установить их функцию, определить специфику их структурного построения, их семантические и стилистические особенности.

Девиз – явление древнее. Это не просто краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею поведения или деятельности [6], но и хорошая иллюстрация к эволюции сознания общества и к истории языка в частности.

Пройдя ряд исторических этапов, девизы сформировались не только как отдельная культурная, но и как языковая реальность, заняв прочное место в английском языке наряду с пословицами, поговорками, афоризмами. И если структура, сфера применения и значения последних представляются достаточно ясно, то девиз, как своего рода микротекст, несущий специфическую прагматическую и определительную нагрузку, выражающую смысл жизни и деятельности отдельных личностей, семейств, кланов, учреждений, корпораций и государств предстает недостаточно изученным.

Возникновение девизов корнями уходит в далекое прошлое и требует внимательного и глубокого изучения. Они известны с античных времен, особенно латинские девизы-сентенции Древнего Рима, ставшие основой для девизов ряда европейских и других стран. Во времена Крестовых походов девизы легко прижились и широко распространились среди благородных сословий Западной Европы, так как каждый уважающий себя рыцарь считал необходимым нанести свой собственный девиз на герб.

Рыцарство – это особое сословие людей, которое ассоциируется с самыми высокими нравственными ценностями. Это понятия долга (*Defend the folds* – девиз семейств Cartwright, Cartwright-Enery; *Deeds not words* – рыцарский девиз Dawson), чести (*Honesty is the best policy* – Thomson), верности (*I'll deceive no man* – рыцарский девиз представителей семьи Hamilton of Somelstone), справедливости (*Keep*

faith – Philip) и храбрости (*Without fear* – Campbell, *Courage* – Arrol, Cuming), имеющие непреходящее и универсальное значение.

Если сначала девизы помещались на рыцарских гербах, на гербах королевской знати, то впоследствии они получают более широкое распространение, появляются негеральдические девизы.

В прошлом столетии одним из наиболее значительных периодов создания и использования девизов в военных целях явился период Второй Мировой войны, когда возникло множество девизов, особенно в подразделениях Британской армии и ВВС. Эти девизы, направленные на поднятие боевого духа солдат, отличаются лаконичностью построения. Они воздействовали не только на ум, но и на чувства сражающихся, будили патриотический дух и были эмоционально насыщены. Приведем несколько примеров девизов Британской армии и ВВС: *We rise to conquer!*; *We shall be there; Who shall stop us?*; *With speed I strike*; *Wise without eyes*.

Негеральдические девизы получили распространение после возникновения цеховых девизов, которые стали символом кастовой принадлежности. Простой народ, в основном мастера и ремесленники, чтобы уменьшить значение рыцарского герба, начал присваивать себе гербы с необходимыми атрибутами, в том числе и девиз, который объединял мастеров, занимающихся одним ремеслом. В этих девизах проповедовались братство, процветание, уверенность в собственном благополучии, в своем будущем. Например, девиз компании штукатуров (Plasters' Co) – *Let brotherly love continue*.

Такие девизы также поясняли, в чем именно заключается данный вид производства, и подчеркивали его важность: *Truth is the light* – девиз компании Wax Chandlers' Co.; *Grind well* – девиз Marblers' Co.; *Hold fast, sit sure* – девиз Saddlers' Co.

Позже цеховые девизы трансформировались в корпоративные и получили распространение в наши дни. Различные компании, общества, учебные заведения и больницы создают и широко используют их, чтобы показать, что данное сообщество достойно доверия и уважения.

Эти девизы выражают руководящий принцип, манеру поведения и направление деятельности данного учреждения. Можно сказать, что эти девизы являются своего рода визитными карточками и одновременно рекламой.

Появляются девизы у различных общественных институтов: *Knowledge and Progress* – девиз консультантов по менеджменту; у различных ассоциаций и обществ: *We serve the Land* – девиз ассоциации землевладельцев. Девиз Британской медицинской ассоциации – *With Head and Heart and Hand* – подчеркивает идеал врача-профессионала: быть знающим, иметь доброе сердце и хорошие руки, что помогает человеку сохранить здоровье – одну из составляющих жизни – основной ценности человечества. Девиз Общества фермеров представляет собой своеобразное обращение к Богу через использование цитаты из «Молитвы Господней» – *Give Us Our Daily Bread* («Хлеб наш насущный даждь нам днесь»). Девиз компании по производству очков – *A blessing to the aged* – обещает благодать пожилым людям.

Здоровье является одной из базовых жизненных ценностей людей, поэтому медицинские учреждения в своих девизах всячески подчеркивают свою благородную миссию и обещают помощь. Примером таких девизов можно считать девиз Бристольской Королевской больницы – *Charity Universal*, – который обещает благотворительность для всех. Помощь гарантирует больница «Фаундлина» в Лондоне, девиз которой – *Help*.

Интерес представляют девизы различных учебных заведений, которые по причине коммерциализации стран Западного мира (а сейчас и Восточного), когда образовательные услуги часто являются платными, вынуждены рекламировать себя. Данные девизы часто используются в качестве саморекламы, указывающей на цели, профессиональную и успешную деятельность самого учебного заведения, вместе с тем, они подчеркивают тот факт, что знание, образование являются необходимым условием для достижения успеха, процветания и пр. Цель этих девизов – подчеркнуть ценность образования, привлечь как можно больше студентов, стремящихся получить качественные знания, убедить их в том, что данные учебные заведения достойны уважения. В составе многих девизов этой группы находятся слова, имеющие непосредственное отношение к процессу обучения – *knowledge, education, learn, study*. Примерами могут служить девиз Лондонского университета – *Knowledge is power* (знаменитое высказывание Ф. Бэкона), девиз Нью-Йоркского университета – *To learn. To search. To serve*, Даремского технического института – *Education for excellence*.

В девизах содержится высокоэмоциональная лексика, акцентирующая внимание на наиболее важных ценностях – жизнь, честь, мудрость и долг. Эти слова используются для того, чтобы у реципиента возникла четкая ассоциация с понятиями «знание», «образование»: *Knowledge. Duty. Honor* (девиз колледжа Южной Каролины); *Truth. Knowledge. Freedom* (девиз Гардингского университета); *Knowledge, devotion, wisdom, service* (девиз Пембрукского университета).

Некоторые девизы прямо объясняют цель образования: *Learning for earning* (Институт бизнеса Брианта и Стрэттона); *Knowledge for service* (Ганнибал-колледж).

Корпоративные девизы, указывая на направление деятельности учреждения, часто поясняют, в чем именно заключается данный вид производства, и подчеркивают его важность.

Помимо перечисленных девизов существует большая группа девизов, которые возникают в исключительных случаях на каких-либо сооружениях или предметах: зданиях, триумфальных арках, дворцах, старинных солнечных часах, юбилейных обелисках и т.д. Например, на фронтоне фешенебельного лондонского отеля «Савой» написано *For Excellence We Strive*.

Для девизов, которые были начертаны на старинных солнечных часах, характерно отражение концепта времени, что определяется основной функцией часов – показывать время. Существует большое количество девизов, подчеркивающих ценность времени: *Time is precious; Time is more sacred than gold*.

Некоторые девизы на часах призывают к совершению добропорядочных поступков, содержат наставления и пожелания: *Think and Thank; Work today and play tomorrow; Be thankful, watch, pray, work; Learn to live and die well*.

Девиз *I note the time that you waste* призывает ценить время и не тратить его зря. Девиз *Time can do much* говорит о могуществе и силе времени.

Некоторые девизы предостерегают человека и призывают его к бережному обращению со временем, которое мстит за небрежное отношение к себе. Происходит своеобразный взаимный процесс:

*As we use the hours so will the hours use us;
Time wastes our bodies and wits
but we waste time and so we're quits.*

Жизнь человека ограничена временем, и он всегда помнит об этом, боится чего-то не успеть, что-то упустить. Следующие девизы направлены на то, чтобы напомнить человеку о том, как мало времени ему отпущено:

*The Time thou killest will in time kill thee;
It is later than you think.*

Девизы на церквях и домах, в основном отражают религиозные чувства прихожан. Дом Даниэля Дугласа, построенный в 1625 году, имеет 3 девиза:

*O Lord in thee is all my trust;
The Lord is my only support;
Be merciful to me (Anchor Close, Yorkshire).*

Некоторые надписи на домах, по сути, являются советом, руководством к действию, к совершению благородных поступков:

1627. Remember the poore, and God will bless thee and thy store.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что прагматическая направленность девизов различна и напрямую зависит от предназначения самого предмета, на котором изображен девиз.

Девизы на солнечных часах напоминают человеку о ценности времени, говорят о приближении смерти и призывают к бережному отношению со временем. Коммуникативная направленность данных девизов определяется функцией часов – указывать время.

Девизы на зданиях и частных домах, прежде всего, имеют целью привлечь внимание реципиента броской значимой фразой. Эти девизы бывают связаны с самыми разнообразными поводами: в честь исторического события, в ознаменование юбилейной даты, в связи с каким-либо памятным или курьезным случаем, эпизодом и, наконец, как намек на смысл деятельности того, кто работает или живет в данном здании.

Необходимо заметить, однако, что во многих девизах, независимо от их принадлежности, отражаются религиозные чувства автора, его жизненная позиция.

Проанализировав рассмотренные девизы, можно отметить, что их основная функция заключается в том, чтобы подчеркнуть ценность обозначаемого объекта, заставить реципиента последовать тому кредо, которое отражено в девизе, либо оценить и согласиться с тем, что девизовладелец считает ценным и необходимым. Для достижения

этой цели в девизах используются самые разнообразные лингвистические средства – грамматические, лексические, стилистические.

Одной из основных особенностей девизов является их структура. Мы полагаем, что на строение девизов оказала влияние теория языковой экономии. Они лаконичны, и это объясняется тем фактом, что, во-первых, девиз всегда ограничен в пространстве, и, во-вторых, он требует быстрого прочтения и запоминания, поэтому в девизах часто употребляются эллиптические конструкции.

Характерной структурно-грамматической формой для девизов является слово: это либо глагол в повелительном наклонении (*Hope, Try, Flourish*), либо инфинитив глагола (*To learn. To search. To serve*), либо абстрактное имя существительное (*Faith, Honour, Courage*). В девизах-словосочетаниях преобладают словосочетания типа N and N (*Law and Right, Truth and Beauty*) и Adj and Adj (*Faithful and Firm, Safe and Sound*).

Для девизов характерны простые повествовательные и побудительные предложения. Первые отражают веру в улучшение положения вещей, отношение человека к оцениваемому объекту, вторые призывают к справедливости, процветанию, стремлению к достижению благородных целей, сохранению ценностей (*Virtue is my honor; Knowledge is power; Keep clean the game; Be Assured*).

Для достижения большей выразительности, для более эффективного воздействия на реципиента в девизах используются как синтаксические, так и фонетические, лексические стилистические средства.

Среди фонетических средств можно отметить аллитерацию (*With Head and Heart and Hand*), рифму и ритм (*Open locks, whoever knocks, Watch and pray, time steals away*).

Наиболее эффективными лексическими стилистическими средствами, наблюдаемыми в девизах, являются метафора (*Honesty is the best policy*), сравнение (*Drop as Rain, Distill as Dew*) и каламбур (*This is the welcome I'm to tell, Ye are well come, Ye are come well*).

Необычная грамматическая структура, широкое использование различных стилистических средств делают девизы более экспрессивными, способствуют усилению их прагматической функции – убедить реципиента в том, что обозначаемый объект важен и ценен.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что девизы получают широкое распространение во всех сферах жизни народа, они отражают все, что является ценным как для отдельного лица, так и всего общества, государства в целом. Девизы могут принадлежать как представителям королевской знати, так и простым домовладельцам, как компаниям, корпорациям, так и целым государствам. Отражая ценностные категории, они призывают к благородным поступкам, честности, мужеству, любви к отечеству, к Богу.

Причиной возникновения словесных девизов явились характерный быт и условия каждого конкретного исторического периода, которые породили девизы определенной направленности. Девизы отражают устремления носителей данной культуры. Совершенно очевидно, что английские девизы обладают культурно-национальной спецификой. Они в полной мере отражают черты национального характера, реально произошедшие исторические события и литературное наследие. Можно утверждать, что словесные девизы отображают культурное самосознание народа и несут информацию об общекультурном менталитете социума.

Библиографический список

1. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА. М., 2005.
2. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
3. Gaulfeild S.F.A. House mottoes and inscriptions: old and new. Detroit: Singing Free Press, 1968. 150 p.
4. Mottoes: a compilation of more than 9000 mottoes from around the world and throughout history / Laurence Urdang, edit. director. Detroit, Mich.: Gale Research Co., 1987. 1162 p.
5. Shearer B. F., Shearer B. S. A Historical Guide: State Names, Seals, Flags and Symbols. Westport; Connecticut; London, 1994. 438 p.
6. Merriam-Webster online Dictionary // Electronic resource Internet: www.merriam-webster.com/dictionary/motto.

Сведения об авторе

Гончаров Артем Александрович
аспирант кафедры теории и практики перевода
Пятигорского государственного
лингвистического университета
E-mail: goncharoffartiom@yandex.ru

УДК 811.112.2'342:811.112.2.282.4(494)

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОНОФТОНГОВ В СТАНДАРТЕ ШВЕЙЦАРСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Жарёнова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются акустические особенности реализации швейцарских гласных в стандартной вариации немецкого языка, выявленные в ходе экспериментально-фонетического исследования. Анализ формантной структуры монофтонгов проводился с учетом физиологического фактора дифференциации по половому цензу. Различия фонетического качества звуков, реализованных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами, объясняются также гендерной спецификой речи.

Ключевые слова: сегментная фонетика, монофтонги, швейцарский вариант немецкого языка, экспериментально-фонетическое исследование, антропометрические особенности, гендерный подход, формантная структура.

Anthropometric and Gender Peculiarities of Articulating Monophthongs in Standard Swiss German Natalya Zharyonova

The article deals with acoustic peculiarities of Swiss vowels articulation in standard German which were registered in the course of experimental phonetic research. The formant structure of the monophthongs was analyzed on the basis of anthropometric differences among speakers. The differences of phonetic features of phonemes are also determined by gender peculiarities of speech.

Key words: segment phonetics, monophthongs, Swiss German, experimental phonetic research, anthropometric features, gender approach, formant structure.

В настоящее время в лингвистических исследованиях все больше внимания уделяется изучению своеобразия языковой реализации мужчин и женщин, что связано в первую очередь с развитием гендерного направления в языкознании. Осознанию гендерного концепта посвящены многие работы. Цель данной статьи – показать, что наряду с антропометрическими особенностями на сегментном уровне звучащей речи дикторов-мужчин и дикторов-женщин следует также учитывать гендерный фактор. В экспериментально-фонетическом исследовании на тему «Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка» [1], проведенном на базе экспериментальной лаборатории акустики речи

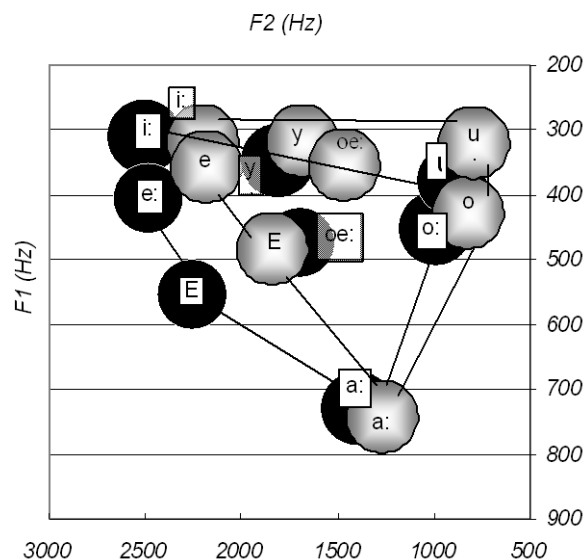
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, была поставлена задача изучить специфику функционирования и варьирования системы гласных произносительного стандарта швейцарского варианта немецкого языка (ШВНЯ). С помощью компьютерной программы Sound Forge 6.0 были получены формантные картины 1950 звуковых отрезков. Материалом исследования послужили 19 аудиозаписей 18 дикторов (11 мужчин и 7 женщин) общей продолжительностью 74 мин. 22 сек., и представляющих собой образцы бернской диалектной и стандартной вариаций ШВНЯ в двух режимах: чтение и спонтанное говорение. Полученные в ходе эксперимента данные представляли собой случайные величины. Однако всякая случайная величина представляет собой сочетание детерминированной, объективной составляющей (отражающей языковую систему) и субъективной (отражающей субъективный фактор) [2]. Поэтому следующим этапом исследования стала обработка данных по методикам и алгоритмам математической теории вероятностей. Расчет t-критерия Стьюдента позволил оценить различия величин средних значений неравных по величине выборок и подтвердить достоверность результатов исследования.

Сопоставительный анализ полученных данных по аудиотекстам показал, что для формантных структур одних и тех же монофтонгов, реализуемых информантами женского и мужского пола, в ШВНЯ свойственны определенные расхождения. Графически сопоставление групп монофтонгов представлено на двумерных диаграммах 1, 2, 3, 4, где темные маркеры соответствуют формантным значениям гласных, реализованных женщинами, светлые – мужчинами.

При сопоставлении формантных картин долгих гласных в аудиотекстах в режиме чтения (диаграмма 1) выявились более высокие частотные значения F1 и F2 практически всех монофтонгов, реализованных женщинами, за исключением гласного [a:], значения F1 которого несколько ниже, чем у мужчин ($F1_m = 744$ Гц, $F1_ж = 730$ Гц), что указывает на более закрытую реализацию данного монофтога дикторами-женщинами.

Диаграмма 1

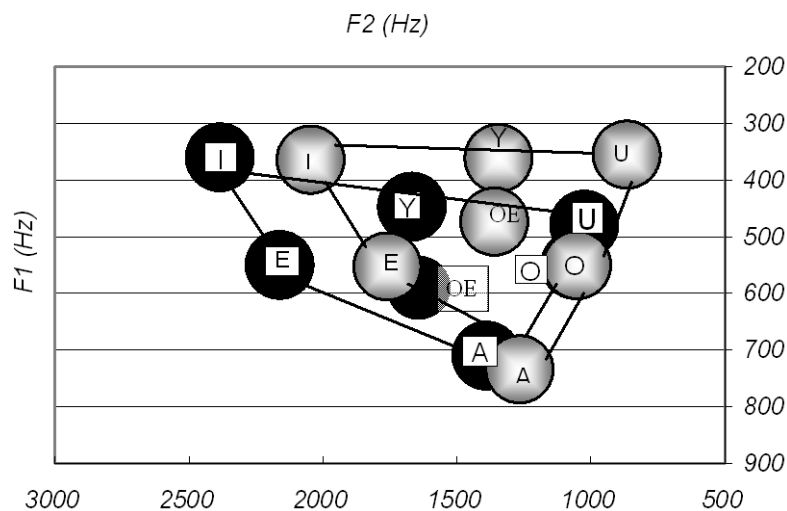
Формантная структура долгих монофтонгов стандарта ШВНЯ.
Чтение: мужчины – женщины

В системе кратких гласных в начитанных текстах отражается такая же специфика, что и у долгих монофтонгов (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Формантная структура кратких монофтонгов стандарта ШВНЯ.
Чтение: мужчины – женщины

Расхождения акустических характеристик монофтонгов, реализованных в спонтанной речи графически представлены на диаграммах 3 и 4.

Диаграмма 3

Формантная структура долгих монофтонгов стандарта ШВНЯ.
Спонтанное говорение: мужчины – женщины

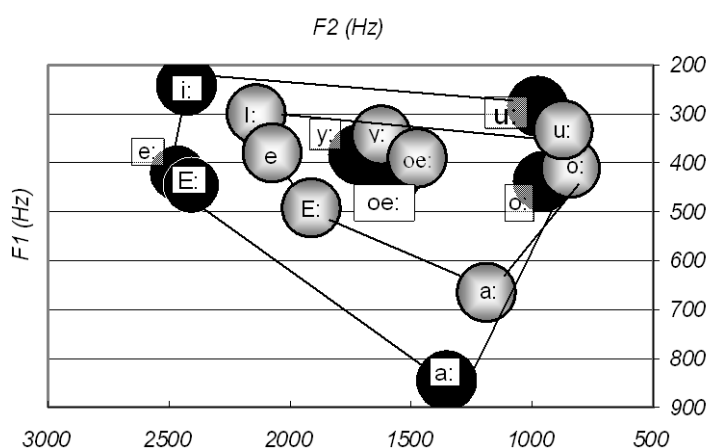
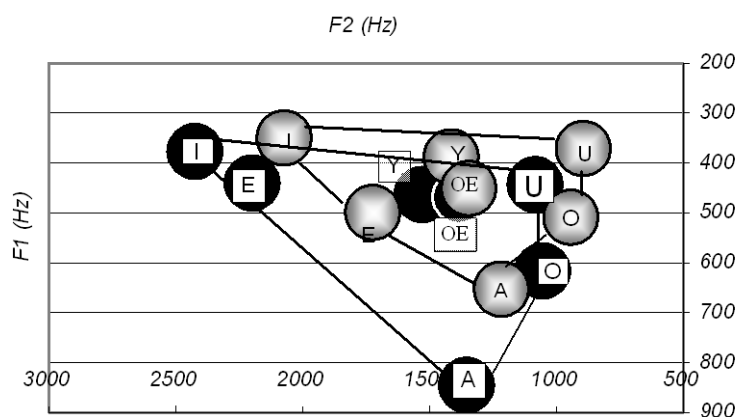

Диаграмма 4

Формантная структура кратких монофтонгов стандарта ШВНЯ.
Спонтанное говорение: мужчины – женщины

Следует отметить, что для спонтанной речи характерно большее варьирование частотных характеристик гласных. Так, значения формант F1 и F2 для долгих монофтонгов [e:], [y:], [ø:], [o:], [a:] у женщин оказались выше, чем у мужчин. Гласные [i:], [ε:], [u:],

реализованные женщинами, имеют более низкую первую форманту F1, вторая форманта смещена в высокую часть спектра.

Для систем кратких гласных (диаграмма 4), реализованных в спонтанном говорении мужскими и женскими информантами, характерны следующие особенности:

- более высокие значения формант F1 и F2 монофтонгов [i], [Y], [œ], [v], [ɔ] в аудиотекстах «женщины-спонтанное говорение»;
- существенные различия в произношении [a] - более открытая артикуляция у женщин;
- сравнительно более закрытый [ɛ] в спонтанной речи женщин;
- незначительные расхождения частот форманты F2 у гласных [ɔ] и [v], реализованных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами.

Для монофтонгов, реализованных мужчинами и женщинами в спонтанном говорении и чтении вслух, общей характерной чертой явилось большее расстояние между формантами F1 и F2 в сочетании с более высокими усредненными значениями формант у женщин.

Следует отметить, что результаты инструментального анализа данных по вокалической системе ШВНЯ не расходятся с наблюдениями по системе гласных германской стандартной вариации, где также отмечается, что частотные диапазоны монофтонгов применительно F1 и F2 смещены в верхнюю область спектра [3. С. 70]. Разница в частотных показателях формант и формантных картинах гласных, реализованных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами, с точки зрения биомеханического подхода объясняется разными размерами резонаторов речевого аппарата и особенностями соотношения размеров носовой и ротовой полостей. Формантная картина одного и того же гласного в соответствии с акустической теорией речеобразования Г. Фанта [4. С. 34, 86] зависит от конкретных размеров резонаторов. У женщин речевой тракт короче и, следовательно, модификации в нем происходят быстрее, чем у мужчин. При этом у женщин при одинаковой артикуляционной скорости звуковой сигнал проходит более короткий путь в резонаторе. Другой причиной различий в формантных показателях женских и мужских дикторов может быть разная частота основного тона (F_0) – ЧОТ. Для мужского голоса средний диапазон ЧОТ равен – 100-250 Гц, для женского – 200-400 Гц [5. С. 183]. Следовательно, F_0

женского голоса имеет более высокие показатели и лежит в частотном диапазоне приблизительно на одну октаву выше по сравнению с F_0 мужского голоса. Это обуславливает более высокие частотные показатели формант. При произнесении информантами разных полов одних и тех же гласных монофтонгов с одинаковой ЧОТ различия в показателях F_I и F_{II} практически исчезают [6. С. 188]. Кроме того, как показывают экспериментальные исследования последних лет, количество гармоник у женщин превышает аналогичный показатель у мужчин почти в полтора раза. При этом гармоники женских голосов по сравнению с мужскими располагаются в среднем на 121,2 Гц ближе к нулевой форманте (F_0). Промежутки между гармониками у женщин меньше, чем у мужчин в среднем на 97,6 Гц, но «полоса гармоник» (расстояние от первой гармоники до последней, исключая F_0) у женщин шире, чем у мужчин в среднем на 381,9 Гц [7. С. 18]. Все выше перечисленные расхождения в усредненных показателях гласных, реализуемых информантами-мужчинами и информантами-женщинами, объясняются антропометрическими различиями полов, а именно особенностями строения речевого аппарата.

В ходе исследования было установлено, что длительность монофтонгов также варьирует в зависимости от того, реализуются те информантами-женщинами или информантами-мужчинами (см. таблицу 1). Длительность измерялась в миллисекундах.

Таблица 1

Соотношения длительности долгих и кратких монофтонгов в стандартной вариации ШВНЯ

	а: - а	е: - е	ε: - ε	і: - і	и: - υ	о: - ѓ	ѳ: - ѳе	у: - У
Мужчины – спонтанное говорение	1.44	1.43	1.51	1.36	1.26	1.33	1.17	1.32
Женщины – спонтанное говорение	1.52	1.65	1.70	1.45	1.46	1.36	1.38	1.61
Мужчины – чтение	1.37	1.30	1.28	1.36	1.26	1.22	1.34	1.35
Женщины – чтение	1.53	1.41	1.32	1.37	1.32	1.37	1.35	1.37

Из таблицы видно, что женщины последовательно реализуют гласные длиннее, особенно в режиме спонтанного говорения. В этом проявляется действие гендерного фактора: увеличение длительности гласных в речи женщин объясняется неосознанным стремлением усилить фонемную дифференциацию – данная речевая привычка формируется в процессе социализации [8. С. 94].

В заключение хотелось бы отметить, что все выявленные в ходе эксперимента особенности реализации гласных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами следует рассматривать как отражение присущей любому языку фонетической вариативности, обусловленной факторами, внешними по отношению к системе языка, но внутренними по отношению к языку и его функционированию, в частности, психологическими, связанными с общими закономерностями человеческого общения и мышления [9. С. 6]. Таким образом, для корректной интерпретации данных экспериментально-фонетического исследования необходимо учитывать как физиологический фактор дифференциации по половому цензу, так и гендерные особенности.

Библиографический список

1. Жарёнова Н.В. Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 218 с.
2. Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Электронный ресурс Интернет: www.km.ru/referats/335208-puti-verifikatsii-lingvisticheskikh-gipotez-pro-et-contra.
3. Потапова Р.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения: Учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1991. 319 с.
4. Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М.: Наука, 1964. 284 с.
5. Раевский М.В., Фонетика немецкого языка. М.: Изд-во МГУ, 1997. 309 с.
6. Diehl R.L., Lindblom B., Hoemeke K.A., Fahey R.P. On explaining certain male-female differences in the phonetic realization of vowel categories // Journal of Phonetics. 1996. № 24. P.187-208.

7. Банков А.С. Исследование тембра и его гендерных особенностей с помощью компьютерной программы «Просодия 1.0» // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 12. С. 12-19.

8. Жарёнова Н.В. Реализация дистинктивных признаков в вокалической системе швейцарского варианта немецкого языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2010. №1 (2). С. 93-96.

9. Безрукая А.Н. Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности (на материале английского языка Великобритании, США и Канады): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 19 с.

Сведения об авторе

Жарёнова Наталья Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: dmitrab@yandex.ru

УДК 811.111'342.9

АКЦЕНТНОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ СЛОВА В СВЯЗНОМ ТЕКСТЕ (результаты экспериментально-фонетического исследования)

А.Н. Морозкова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается такое фонетическое явление как акцентное выделение лексических единиц в высказывании. На основе проведенного экспериментально-фонетического исследования определяется роль акцентного выделения отдельных лексических единиц во фразе в формировании связного текста.

Ключевые слова: интонация, текст, акцентное выделение лексических единиц.

Phonetic Accentuation of Words in Text (Results of a Phonetic Experiment)

Anna Morozkova

The article discusses accentuation of lexical units in utterances, seeking, on the basis of a phonetic experiment, to define its role in formation of a text and its integrity.

Key words: intonation, text, phonetic accentuation of lexical units.

Изучение акцентного выделения (АВ) слова во фразе является важнейшей частью более широкого анализа законов организации связного текста, так как выделенность какого-либо слова просодическими средствами открывает дверь в более широкий прагматический контекст, чем тот, который содержится непосредственно в самом высказывании [1. С. 58], таким образом, выявляются как общие правила создания связности любого текста, так и содержательная структура текста.

Т.М. Николаева в своей фундаментальной работе «От звука к тексту» утверждает, что любой текст характеризуется наличием уровня фразовой интонации и уровнем акцентного выделения, причем если первое является абсолютно необходимым свойством любого высказывания, оформляющего его коммуникативный тип и показывающий терминальный контур фразы, то АВ факультативно и зависит от коммуникативных интенций говорящего, являясь, таким образом, более сознательным речевым усилением говорящего. АВ становится «основным просодическим средством создания дополнительных смыслов» в высказывании или в еще более широком контексте – в связном тексте [1. С. 57]. Подобное акцентное

выделение – просодическое подчеркивание отдельных лексических единиц – меняет смысл высказывания и сказывается на содержательной стороне более объемного комплекса, в которое оно встроено, – на текст. В тексте (или высказывании) АВ сосуществует наравне с фразовой интонацией, которая характеризуется как автоматизированный феномен, то есть воспринимаемый как нейтральный, неслышимый, «интроспективно не замечаемый» [1. С. 57]. Акцентное выделение потенциально может быть реализовано при соблюдении двух условий – его слышимости, осознания слушающим выделенности на перцептивном уровне и создании дополнительной «смысловой ауры, теневого высказывания» [1. С. 58]. При этом речь не идет о смещении коммуникативного центра высказывания, то есть о смещении фразового ударения. Оно остается на месте, как правило, на последнем ударном слоге во фразе, сигнализируя о коммуникативном типе высказывания и окончании коммуникативного действия. Таким образом, фразовое ударение нормально, то есть практически не ощущается как просодически выделенное, в то время как акцентное выделение воспринимается как нечто выделяющееся в мелодической или динамической структуре высказывания.

В ходе экспериментально-фонетического исследования были проанализированы два текста публицистического жанра (речь для публичного выступления и новостное сообщение), начитанные восьмью англоговорящими дикторами в двух вариантах – как единые связные тексты и как дискретные высказывания. На первом этапе эксперимента дикторам были представлены вырезанные из текстов и расположенные в произвольном порядке предложения, составляющие исходные тексты. Произвольный характер представления материала для чтения обусловлен необходимостью нейтрализовать формирование логико-смысловых связей между начитываемыми высказываниями. Предложения, расположенные в том же порядке, что и в тексте на втором этапе эксперимента, могли (предположительно) способствовать формированию единого интонационного оформления предложений, так как диктор легко уловил бы содержательное единство и синтаксическую однородность предложений и мог начать чтение данного материала как связного текста. Мы полагаем, что именно логическая связность, повторяемость лексических единиц и грамматическая однородность

следующих друг за другом предложений обусловило бы интонационное единство и при чтении данных предложений, задачей же эксперимента является выделение именно тех интонационных единиц, которые выполняют организующую функцию в тексте. Произвольный порядок чтения предложений позволяет дикторам сконцентрироваться исключительно на «простом» чтении как бы несвязанных друг с другом предложений, таким образом, не позволяя сформировать логические связи и единый содержательный контекст и делая просодическую структуру начитываемых предложений законченной и завершенной. Кроме того, дикторам не раскрывались цели эксперимента, чтобы избежать подсознательной попытки «подыграть» экспериментаторам. Интонационные задачи были определены как максимально нейтральное (безэмоциональное) прочтение фонетического материала, в которых превалируют значения локуционного (информационного) характера. Общее количество высказываний, начитанных изолированно, составило 25 (16 из первого текста и 9 из второго).

На втором этапе дикторам были предъявлены те же высказывания, но представленные в текстах. Жанровая принадлежность текстов (первый текст является отрывком из инаугурационной речи президента США Барака Обамы, второй – новостное сообщение с новостного канала ВВС) не были заданы, а перед дикторами на данном этапе ставилась задача просто прочитать два текста. Дикторам было дано несколько секунд для просмотра материала и ознакомления с его содержанием. Таким образом, дикторы получали представление о содержании текстов для последующего осмысленного чтения. Общая длительность звучания полученного фонетического материала составляет 1608,6 секунд.

Аудиторский анализ выявил наличие акцентного выделения ряда лексических единиц, существенных для смыслового восприятия текста и создающих «ореол коммуникативных коннотаций» [1. С. 58]. Просодическими средствами для АВ явились резкие изменения динамических, тоновых и темпоральных характеристик.

Фразовое ударение в анализируемых текстах характеризуется нейтральным произнесением и не воспринимается как выделенное и маркированное. Однако наряду с фразовым ударением – интонационно-просодической единицей, «оформляющей законченность фразы и выражение ее коммуникативного типа» [2.

С. 603] – некоторые высказывания несут в себе еще один интонационный центр, характеризующийся нарочитым подчеркиванием и реализующийся через различные комбинации интонационных средств (мелодика, интенсивность, длительность). Слова, которые уже по определению не являются для говорящих «нейтральными», приобретают эмфазу в более широком текстовом контексте для выделения важной с точки зрения говорящего информации или для реализации контрастности. Такое логическое выделение определенных лексических единиц выстраивает ряд «опорных» смысловых точек (столбов, маячков), создающих содержательную структуру текста.

В первом тексте акцентному выделению подверглись такие лексические единицы, как *prosperous* («We remain the most prosperous, powerful nation on Earth»), *productive* («Our workers are no less productive than when this crisis began»), *pat* («The time of standing pat has surely passed»), *science* («We will restore science to its rightful place»). Причины акцентного выделения слова *prosperous* следует искать, видимо, в самой лексеме, которая определяется в Oxford English Dictionary как «having continued success or good fortune; consistently successful; flourishing, thriving» [3]. Все перечисленные в определении прилагательные имеют чрезвычайно положительную коннотацию, кроме того, выделенность именно данной единицы, а не следующей вслед за ней и имеющей также положительный заряд *powerful*, связана с положительным образом данного концепта в англоговорящей культуре (аудиторами, начитывающими речевой материал были высокообразованные представители среднего класса Великобритании). Использование АВ на лексической единице *productive* может служить примером семантики контраста: именно *productive*, а не *unproductive*, и именно сейчас, а не только в прошлом. Выделенная лексема *pat* добавляет эмфазу, подчеркивает важность критической точки для принятия решения. В последнем из рассматриваемых случаев АВ, по всей видимости, выделенность слова *science* связана с перечислением в предшествующем высказывании «We will build the roads and bridges, the electric grids and digital lines that feed our commerce and bind us together». Таким образом, *science* как бы кульминирует высказываемую мысль о восходящем развитии.

Во втором тексте к акцентно выделенным словам относятся такие единицы, как *transit* (в сочетании с *route* и *times* – «For hundreds of years, the Northwest Passage has been prized as a potential transit route across the polar region»), *Northwest*, *long* («It could greatly reduce transit times for ships that would have relied on the long, southern route through the Panama Canal»), *Arctic* («The chilly Arctic waters hold the wrecks of earlier attempts to navigate the passage»), *earlier*, *strategic* («The vitally strategic waterway is expected to open up for longer periods of time»), *vast* («Nations within the Arctic Circle are jockeying for vast, untapped natural resources»).

Слова *long* и *vast* являются примером артикуляционного и интонационного выделения материальных и физических свойств реального объекта, или закона языкового изоморфизма (структурного подобия формы выражения и формы содержания, а вследствие этого и подобия между выражением и содержанием). Что касается акцентного выделения географических понятий *Northwest (Passage)* и *Arctic (waters)*, то в данном случае имеет место, по всей видимости, семантика контраста, то есть не любой проход, а именно северо-западный (*Northwest*), не любые воды, а именно арктические, так как есть и антарктические, и атлантические и тихоокеанские воды. Лексема *strategic* подчеркивает семантическую важность описываемого явления, а *earlier* также передает идею контрастивности, подчеркивая, что попытка в настоящий момент проложить путь через Арктику является продолжением давнего стремления человека и его усилий в данном направлении.

Согласно психолингвистическим исследованиям подобные слова, использующиеся в разных жизненных ситуациях, оказываются связанными с различными вегетативными реакциями и поступают через два канала – первосигнальный и второсигнальный. Через первосигнальный канал слова «отбираются и дифференцируются в вегетативном отборе по эмоциональным признакам». Через второсигнальный канал эти же слова образуют словарь человека, а некоторые приобретают «эмоциональный индекс» [4. С. 41]. Интересно, что некоторые слова с течением времени сохраняют свой эмоциональный индекс, другие становятся «нейтральными» или «приобретают минусовый знак». Однако, как и почему связи между словами формируют или, наоборот, нейтрализуют сильные эмоциональные реакции, неизвестно. Н.И. Жинкин настаивает, что

это чисто психологическая, а не лингвистическая проблема, так как у каждого человека есть индивидуальная система семантических связей слов. И хотя данные исследования направлены в основном на выявление перцептивных особенностей работы психики, но могут быть вполне применимы для объяснения эмфатической (то есть явно эмоциональной) просодической реализации определенных лексических единиц, особенно принимая во внимание тот факт, что читаемые тексты отличались нейтральным информационным содержанием и, соответственно, задавали, таким образом, безэмоциональное просодическое оформление фраз. Несмотря на это, внутренняя семантика некоторых слов для большинства дикторов оказалась сильнее, чем задаваемые информационными особенностями текста ограничители.

Небольшой побочный опрос, проведенный среди группы квалифицированных специалистов, владеющих английским языком на профессиональном уровне, по предъявленным им лексическим единицам, которые мы классифицировали как находящиеся под эмфатическим ударением, выявил, что даже всего несколько слов из текстов оказалось достаточно для определения, по крайней мере, тематики и основных ключевых пунктов (положений). Это особенно проявилось при рассмотрении второго текста, носящего исключительно информативный характер и являющегося по форме новостным сообщением. Все акцентируемые слова второго текста (*transit, long, Arctic, earlier, Northwest, strategic, vast*) позволили практически всем экспертам достаточно полно воспроизвести ключевые моменты содержания речевого отрывка. Возможно, свою роль сыграла географическая референция, которая вместе со словом «transit» вызвала в сознании экспертов информацию об одном из самых обсуждаемых политико-экономических и коммерческих проектов, являющихся важным информационным поводом для дальнейшей дискуссии. Возможно, что и дикторы подсознательно акцентировали анализируемые лексические единицы, так как именно они составляли основные опорные точки в тексте со знакомым содержанием, что доказывает, что и дикторы и эксперты-аудиторы, таким образом, обладают общим фоновым знанием и находятся в общем информационно-культурном (медийном) пространстве.

Кроме акцентного выделения некоторых лексических единиц, нами было выявлено несколько случаев смещения фразового

ударения в текстовых фразах по сравнению с изолированными высказываниями. В данных фразах логическое ударение (в отличие от описанных выше случаев) накладывается на фразовое ударение вследствие конечного положения выделенных слов, поэтому нет необходимости наряду с фразовым ударением использовать эмфатическое:

*We will restore science to its **rightful place**.*

*We will transform our schools and colleges and universities to meet the demands of a **new age**.*

*And all this we **will do**.*

*It could greatly reduce transit times for ships that would have relied on the long, southern route through the **Panama Canal**.*

*It is an attractive notion for shipping companies hoping to shorten **trade routes**.*

Такое смещение коммуникативного центра высказывания и терминального тона наблюдается только в тексте, причем практически все дикторы интерпретируют читаемые тексты одинаково и акцентируют их соответственно. В ходе аудитивного анализа 100% аудиторов констатировали изменение локализации терминального тона и смещение смыслового центра высказывания. После завершения записи речевого материала был проведен опрос дикторов с целью определения мотивации дикторов при изменении локализации фразового ударения по сравнению с его положением в изолированных высказываниях. Аналогичные фразы, прочитанные в тексте и изолированно, были противопоставлены друг другу по принципу оппозиции, а 75% дикторов, прослушав записи и согласившись с тем, что локализация фразового ударения была ими неосознанно смещена в предъявленных высказываниях из текста, связали анализируемое явление с необходимостью контрастно выделить слова, которые показались им наиболее значимыми в смысловом контексте текстов, которые они читали, а именно: 1) дикторы не смогли объяснить, почему именно на слове **rightful** они интуитивно использовали падающий тон в тексте вместо слова **place** в изолированном высказывании («We will restore science to its **rightful place**»); 2) смещение фразового ударения в тексте на слово **new** во фразе **a new age** со слова **age** в изолированном высказывании соотносится с общим содержанием предшествующих высказываний с их референцией в будущее («We will transform our schools and colleges

and universities to meet the demands of a **new age**»); 3) акцент на *will* позволяет усилить неотвратимость и необходимость перечисленных до этого действий («And all this we **will do**»); 4) ударение на слово *Panama* в словосочетании *the Panama Canal* указывает на то, что каналов много, но в данной описываемой ситуации речь идет именно об этом географическом месте (что особенно важно, так как именно через Панамский канал путь занимает намного дольше времени, чем через обсуждаемый в новостной заметке маршрут через Северный Ледовитый океан); 5) акцент на *trade* в словосочетании *trade routes* подчеркивает коммерческую значимость открывающихся возможностей перевозки грузов через северный путь (торговый, а, например, невоенный маршрут). Таким образом, при определении просодических параметров необходимо рассматривать анализируемые фонетические явления только на фоне содержательного и семантического анализа всего текста, то есть мы анализируем функционирование и соотношение элементов текста – знаков текста. В рамках этого принципа мы правомерно ставим вопрос о смысловом фоне функционирования просодических текстовых единиц, о месте в тексте различных понятийных категорий или отдельных реалий времени, пространства и т.д. Задачей при этом является выявление значимости этих категорий в тексте и влияние данных фактов на их просодическое оформление.

Подводя итог, можно отметить следующее. Смысловое поле акцентного выделения включает значения контраста, важности, эмфазы, служит для простого подчеркивания, то есть усиления уже высказанной мысли (например, результативности действия), уточнения, кроме того, использование АВ также может быть продиктовано значением самой лексемы. Нейтральное описание только с одним, «нормальным» фразовым ударением будет меньше связано с предшествующим текстом, в то время как отдельные просодически выделенные слова как бы связывают текст в единое целое, акцентируя наиболее важные с семантической точки зрения для всего текста единицы, служащие опорными смысловыми точками. Таким образом, акцентное выделение «выполняет функции смыслового компрессирования речи, посылая в перцепцию реципиента дополнительные смысловые строки» [1. С. 80], одинаково понятные всем носителям языка.

Библиографический список

1. Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000. 680 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 688 с.
3. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 366 с.
4. Oxford English Dictionary. 2nd edition. Oxford University Press. 1989.

Сведения об авторе

Морозкова Анна Николаевна
ассистент кафедры английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anechek@fromru.com

УДК 811.112.2'38

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ*

Н.Н. Прокопьева, Н.А. Голубева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются виды и функции повтора в текстах немецкоязычных проповедей. Авторы анализируют повтор как стилистический прием, выполняющий текстообразующую и эмоционально-экспрессивную функции в проповеди как ключевом тексте религиозной коммуникации.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, проповедь, стилистический прием, средство выразительности, повтор.

Repetition as a Means of Expressiveness in Modern German Sermons Nadezhda Prokopyeva, Nadezhda Golubeva

The article discusses types and functions of repetition in texts of German sermons, looking at repetition as a stylistic means that performs text-building and emotionally expressive functions in religious texts.

Key words: religious communication, sermon, stylistic means, means of expressiveness, repetition.

Религиозная коммуникация как специфическая и малоизученная сфера общения привлекает в настоящее время все большее внимание ученых, в том числе и языковедов, обращение которых к относительно новому материалу для исследования – текстам религиозного дискурса – позволяет по-новому взглянуть на многие языковые явления, традиционно входящие в круг интересов лингвистов (см., например [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). К таковым относятся, в частности, выразительные средства языка, их функционально-прагматический потенциал, реализуемый в текстах различных жанров и стилей. Научный интерес к языку текстов различных церковно-религиозных жанров, и в частности к языку проповеди как одного из важнейших жанров духовного красноречия, открывает широкие возможности для исследовательской деятельности в этом направлении. В то же время О.А. Прохватилова, предложившая

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 1321 «Современный религиозный дискурс: структура и стратегии развития».

комплексное описание экспрессивных средств современной православной проповеди, с сожалением отмечает отсутствие как в специальной научной литературе, так и в практических пособиях по искусству проповеди разработок, посвященных специальным языковым средствам выразительности. Исследователь объясняет это существованием в гомилетике различных точек зрения относительно возможностей привлечения выразительных средств при создании проповеди, что обусловлено различным пониманием природы пастырского слова. Так, один из подходов в отечественной гомилетике предполагает отказ от риторики при передаче Божественной истины, не нуждающейся, по мнению представителей этого направления, «ни в особых украшениях, ни в специальных средствах убеждения» [8. С. 8]. Подобная точка зрения некогда была характерна и для западной богословской традиции, и лишь во второй половине XX века пришло осознание того, что «проповедник в ответе за язык своей проповеди в целом, т.е. не только за содержание, но и за форму, он не может обойтись без силы убеждения в своей речи» [9. С. 160]. А следовательно, вполне оправданным представляется и рассмотрение проповеди как «живого образца ораторского искусства» [10. С. 306], как жанра духовного красноречия, не только не исключаящего, но и предполагающего использование специальных языковых средств, которые обеспечивают доступность, наглядность и придают убедительность пастырскому слову. К такому выводу приходит и О.А. Прохватилова: «Ярко выраженная воздействующая направленность проповеди не оставляет сомнений относительно необходимости использования в слове пастыря специальных средств выразительности» [8. С. 7].

Как известно, к изобразительно-выразительным средствам языка относятся среди прочего так называемые фигуры речи, под которыми понимаются специфические приемы сочетания слов, создающие особые стилистические эффекты, усиливающие образность и выразительность речи. Предметом рассмотрения в данной статье является повтор как одна из наиболее распространенных фигур добавления, охотно используемая ораторами в различных коммуникативных сферах, в том числе и в религиозной коммуникации. В стилистике повтор определяется как «текстообразующий прием, основанный на сознательном двукратном, а иногда и многократном формальном или семантическом

воспроизведении одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста)» [11]. Отмеченный автором данного определения фактор сознательного воспроизведения языковых единиц позволяет разграничить случаи обоснованного использования повтора, повышающего экспрессивность речи, и повтора, представляющего собой речевую ошибку. Как стилистическое средство повтор может выполнять в тексте разнообразные функции, на что обращают внимание многие исследователи данного стилистического приема: повтор может выступать как средство обеспечения когезии текста и средство смысловой организации текста, использоваться для усиления динамики речи и для выражения эмоций. Большинство лингвистов сходится во мнении, что повтор служит прежде всего обеспечению формальной связности и смыслового единства текста, однако в то же время он способен создавать различные стилистические эффекты. Множественность функций повтора не в последнюю очередь объясняется его видовым многообразием. Так, в стилистике различают звуковой, морфемный, лексический, морфологический и синтаксический виды повтора, контактные и дистантные, полные и варьированные повторы. Анализ текстов современных немецких проповедей показал, что для них характерно активное использование данного стилистического приема во всем его видовом и функциональном разнообразии. Исключительную частотность применения повтора в проповедях, обусловленную его функционально-прагматической значимостью, наглядно демонстрирует следующий небольшой по объему отрывок проповеди, насыщенный разного вида повторами: *Sie glauben nicht, was dieses Wort Entschuldigung alles auslösen kann. Den christlichen Glaubensschatz bewahren. Das heißt auch, sich täglich neu, immer wieder unter die vergebende Gnade von Jesus zu stellen. Immer wieder zu Jesus kommen, mit ihm sprechen. Immer wieder Jesus in unser Herz bitten, vor allem auch, in die tiefsten Kammern unseres Herzens. Die Geheimkammern, die mit sieben Schlössern, die mit sieben Siegel* [12]. В данном случае, как нам представляется, уместно процитировать мнение Е.В. Метляковой, считающей, что повтор «служит средством

расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста» [11].

Рассмотрим далее несколько примеров использования в проповедях различных видов повторов. Материалом для анализа послужили тексты проповедника Ральфа Шнеллера (г. Карлсбад, Германия), размещенных на немецкоязычном сайте www.predigten.de [12].

Наиболее распространенным видом повторов является лексический повтор, который может выполнять в любом тексте, в том числе и в проповеди, целый ряд функций. Можно согласиться с мнением ученых, что функция средства связи, как формальной, так и смысловой, является для лексического повтора важнейшей. Неудивительно, что в проповеди, темой которой заявлено таинство крещения (*Taufe*), слово *Taufe* встречается в каждом абзаце, а в проповеди, посвященной ангелам, – в цепочке следующих друг за другом предложений: *Vielleicht tritt dieser Engel in seiner ganzen Mächtigkeit auf, wegen der Wichtigkeit, aber auch wegen der Gefahr seiner Nachricht. Eine ganz andere Kleiderform hat der Engel, der Joseph im Traum erscheint. Und als ganz normale Männer erscheinen Abraham die drei Engel, die ihm den Sohn prophezeien. Als schöne Männer werden die zwei Engel bezeichnet, die zu Lot kommen, um ihn von Sodom wegzuführen.* Идентичная повторная номинация одного и того же денотата, создавая смысловую связь между соседними предложениями, выступает одновременно как средство обеспечения тематического единства текста.

Однако большего внимания, на наш взгляд, заслуживают случаи, когда лексический повтор используется как эмоционально-экспрессивное средство, служащее для усиления речевого воздействия на слушателей. Исследователи выделяют несколько разновидностей лексического повтора, под которым понимается намеренное повторение в небольшом участке текста одного и того же слова или словосочетания. Так, в зависимости от положения повторяющихся элементов относительно друг друга различают контактные и дистантные повторы. Языковые единицы, непосредственно следующие друг за другом при контактном повторе, встречаются в текстах проповедей довольно редко, хотя лингвисты подчеркивают их особую роль, заключающуюся в придании тексту динамичности и эмоциональности: *Eine Selbstsicherheit im christlichen*

Glauben an den Tag gelegt, dass man sich wundert, aber Fehler, Fehler machen sie keine. Контактный повтор той или иной языковой единицы, как в данном примере, используется не только для эмоционально-экспрессивного выделения значимых для высказывания компонентов, но и способствует семантическому расширению, обогащению высказывания, поскольку повторяющиеся единицы зачастую сопровождаются уточняющими элементами в атрибутивной функции. Эту функцию могут выполнять языковые элементы разных уровней языка: компоненты сложного слова: *Von dem Schatz Vergebung, von dem ich berichte, der spricht die Sprache der Liebe, der Nächstenliebe*; отдельные слова: *Erst dann können wir in die nächste Phase, Phase der Akzeptanz*; словосочетания: *Die Anzahl der Berichte über Engel steigt, steigt wie die Verkaufszahlen der Bücher darüber*; и даже придаточные предложения: *Da gibt es gefallene Engel, Engel, die dem Willen Gottes nicht gehorchen, aber trotzdem bestimmten Gesetzmäßigkeiten unterliegen.* Особый вид контактного повтора представляет собой анадиплосис, который лингвисты рассматривают прежде всего как средство связи между отдельными высказываниями: *Nein, ich fordere in meiner Predigt keinen billigen, keinen schnellen Frieden, keine schnelle Vergebung. Vergebung bei Traumata braucht einen Prozess, braucht eine Entwicklung, eine Reifezeit.*

Контактный повтор иногда выступает в виде градации, заключающейся в постепенном смысловом усилении или ослаблении частей высказывания, что также придает ему особую выразительность: *Jeden Tag, jede Stunde, jede Minute haben wie die Möglichkeit, zu entscheiden, ob wir auf Gottes Heiligen Geist oder auf den Satan hören sollen.*

Е.В. Метлякова относит к лексическим и вариативные повторы, одной из разновидностей которых является синонимический повтор [11]. Этот вид повтора достаточно часто используется проповедниками, поскольку с помощью синонимов говорящему удастся добиться смыслового обогащения высказывания, внести разнообразие в описание наиболее важных понятий и явлений, сфокусировать на них внимание слушателя, при этом не вызвав у него негативного ощущения назойливости говорящего: *Eine typische Eigenschaft, sich selbst, seine Anwesenheit, sein Dasein, seine Existenz, zu verleugnen.*

Одним из наиболее распространенных в проповеди стилистических приемов является анафорический повтор, который, с одной стороны, служит ритмической организации фрагмента речи, а с другой, акцентирует внимание на определенных языковых единицах, являющихся ключевыми для проповеди: *Die Lösung, die Paulus anbietet: Frieden mit sich selbst. Frieden mit anderen.* Эллиптические предложения, в которых используется лексический повтор в данном случае, облегчают восприятие основной мысли, а повторно используемая лексема выступает их смысловым центром. В качестве повторяющейся языковой единицы могут выступать как полнозначные слова, так и местоимения, междометия, служебные части речи: *Wir Menschen können diesen Lichtglanz, er heißt mit dem Fachausdruck Doxa, nicht aushalten. Wir sind total geblendet. Wir erschrecken zu Tode.* Анафорический повтор местоимения *wir* позволяет говорящему перенести логическое ударение на часть речи, обычно не являющуюся рематическим компонентом высказывания, тем самым повышая ее коммуникативную ценность и превращая в смысловую доминанту данного ряда предложений. Повторяющимся элементом в ряде высказываний может быть и словосочетание: *Unser christlicher Glaube ist ein Schatz, eine Perle, unser christlicher Glaube ist einmalig, weil Jesus einmalig ist.*

Интересен следующий пример анафорического повтора: *Hass ist ansteckend. Hass ist massiv virulent. Hass greift in einen ganzen Organismus in kürzester Zeit ein. Hass vergiftet den ganzen Menschen. Hass beschädigt den ganzen Menschen.* Пятикратный повтор слова *Hass* (ненависть) с ярко выраженной негативной коннотацией, сопровождающийся описанием того вреда, который это чувство наносит человеку, должен вызвать у реципиента неприятие, отторжение этого разрушительного чувства. Для акцентирования этой мысли проповедник комбинирует лексический повтор с синтаксическим параллелизмом, который мы наблюдаем в последних двух предложениях данной цепочки. Частое сочетание лексического повтора с синтаксическим параллелизмом отмечают многие лингвисты, например, М.В. Веккесер, объясняя такое взаимодействие стилистических приемов их функциональной общностью: «стилистические приемы, построенные по одному принципу, имеют большую вероятность совместного использования для выражения какой-либо функции» [13. С. 68]. Многочисленные

подтверждения этой мысли можно найти в текстах проповедей, где использование разных видов лексических повторов зачастую сопровождается синтаксическим параллелизмом: *Wir Christen müssen mit Anfeindungen rechnen, wir müssen mit Ungerechtigkeit rechnen.* О.А. Прохватилова видит в использовании в проповедях синтаксического параллелизма проявление принципа симметрии, что, по ее наблюдениям, является характерной особенностью языка этого жанра: «конструктивными принципами речевого строя современного пастырского слова и системы его выразительных средств является бинарность и симметрия» [8. С. 10]. Справедливость этого утверждения доказывает следующий пример, в котором находят отражение и принцип бинарности, заключающийся в двучленности семантической структуры высказывания, и принцип симметрии, проявляющийся в соразмерном расположении частей целого: *Ein Mensch sieht was vor Augen ist; der Herr aber sieht das Herz an.* Соположение двух сущностей – Бога и человека – в одном высказывании, построенном с использованием синтаксического параллелизма, позволяет говорящему создать антитезу, которая подчеркивает контрастность этого противопоставления. Таким образом проповедник придает своему высказыванию большую выразительность, добиваясь максимального прагматического эффекта.

Итак, анализ современных немецкоязычных проповедей показал, что одним из наиболее эффективных средств выразительности, активно используемых в данном типе текста, является повтор, характеризующийся видовым и функциональным разнообразием. Обращение к данному стилистическому приему обусловлено основной прагматической целью проповедника – оказать учительное воздействие на слушателей.

Библиографический список

1. Голубева Н.А., Прокопьева Н.Н. Прецедентная функция религиозных вокативов в дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 25. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 9-19.

2. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им.

Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 164-168.

3. Прокопьева Н.Н. Функции оценочной лексики в христианской немецкоязычной проповеди (на материале проповедей Папы Римского Бенедикта XVI) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 64-70.

4. Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с.

5. Матвеева И.В. Ролевые отношения коммуникантов в современной немецкоязычной проповеди // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 56-63.

6. Голубева Н.А. Прецедентные единицы в религиозном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 23. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 26-34.

7. Соколова М.Ю. Литературная пастораль и христианский псалом как синтез античной и христианской традиции в поэтике Джона Мильтона // Мировая литература в контексте культуры. 2013. №2(8). С. 7-12.

8. Прохватилова О.А. Выразительные средства современной православной проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Вып. 1 (13). Т. 2. 2011. С. 7-13.

9. Плисов Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Орел: ОГИИК, 2005. С. 157-167.

10. Куклев В.В. Проповедь в гомилетике и лингвистике // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 27. 2012. С. 302-307.

11. Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011 // Электронный ресурс Интернет: <http://netess.ru/3jazykoznanie/102600-1-leksicheskiy-povtor-kak-semantiko-stilisticheskaya-kategoriya-organizacii-liricheskogo-teksta-rannem-tvorchestve-anni-ahmatov.php>.

12. Schneller Ralph, Prädikant. Predigten // Электронный ресурс Интернет: <http://www.predigten.de>.

13. Веккесер М.В. Структурно-функциональная обусловленность конвергенции стилистических фигур в современном русском языке (на примере полисиндетона) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Вып. 3. 2009. С. 59-69.

Сведения об авторах

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

УДК 811.111'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ В АСПЕКТЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

(на материале современных британских СМИ)

Е.А. Слободенюк

*Камчатский государственный университет им. В. Беринга,
Петропавловск-Камчатский;*

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена изучению оппозиции «свой – чужой» в британском медиадискурсе. В статье анализируются метафорические средства представления образа Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель в современном британском медиадискурсе. Установлено, что система метафорических концептуализаций немецкого политика в британских СМИ представляет ее образ как положительный, а уподобление образу «железной леди» Маргарет Тэтчер способствует восприятию Меркель как «своего» политика.

Ключевые слова: медиадискурс, оппозиция, образ, метафорическая модель, немецкий политик, СМИ.

The Metaphoric Image of Angela Merkel in Modern British Mass Media within the “Friend vs. Stranger” Paradigm

Elena Slobodenyuk

The article examines the “friend vs. stranger” opposition in the British media discourse, analyzing metaphoric systems of representing German Federal Chancellor Angela Merkel as a “stranger” (foreign) politician. It concludes that current metaphoric conceptualizations of the German politician in the British mass make her image positive, while positioning her as “the iron lady,” in the vein of Margaret Thatcher, encourages the British public to see Merkel as a “friend” politician and as someone familiar.

Key words: media discourse, opposition, image, metaphoric model, German politician, mass media.

В современной медиалингвистике особое место занимают проблемы формирования общественного мнения и манипулирования им в СМИ, проблемы семиотической природы медиатекстов в контексте межкультурной коммуникации. Язык СМИ неоднократно становился предметом исследования зарубежных и отечественных ученых (Т. ван Дейк, А. Белл, М. Монтгомери, Н. Файерклаф, Г.В. Степанов, Д.Н. Шмелев, О.А. Лаптева, А.Н. Васильева, С.И. Сметанина). При изучении проблем медийного дискурса ученые

отмечают такие его особенности, как своеобразные функционально-стилистические характеристики (В.Г. Костомаров, И.П. Лысакова, О.А. Лаптева), коммуникативность и широкая контекстуальность (Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Добросклонская, О.В. Ширяева), манипулирование общественным сознанием (Е.В. Вильчикова, В.И. Карасик, С.А. Виноградова). Общеизвестно огромное влияние СМИ на картину мира целевой аудитории медиадискурса, в том числе на представления о политиках как символических представителях государств.

Исследователи обоснованно отмечают, что «развитие взаимоотношений между СМИ и политической властью характеризуется все более возрастающей взаимозависимостью» [1. С. 52]; медиадискурс, когда-то называемый четвертой властью, обнаруживает сегодня признаки сращения с другими ветвями власти.

Ангела Меркель является одним из ведущих современных европейских политиков, первой женщиной-канцлером Германии, по праву наследуя славу Маргарет Тэтчер как влиятельная женщина-политик. Со времени ее первых политических успехов эта противоречивая фигура, выдвинутая Г. Колем, стала объектом пристального внимания европейской, в том числе британской, прессы. Несмотря на в целом взвешенную политику Меркель и ее неизменно пристальное внимание к Британии, отношение к ней в британской прессе так или иначе вписывается в рамки ключевой семантической оппозиции политического дискурса «свой – чужой», причем «образ «чужого» динамично развивается между двумя полюсами – отторжения и толерантности, сочетая в себе на первый взгляд противоречивые и несовместимые характеристики» [2. С. 175].

Оппозиция «свой – чужой», по мнению П. Канчани, является важнейшим средством воздействия в политическом дискурсе: «модель процесса политической коммуникации, основанная на противопоставлении «мы – они», включает факт оказания давления на реципиентов через механизм коммуникативных стратегий и тактик, важнейшими из которых являются макростратегии дискредитации и самопрезентации» [3. С. 4]. Присутствуя в каждом тексте политической направленности или тематики, эта оппозиция негласно формирует отношение к предмету описания. Это в полной мере касается и отношения британцев к действующему канцлеру Германии.

Образ Ангелы Меркель в современном британском медиадискурсе воплощается в жанре политического портрета как «который в ходе многопланового системного сочетания вербальных и невербальных характеристик формирует в лингвистическом сознании массовой аудитории узнаваемый образ политического деятеля» [4. С. 13].

Метафора, которая понимается в когнитивной лингвистике как важнейшая ментальная операция структурирования мира, играет важную роль в политическом медиадискурсе, помогая выстраивать образ политика на уровне ассоциаций. В каждом национальном дискурсе «функционирует система взаимосвязанных и взаимодействующих метафорических концептов, посредством которых репрезентируются основные понятия» [5. С. 5], а также образы политической сферы. При этом концептуально-метафорическое отражение образа политика не только запечатлевает существующие направления осмысления образа, но и влияет на мнение читателя, формирует его.

С этой точки зрения рассмотрение метафорической системы представления образа Ангелы Меркель в британской прессе является весьма актуальным. Новизна работы заключается в том, что образ Ангелы Меркель и его метафорическая концептуализация впервые исследуются на материале британской прессы, что позволяет ожидать новых результатов, касающихся особенностей оценки образа политика в британском медиадискурсе. Методологической основой исследования являются положения теории метафорического моделирования (А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал).

Проанализировав методом сплошной выборки сетевые версии высококачественной британской прессы (*The Guardian, The Economist, The Spectator, The Telegraph, The Independent, Newsweek, Financial Times*; объем выборки составил 100 статей), мы выделили текстовые фрагменты, позволивших разработать типологию метафорического представления образа действующего немецкого политика. В частности, на основании анализа отобранных текстов мы предложили типологию метафорических сфер-источников, которые конкретизировали образ Ангелы Меркель как действующего немецкого политика.

Сфера-источник метафоризации «история» в отношении образа Ангелы Меркель связана с тем, что ее образ осмысливается через

образ другого исторического деятеля (или обобщенный образ). Так, корреспондент популярной британской газеты *The Telegraph* употребляет развернутую метафору, где Меркель уподобляется прусскому фельдмаршалу Г. Блюхеру, победителю при Ватерлоо: *No doubt Mr Cameron's enthusiastic boosters would like to cast him as Wellington to Mrs Merkel's Blucher*» (Kirkup J. *Angela Merkel in London: Once again, our future rests on German leadership* – <http://blogs.telegraph.co.uk/news/jameskirkup/100261396/angela-merkel-in-london-once-again-our-future-rests-on-german-leadership/>). В данном примере премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон уподобляется английскому полководцу герцогу Веллингтону, союзнику Блюхера в битве на Ватерлоо. Важно отметить, что Блюхер пришел на помощь Веллингтону и помог ему избежать поражения; эта метафора с очевидностью говорит о расстановке сил в современной европейской политике. Здесь образ одного деятеля представлен другим, однако более известным, отношение к которому четко определено среди читателей СМИ.

В следующем отрывке обыгрывается метафора *Меркель – королева*, на что указывает и упоминание традиционной музыки, звучащей при коронации британской королевской семьи: *They weren't quite playing Zadok the Priest as Angela Merkel swept into the Royal Gallery at the Houses of Parliament, but that was probably only because someone had spotted that a blast of Handel, a German who naturalised as a Brit, might not make the most tactful welcome for the chancellor* (Addley E. *Parliament welcomes Angela Merkel like the Queen of Europe* – <http://www.theguardian.com/politics/2014/feb/27/parliament-angela-merkel-europe-germany>). Ироничное описание, подразумевающее вероятную коронацию Меркель как «королевы Европы», связано с высокими почестями, которые были оказаны ей британским правительством во время ее последнего визита в феврале 2014 года.

Метафорическая сфера-источник «война» используется в отношении А. Меркель достаточно активно: она метафорически характеризуется как полководец. О Меркель как о *полководце* пишет корреспондент британской еженедельной газеты *The Economist*, правда, достаточно критично, намекая, что ее силы на поле экономики невелики: *She ruled out a shooting war, but not an economic one* (*Which war to mention?* – <http://www.economist.com/news/briefing/21599410-angela-merkel-and-her-foreign-minister-crisis-throwback-worse-times-which->

war?zid=307&ah=5e80419d1bc9821ebe173f4f0f060a07). *Newsweek* говорит о ней как о «чемпионе», защитнике всей Европы: *German Chancellor Angela Merkel, champion of Europe* (Addley E. *Parliament welcomes Angela Merkel like the Queen of Europe* – <http://www.theguardian.com/politics/2014/feb/27/parliament-angela-merkel-europe-germany>). Таким образом, метафоры сферы «война» индексируют положительную оценку лидерских качеств женщины-политика.

Сфера «механизмы, промышленность» связана в первую очередь с концептуализацией образа Меркель как профессионала, человека, обладающего большим опытом в различных сферах деятельности.

Ведущее место занимает метафора *Меркель-ученый (математик или физик)*, соотносимая с образованием политика: *A woman with a doctorate in the mechanisms of decay reactions and velocity constraints in quantum chemical methods is not one given to imprecision* (Addley E. *Parliament welcomes Angela Merkel like the Queen of Europe* – <http://www.theguardian.com/politics/2014/feb/27/parliament-angela-merkel-europe-germany>); этот пример включает и метафорическую модель механизма.

В следующем примере также представлена метафора, связанная с математическим образованием действующего канцлера Германии: *It is safe to assume that a woman with a doctorate in "the mechanisms of decay reactions and velocity constraints in quantum chemical methods" has some facility at maths»* (Rawnsley A. *Not even Angela Merkel can bridge the vast Europe divide for David Cameron* – <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/02/eu-reform-cameron-merkel-tory-europhobes>). В данном примере метафорическая модель *Меркель-математик* прямо указывает на то, что лидеры европейских стран, в частности британский премьер-министр Дэвид Кэмерон, надеются на то, что математический склад ума и образование Ангелы Меркель помогут ей не допустить серьезных просчетов в тактической борьбе за лидерство на политической арене.

Также встречаются другие профессиональные метафоры. В частности, метафора *бизнесмен, переговорщик*: *Those who have seen her in action around negotiating tables report that she is a tough and careful bargainer* (Rawnsley A. *Not even Angela Merkel can bridge the vast Europe divide for David Cameron* –

<http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/02/eu-reform-merkel-tory-europhobes>); данный пример семантически связан с ее оценкой как *математика*, достаточно сильной стороны – участника переговоров по заключению сделки, определению стоимости, формы оплаты и т.д.; человека, обладающей большой властью, который будет вести себя жестко в переговорах по экономическим и политическим вопросам.

В рамках сферы-источника «спорт, игра» образ Меркель осмыслен через метафору игрока: *The most powerful player on the EU stage* (Grice A. 'You are in for a disappointment,' Angela Merkel tells Eurosceptic Tories hoping for fundamental EU reform in speech to Parliament – www.independent.co.uk/news/you-are-in-for-a-disappointment-angela-merkel-tells-eurosceptic-tories-hoping-for-fundamental-eu-reform-in-speech-to-parliament-9158076.html); при этом она характеризуется как опытный и профессиональный игрок: *Playing well with others has become a Merkel hallmark, at home as well as abroad* (Hammer J. Angela Merkel: Germany's Wonder Woman – <http://www.newsweek.com/angela-merkel-germanys-wonder-woman-67743>), а также игрок сильный и безжалостный, нацеленный на победу: *she is a ruthless power player who does what is needed* (Gimson A. Profile: Angela Merkel and the talent of seeming ordinary – <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/6563927/Profile-Angela-Merkel-and-the-talent-of-seeming-ordinary.ht>).

В материале исследования содержатся примеры осмысления образ Ангелы Меркель через метафору *актера*: *The most powerful player on the EU stage* (Grice A. "You are in for a disappointment", Angela Merkel tells Eurosceptic Tories hoping for fundamental EU reform in speech to Parliament – www.independent.co.uk/news/you-are-in-for-a-disappointment-angela-merkel-tells-eurosceptic-tories-hoping-for-fundamental-eu-reform-in-speech-to-parliament-9158076.html).

Метафоры, относящиеся к концептуальной сфере театра, часто встречаются в политическом медиадискурсе. Политики используют медийные возможности, необходимые им для самовыражения, представления себя с «актерским лицом» [6. С. 14].

В следующем примере Ангела Меркель осмысливается через образ *капитана судна*: *the ease with which Merkel navigated the murky waters of pre-reunification East German academe* (Henley J. Angela Merkel: Europe's saviour – or biggest problem? –

<http://www.theguardian.com/world/2011/nov/22/is-angela-merkel-europes-problem>). Образ политика как рулевого, понимаемый в контексте метафоры *государство – это корабль (машина)*, является классическим; активное использование этой метафоры, в положительном ключе, свидетельствует о высокой оценке лидерских качеств и стратегического мышления Меркель, которая шла в политику непростым путем и смогла удержаться на вершине весьма долго.

Сфера-источник «артефакты, механизмы» включает в себя различные метафоры, среди которых лидируют метафоры, концентрирующиеся вокруг концептов «железо» и «движение». «Механизм» Меркель-политика работает на двигателе внутреннего сгорания, «топливом» для которого служит ее озабоченность процессами глобализации: *Personal history aside, according to an aide, it is Merkel's preoccupation with globalization that "keeps her going" and fuels her desire to improve U.S.-European relations (Germany's Merkel is the New Tony Blair – <http://www.newsweek.com/germanys-merkel-new-tony-blair-101247>)*. Употребление метафоры механизма применительно к Меркель, по всей видимости, не случайно. Ее физическое образование, предсказуемость и надежность, относительная бесстрастность и даже ее длительная политическая карьера способствуют отождествлению ее с долговечным и надежным механизмом, что в целом служит для положительной оценки ее политической деятельности.

Стоит отметить, что лишь одна из выявленных метафор гендерно носит явно уничижительный характер, во многом обусловленный гендерным подтекстом. Меркель позиционируется как бледное подобие видных предшественников-мужчин: *Merkel – a pale, irredeemably frumpy, maddeningly hard-to-pin-down shadow of an Adenauer, a Brandt, a Kohl – is totally not what's needed, say her critics (Henley J. Angela Merkel: Europe's saviour – or biggest problem? – <http://www.theguardian.com/world/2011/nov/22/is-angela-merkel-europes-problem>)*.

Одним из важнейших направлений осмысления образа Меркель в английской прессе становится ее соотнесение с британскими политиками, что так или иначе помогает увидеть в ней «свою». Она предстает как «новый Тони Блэр» (*Germany's Merkel is the New Tony Blair – [http://www.newsweek.com/germanys-merkel-new-tony-blair-](http://www.newsweek.com/germanys-merkel-new-tony-blair-101247)*

101247) и непоколебимая Маргарет Тетчер – *Teutonic Thatcher* (Paterson T. *The iron Frau: Angela Merkel* – <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/the-iron-frau-angela-merkel-1941814.html?origin=internalSearch>).

Прозвищные аналогии между Меркель и Тэтчер довольно часто встречаются в британской прессе: *Germany's first woman Chancellor – a leader once referred to as "Ms Europe" – is nowadays being dubbed "Frau Germania", "Iron Lady" and even "Maggie Merkel", not just by hyper-critical British newspapers but by the press in her own country* (Paterson T. *The iron Frau: Angela Merkel* – <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/the-iron-frau-angela-merkel-1941814.html?origin=internalSearch>). В особенности эта тенденция и сильная политическая воля немецкого канцлера стали очевидны после ее резкого выступления на саммите в Брюсселе по греческому вопросу, где она проявила *Thatcherite doggedness* (Ibid). Уподобление двух влиятельных женщин-политиков, перенесение на Меркель титула *iron frau* свидетельствует о высокой оценке вклада Меркель в политику Европы и о возможности ее характеристики как «немецкой Тэтчер», то есть как «своего» иностранного политика.

Следует отметить, что проведенное отечественным лингвистом исследование немецкой прессы, где раскрывается образ Ангелы Меркель, указало на общность определенных метафор с вышеназванными. Так, постоянной является метафора *королевы* (Европы, Германии), патерналистская метафора *Меркель – Коль*, предметная метафора *механизма*, метафора *актер*. В то же время в немецком медиадискурсе встречаются метафоры *железный канцлер*, *швабская домохозяйка*, а также *мать* [7. С. 10], чуждые для британского медиадискурса.

Таким образом, метафорический образ Ангелы Меркель в британских СМИ формируется главным образом в метафорах профессий. Можно выделить определенные ключевые слова [8. С. 22], которые являются метафорическими репрезентантами ее образа: это, прежде всего, *управление*, *профессионализм*, *лидерские данные*. Среди позитивно оцениваемых качеств выделяются – интеллект, управленческие навыки, стремление к союзничеству. Оценка женщины-политика через метафору традиционных мужских профессий внушает уважение, чему немало способствует и важная для британского читателя ее научная специализация. Вместе с тем

присутствует и ряд негативных оценок, выраженных в различных сферах. Так, пышный прием Меркель в Лондоне в феврале 2014 года вызывает ряд иронических коннотаций (отождествление с королевой Европы).

Как представитель европейской нации, Ангела Меркель в рамках оппозиции «свой-чужой» оказывается близка к позиции «своего» политика. Для упрочения этой дискурсивной позиций используются следующие аргументы: высокая оценка деятельности Меркель британскими руководителями (Т. Блэр, Д. Кэмерон); проведение параллелей с британскими премьер-министрами, в особенности с Маргарет Тэтчер; восприятие Меркель как защитника прав всей Европы; восприятие Германии как ключевого союзника Великобритании в 2014 году.

Подобная неконфликтная конфигурация базовой оппозиции политического дискурса «свой» vs. «чужой» становится основанием для продуктивного политического диалога двух стран.

Библиографический список

1. Косов В.В. Перевод в печатных СМИ и стереотипы образа политика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 5. С. 52-61.
2. Леглер А.А. Вербализация понятийной оппозиции *свои-чужие* как маркера бинарной картины мира Г. Вальрафа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 5. С. 172-180.
3. Канчани П. Оппозиция «свои-чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
4. Агапкин Н.В. Функциональные особенности англоязычного политического портрета как медиатекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
5. Соловьева Ю.А. Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
6. Сорокин Ю.А. Образ политика в обыденном сознании // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2007. Т. 1. № 9. С. 14-17.

7. Цаголова В.А. Лингвокультурный портрет женщины-политика (на примере федерального канцлера Германии Ангелы Меркель) // Электронный ресурс Интернет: www.science-education.ru/106-7790.

8. Соломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Сведения об авторе

Слободенюк Елена Александровна
старший преподаватель кафедры
переводоведения и восточных языков
Камчатского государственного университета
им. В. Беринга,
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: slobodenyuck.lena@yandex.ru

УДК 811.112.2'282.2(436)

ФУНКЦИИ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (на материале электронных версий австрийских газет)

В.А. Чукшис

*Московский государственный областной гуманитарный институт,
Орехово-Зуево*

В статье описаны функции диалектизмов в австрийских газетных текстах. В результате анализа четырех тематических групп австрийских диалектизмов сделаны выводы о видах и функциональных особенностях диалектной лексики в электронных версиях австрийских газет.

Ключевые слова: газетный текст, австрийские диалектизмы, языковая картина мира.

Functions of Dialecticisms in Newspaper Texts (in Austrian Online Newspapers) Vadim Chukshis

The article describes functions of dialecticisms in Austrian newspaper texts, identifying and analyzing four thematic groups of Austrian dialecticisms and making a number of conclusions about types and functional features of dialect words.

Key words: newspaper text, Austrian dialecticisms, linguistic world view.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике обозначился устойчивый интерес исследователей к проблемам национально-региональной вариативности немецкого языка (В.М. Жирмунский, А.И. Домашнев, В.Т. Малыгин, Н.Г. Помазан, С.И. Дубинин, В.М. Бухаров, У. Аммон, Г. Риццо-Бауер, Г. Бринкман, М. Горнунг, Я. Эбнер и др.). Не теряет своей актуальности вопрос о стилистических функциях диалектной лексики в австрийской публицистической литературе.

Газетные тексты принадлежат к публицистическому стилю, который складывается из языка газет, общественно-политических журналов, докладов, выступлений, речей, дискуссий, радио- и телепередач. Основные функции газетных текстов – информационная и агитационно-пропагандистская, которые реализуют политическую информацию для идеологического воздействия на массы с целью формирования общественного сознания и побуждения их к активным действиям [1. С. 149]. Газеты являются одним из важнейших СМИ в Австрии. Они освещают актуальные проблемы и явления текущей

жизни австрийцев, играют важную роль как средства выражения общественного мнения.

Целью настоящей статьи является описание функций диалектизмов в австрийских газетных текстах. Материалом для статьи послужили электронные версии популярных австрийских газет: «*Kurier*» [2], «*Die Presse*» [3], «*Wiener Zeitung*» [4], «*Oberösterreichische Nachrichten*» [5]. Отметим, что к анализу привлекались газетные заголовки, тексты газетных статей, а также комментарии к ним.

Необходимо отметить, что диалектизмы, рассматриваемые в данной статье как характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь [6. С. 133], обозначают понятия и реалии из многочисленных сфер жизни австрийцев и играют особую роль в создании их языковой картины мира (ЯКМ). ЯКМ – понятие, получившее множество трактовок в современной лингвистической литературе. Ю.Д. Апресян указывает, что ЯКМ – лингво-, этноспецифична, т.е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-либо других языков [7. С. 35]. В своих работах А.А. Арестова отмечает, что ЯКМ формирует тип отношения человека к миру. Она задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его взаимоотношения с миром. Автор подчёркивает, что ЯКМ складывается в совокупность знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии и грамматике [8. С. 31].

В данной статье мы придерживаемся мнения, что ЯКМ австрийцев является источником знаний об их национальном характере, менталитете, образе мышления, особенностях национального мировосприятия; а диалектизмы, будучи тесно связанными с культурно-историческими традициями австрийского народа, представляют собой средства отражения ЯКМ и используются для номинации национально-специфических предметов и реалий из различных сфер жизни общества.

Исходя из вышесказанного, классифицируем австрийские диалектизмы по следующим тематическим группам:

1) слова, характеризующие профессию или общественное положение человека: *Taxler* «*Taxifahrer*», *Kieberer* «*Polizist*», *Hackler* «*Arbeiter*», *Greissler* «*Lebensmittelkleindändler*»;

2) исконно австрийские продукты питания и напитки: *Tröpferl* «ein gutes Wein», *Kracherl* «Fruchtlimonade», *Kaiserschmarren* «императорский омлет», *Brioche* «ein Weißgebäck mit unterschiedlichen Größen und Formen», *Schmankerl* «Leckerbissen, der österreichische Spezialität hat», *Kipferl* «Hörnchen», *Krapfen* «kleines, rundes, in Fett schwimmend gebackenes Gebäckstück», *Gröstl* «Speise aus geröstetem Fleisch und Erdäpfeln»;

3) слова, отражающие особенности австрийской национальной культуры: а) фольклорные элементы ‘*Gstanzl* «eine bayerisch-österreichische Liedform, meist als Spottgesang», *Schnaderhüpfel* «improvisierte epigrammartige Gedichte, die immer aus seiner Strophe bestehen»; б) названия национальной австрийской одежды *Dirndl* «Mädchenkleid», *Schnürsamthose* «eine sehr bequeme Hose mit den unterschiedlichsten Schnittmöglichkeiten»;

4) мебель, домашняя утварь, названия жилых помещений: *Tischerl* «Tisch», *Kasten* со значением «Schrank», *Teehäferl* «ein größeres Trinkgefäß», *Kafeetscherl* «eine Tasse Kaffee», *Gaststüberl* «kleines, gemütliches Zimmer».

Рассмотрим на конкретных примерах функциональные возможности диалектизмов из данных тематических групп в заголовках и текстах австрийских газет, а также в газетных комментариях.

Австрийские диалектизмы в газетных заголовках

Следует особо подчеркнуть, что в современных СМИ актуальность приобретает проблема речевого воздействия на читательскую аудиторию и языковых механизмов влияния прессы на общество. И.А. Стернин характеризует речевое воздействие в языке прессы как воздействие информирующего печатного органа на массовую читательскую аудиторию при помощи языковых средств и сопровождающих речь графико-визуальных средств для достижения поставленной цели [9. С. 51]. Мы полагаем, что австрийские диалектизмы, используемые в газетных заголовках, нередко выполняют *функцию речевого воздействия*: они придают экспрессивности заголовку статьи и побуждают читателя к ознакомлению с ней. Диалектизмы, характеризующие профессию или общественное положение человека из тематической группы №1, довольно часто встречаются в газетных заголовках.

Ряд австрийских газетных заголовков рассказывает о разбойных нападениях на венских таксистов: *Fahrgast bedroht Taxler mit Messer* (Kurier, 24.02.2014); *Wiener Taxler unter Beobachtung* (Kurier, 12.10.2011); *Taxler und Trafik ausgeraubt* (Kurier, 11.04.2014); *Taxler wollen kein «Freiwild» sein: nach zahlreichen Überfällen fordern die Berufsfahrer die Freigabe der Videoüberwachung in Taxis* (Kurier, 26.07.2013).

Приведённые примеры показывают, что автор включением в газетные заголовки диалектизма *Taxler* «Taxifahrer» осуществляет речевое воздействие на читателя, привлекая его внимание к содержанию статьи.

Статьи, рассказывающие о положении дел в австрийской полиции, широко представлены в австрийских газетах. Рассмотрим три газетных заголовка:

1) *Wiens erfolgreichste Kieberger: 47 Polizisten wurden für besondere Leistungen ausgezeichnet* (Kurier, 05.12.2013);

2) *Mehr als «Bullen» in Uniform: Kieberger gehen auf Streife und schildern Erlebnisse zwischen Zorn und Menschlichkeit* (Die Presse, 16.12.2013);

3) *Resolution gegen Polzeiabau: Der Gemeinderat fürchtet um Schwechats Sicherheit. Der Grund: 18 Kieberger weniger sollen künftig Dienst versehen* (Kurier, 05.12.2011).

Как видим, чтобы обратить внимание читателя на успехи венских полицейских в борьбе с преступностью (заголовок 1), интересно рассказать о тяжёлой работе австрийской полиции (заголовок 2), обозначить проблему сокращения полицейских в городе Швехат в Нижней Австрии (заголовок 3), автор включает в текст заголовков диалектизм *Kieberger* «Polizist».

Проблема повышения пенсионного возраста является актуальной для всех слоёв австрийского общества и находит отражение во многих газетных заголовках. Приведём несколько примеров: *Frühpension: Hackler haben Saison* (Die Presse, 24.01.2014); *Die Hackler sind überall: vor dem Gesetz sind alle gleich – Parlamentsdirektoren* (Die Presse, 05.03.2013); *Der Gang in die Frühpension wird schwerer: dafür sorgen Reformen bei der sogenannten Hackler-Pension, die mit 1. Jänner in Kraft treten* (Oberösterreichische Nachrichten, 29.12.2013); *Das bringt 2014 – Vorschau auf Veränderungen: für die sogenannte Hackler-Regelung wird das*

Antrittsalter um zwei Jahre auf 57 bzw. 62 hihaufgesetzt (Oberösterreichische Nachrichten, 13.12.2013). Включением в газетные заголовки диалектизма *Hackler* «Arbeiter» в составе словосочетаний *Hackler-Regelung* «Bezeichnung für zwei Pensionsregelungen in Österreich», *Hackler-Pension* «Pension der Arbeiter» авторы акцентируют внимание на важной общественной проблеме, побуждая читателя к ознакомлению с содержанием статей.

Многие заголовки австрийских газет освещают открытие продуктовых рынков, магазинов, небольших лавочек: *Der Genuss-Greissler sind zurück* (Kurier, 20.04.2014); *Kommen und Gehen: Der kleine Greissler von Franz und Christian Horvath in Kleinwarasdorf ist am Freitagvormittag gesteckt voll* (Kurier, 03.05.2013); *Eisverkauf mit Security: Ein neuer Eis-Greissler öffnet* (Die Presse, 15.03.2014); *Einkaufen beim Greißler* (Die Presse, 08.02.2014); *Vom Greißler: Backsaison-Eröffnung* (Die Presse, 17.11.2012). В приведённых примерах диалектизм *Greissler* «Lebensmittelkleinhändler» выполняет рекламную функцию, заключающуюся в пробуждении интереса потенциальных покупателей к представленной в газетной статье продукции. Принимая во внимание устойчивое положение диалекта среди других форм существования немецкого языка в Австрии, отметим, что диалектная лексика понятна широкому кругу австрийских читателей, людям разных возрастов и социальных групп. Поэтому, чтобы сформировать предпочтительное отношение к продукции и убедить потребителя выбрать тот или иной товар, авторы статей включают в газетные заголовки диалектизм *Greissler*.

Австрийские диалектизмы в текстах газетных статей

Диалектизмы, включаемые в тексты газетных статей, нередко используются как национальные маркеры публицистических произведений и выполняют функцию *передачи национального (регионального) колорита*. Рассмотрим примеры с диалектизмами из тематических групп №2 (исконно австрийские продукты питания и напитки); №3 (слова, отражающие особенности австрийской национальной культуры); №4 (мебель, домашняя утварь, названия жилых помещений).

Диалектизмы, обозначающие исконно австрийские продукты питания и напитки, образуют довольно большую тематическую группу и нередко встречаются в текстах статей из различных газетных рубрик. Такие диалектизмы находят проявление в статьях,

рассказывающих об ассортименте блюд, представленных на австрийских ярмарках, в кафе, ресторанах, магазинах:

рубрика: *Freizeit / Essen und Trinken*

заголовок: *Neue Linzer Osteria mit Luft nach oben*

фрагмент статьи: *Die Einrichtung ist modern, das Licht am Abend zu hell. Während bei Vor-und Hauptspeisen Zweifel an einem guten Preis-Leistungs-Verhältnis angebracht sind, ist ein gutes Tröpferl (Oberösterreichische Nachrichten, 21.03.2014);*

рубрика: *Oberösterreich / Linz*

заголовок: *Die Klosterstraße scheint duster, ist aber voll Lebenslust*

фрагмент статьи: *Neben Whiskys gibt es auch japanische im Geschäft in der Klosterstrasse. Zusätzlich zu den hochprozentigen Genüssen gibt es noch Champagner, Bier und Kracherl (Oberösterreichische Nachrichten, 20.06.2014);*

рубрика: *Wirtschaft*

заголовок: *Kultur, Kulinarik und kritische Fragen auf der weltgrößten Tourismusmesse*

фрагмент статьи: *Im Österreich-Café werden heuer Salzburger Tourismusschüler tätig sein. Sie sollen Topfenstrudel und Kaiserschmarrn servieren (Oberösterreichische Nachrichten, 03.03.2014);*

рубрика: *Oberösterreich / Steyr*

заголовок: *Kaffee, Semmerl mit Marmelade*

фрагмент статьи: *Die Konditorei Schmidt hat sich auf ein süßes Frühstück spezialisiert. Die Gäste bestellen hier bevorzugt den Brioche (Oberösterreichische Nachrichten, 14.08.2013).*

Как видим, использованные в примерах диалектизмы *Tröpferl* «Wein», *Kracherl* «Fruchtlimonade», *Kaiserschmarrn* «Speise aus Omeletteig, der zerkleinert und mit Zucker bestreut wird», *Brioche* «ein mürbes Gebäck», точно передают региональный колорит публикаций и помогают авторам преподнести материалы статей в доступной для читателей из Верхней Австрии форме.

Диалектные названия австрийских продуктов питания часто встречаются в текстах статей, речь в которых идёт об австрийских национальных и региональных праздниках:

рубрика: *Oberösterreich / Wels*

заголовок: *1613-2013: 400 Jahre Grieskirchen-Landlwochen*

фрагмент статьи: *Grieskirchen feiert 400 Jahre Stadtgeschichte mit hochkarätigen kulturellen Veranstaltungen. Gefeiert wird auch mit besondern Schmankerln. Liebevoll verpackt findet man köstliche Schmankerln* (Oberösterreichische Nachrichten, 19.04.2013);

рубрика: *Kultur*

заголовок: *Für Bäcker ist die Karwoche die intensivste Zeit im Jahr*

фрагмент статьи: *In der Karwoche reichen zwölf Stunden Arbeitszeit für den Bäckermeister kaum aus. Bereits um 1 Uhr in der Früh beginnen er und seine Gesellen mit dem Backen von Hasen und Kipferl* (Oberösterreichische Nachrichten, 15.04.2014).

Приведённые примеры показывают, что авторы включают в тексты газетных статей диалектизмы *Schmankerl* «один из видов австрийских деликатесов», *Kipferl* «рогулька», чтобы ярко передать особенности австрийских региональных и национальных праздников.

Статьи, рассказывающие о туристической индустрии Австрии, также позволяют обнаружить диалектные слова, обозначающие исконно австрийские продукты питания. Приведём пример:

рубрика: *Leben*

заголовок: *Kitzbüheler Alpen: Die andere Seite des Berges*

фрагмент статьи: *Kitzbüchel schürt bei manchen Gästen gewisse Erwartungshaltungen. Die Seniorwirtin des Alpengasthofs stellt einen Kaiserschmarrn auf den Tisch. Auf manchen Erbhöfen hat der Gast das Glück, nicht nur auf einen Schnaps, einen Krapfen oder ein Tiroler Gröstl einkehren, sondern auch gleich übernachten zu können* (Die Presse, 28.01.2011).

Как видим, чтобы передать особую атмосферу Кицбюэля и увлекательно описать сервис местных гостиниц, автор включает в текст статьи диалектизмы *Kaiserschmarrn* «кайзеровский омлет: сладкое мучное блюдо венской кухни», *Krapfen* «пирог из сладкого дрожжевого теста», *Tiroler Gröstl* «традиционное блюдо австрийской (тирольской) кухни из картофеля, говядины, зелени и специй».

Отметим, что анализ текстов австрийских газет позволил обнаружить диалектизмы, отражающие особенности австрийской народной культуры. Статья *Trio Lepschi: z tod gfiacht* (Kultur / Wiener Zeitung, 04.11.2013) рассказывает о венской музыкальной группе, которая исполняет свои песни на диалекте: *Das Trio erweist sich auf seinem zweiten Album «z tod gfiacht» musikalisch variabler und besingt Mentalitäten in allen Tonlagen: vom Gstanzl über Hymnen bis zur*

Schnaderhüpfel. Для того чтобы красочно описать репертуар местной музыкальной группы и акцентировать внимание на её региональном колорите, автор включает в текст статьи диалектизмы *Gstanzl* «eine bayerisch-österreichische Liedform, meist als Spottgesang», *Schnaderhüpfel* «improvisierte epigrammartige Gedichte, die immer aus einer Strophe bestehen».

В статье *Prominenz auf der Pirsch: Bilder vom Jägerball* (Kultur / Kurier, 28.01.2014) рассказывается о традиционном проходящем в Австрии «Бале охотников» (Jägerball): *Die Macht trägt Tracht. In der Hofburg wagte sich wieder die Top-Prominenz auf die Pirsch. Montagabend tummelten sich zünftige 7000 Jäger in Lederhosen und Mädchen in Dirndl*. Стоит отметить, что все гости на этом балу должны быть одеты в традиционные австрийские одежды. Для женщин – это *Dirndl*, платья с довольно широкими юбками, которые обычно шьются либо из щёлка, либо из бархата. Приведённый пример показывает, чтобы достоверно передать атмосферу бала и подчеркнуть национальный колорит его нарядов, автор статьи использует диалектизм *Dirndl*.

Статья *Von Wiener Palais und Erfindergenies* (Kultur / Die Presse, 07.06.2013) посвящена достопримечательностям Вены: *Mit dem Fremdenführer die Wienerstadt zu erkunden, muss ein Vergnügen gewesen sein. Der Umbau des Palastes erfolgte durch Hildebrand 1720. Heute ersteht im Erdgeschoß der Herr von Welt die weichsten Schnürsamthosen der Stadt*. Как видим, автор статьи, чтобы красочно описать венские достопримечательности, включает в детальное описание одного из дворцов диалектизм *Schnürsamthosen* «eine sehr bequeme Nase mit den unterschiedlichsten Schnittmöglichkeiten».

Необходимо отметить, что в процессе анализа австрийской прессы нами было установлено присутствие диалектных слов, обозначающих мебель, домашнюю и хозяйственную утварь, а также жилые помещения. Обратимся к статье *Wirthaus – kennt doch jeder!* (Oberösterreichische Nachrichten, 23.11.2013), представляющей газетную рубрику *Wirtschaft*. В данной статье даётся описание одного австрийского трактира: *Hinein gehört jedenfalls ein Stammtisch, ein großer Tischerl für die Stammgäste, dazu der Kasten mit dem Geschirr im Eck. Warm und gemütlich sollte ebenfalls sein, ein Kachelofen in der Gaststüberl*. Приведённый пример показывает, что включая диалектизмы *Tischerl* «Tisch», *Gaststüberl* «kleines, gemütliches

Zimmer», *Kasten* со значением «Schrank» в описание трактира, автор с помощью доступной для читателя лексики передаёт национальные особенности его антуража.

Диалектные слова, обозначающие посуду, активно используются в текстах газетных статей. Приведём примеры:

рубрика: *Kunst*

заголовок: *Neue Geschirrserie: Menschen mit Beeinträchtigung schaffen Kunst*

фрагмент статьи: *Vor gut zwei Jahren wurde Diakoniewerk die Produktlinie dekart entwickelt. Die Künstler schaffen in mühevoller Handarbeit Grafikvorlagen für Geschenkpapiere, Teehäferl, Kaffee- und Espressotassen (Oberösterreichische Nachrichten, 24.01.2014);*

рубрика: *Kultur*

заголовок: *Das Musiktheater ist auch unser Haus*

фрагмент статьи: *Im Vergleich ist unser Linz schon eine gelungene Sache. Wenn die Menschen auch nur auf ein Kafeetscherl ins Musiktheater kommen, werden sie vielleicht auch neugierig auf eine Vorstellung (Oberösterreichische Nachrichten, 25.03.2013).*

Как видим, авторы, чтобы придать публикациям национальный колорит и в ярких тонах рассказать читателям об австрийской мастерской по производству и росписи посуды и музыкальном театре в городе Линц, включают в текст статьи диалектизмы *Teehäferl* «ein größeres Trinkgefäß», *Kafeetscherl* «eine Tasse Kaffee».

Австрийские диалектизмы в комментариях к газетным статьям

Стоит отметить, что комментарий к газетной статье – важная часть публикации, в которой читатели обсуждают описываемые в статье события. Основная цель комментария – позволить читателю оценить публикацию, выразить свою точку зрения. Австрийские читатели довольно часто используют в своих комментариях диалектизмы. В рамках данной статьи рассмотрим примеры с диалектизмами из тематической группы №1 – слова, характеризующие профессию или общественное положение человека.

Приведём примеры комментариев к статьям *Mehr als Bullen in Uniform* (Die Presse, 16.12.2012), *Wie Polizeiarbeit in Wien künftig funktioniert* (Kurier, 27.02.2014), в которых освещается работа австрийской полиции:

Stephan Pestitschek. *Wie Polizeiarbeit künftig in Wien passiert? Was machen Kieberer? Verbrecher aller Art bleiben ungeschoren, die Polizei geht auf Jagt nach Autofahrern;*

Norbert Pazelt. *Was nützen diese Kieberer, wenn die Gerichte und Gutmenschen die Verbrecher fast belohnen anstatt sie zu bestrafen???*

Servus Miteinend. *Die Polizei der «Freund und Helfer»... hat leider sein ursprüngliches Erscheinungsbild abgeben. Wenn sie uns standartmässig «zu kontrollierende Masse» sehen, dann sehen wir sie eben als Kieberer.... so ist das Leben.*

Статья *Taxler im Europa-Vergleich mies* (Kurier, 05.12.2014) посвящена социальным опросам, согласно которым венское такси – одно из худших в Европе. Рассмотрим комментарии читателей:

Terror Kätzchen. *Ich hasse Taxler. Die Taxler, mit denen ich unterwegs war, kannten sich in Wien nichts aus und von einem Berufsfahrer ist zu erwarten, dass zumindest in Wien überall findet und basta;*

I walk the Line. *Wer nix arbeiten will wird taxler.*

Большую полемику в австрийском обществе вызвал случай, когда венский таксист убил напавших на него бандитов. Данный эпизод нашёл отражение в газетных статьях *Taxler durfte Räuber erschießen* (Kurier, 15.10.2013), *Taxler zeigte Staatsanwältin wie er Räuber erschoss* (Kurier, 25.07.2013), *Taxler erschoss Räuber: Panik ausgebrochen* (Kurier, 12.06.2013) и комментариях к ним. Приведём в качестве примеров некоторые из них.

Robert Maier. *Finde ich super, dass hier alle mit dem Taxler und dem Gericht einer Meinung sind. Ich habe selbst eine Waffe. Das Recht hat jeder, der in diesem Land lebt;* **Bernhard Klaus.** *Laut unseren Politikern gibt es keine Probleme mit Zuwanderern. Die Munition die der Taxler verwendet hat wird bald das einzige sein was gegen kriminelle Zuwandere hilft!* **Geissel Gottes.** *guter mann der taxler – er hat richtig gehandelt!*

Приведённые выше примеры показывают, что присутствие в комментариях австрийских читателей диалектизмов *Kieberer* «Polizist», *Taxler* «Taxifahrer», представляющих собой названия местных реалий и понятий, указывает на употребительность этих диалектных слов в речи австрийцев.

Таким образом, анализ текстов электронных версий австрийских газет показал, что диалектизмы, являясь средствами отражения языковой картины мира австрийцев, объединяются в различные

тематические группы и активно используются в заголовках, текстах газетных статей из различных рубрик, а также в комментариях к ним.

В результате анализа австрийской прессы стало очевидно, что диалектизмы выполняют различные функции в газетных текстах. В газетных заголовках диалектные слова используются как средства речевого воздействия и рекламы, а в текстах газетных статей служат для передачи национального (регионального) колорита. Наличие диалектизмов в комментариях австрийских читателей к газетным статьям свидетельствует о распространённости диалектной лексики в лексиконе австрийцев.

Библиографический список

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990. 320 с.
2. Kurier online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.kurier.at>.
3. Die Presse online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.diepresse.at>.
4. Wiener Zeitung online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.wienerzeitung.at>.
5. Oberösterreichische Nachrichten online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.nachrichten.at>.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
7. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.
8. Арестова А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности. Тамбов: ТОИПКРО, 2006. 131 с.
9. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: КО, 2001. 228 с.

Сведения об авторе

Чукшис Вадим Андреевич
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры романо-германской филологии
Московского государственного
областного гуманитарного института
E-mail: vadchs@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111"17"

«СТРАННЫЕ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО» КАК АНГЛИЙСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ РОМАН

И.С. Погодина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Характерной чертой литературы XVIII столетия является интерес к индивидуальной судьбе простого человека. Роман «Странные и удивительные приключения Робинзона Крузо» занимает одно из ключевых мест среди произведений Нового времени. Многогранность его жизнеописания включает элементы автобиографии, теории воспитания и философии наступившего века.

Ключевые слова: просветительский роман, Даниель Дефо, треугольник Локка, картина общества, XVIII век.

The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe as an English Novel of the Enlightenment

Irina Pogodina

A key characteristic of 18th century literature is its interest in the fortune of a single individual, and *The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe* by Defoe is a prime example of and a significant contribution to the literature of the Enlightenment period, as it includes elements of autobiography, as well as descriptions of education and philosophy of that period.

Key words: Enlightenment novel, Daniel Defoe, John Locke's philosophy, society portrait, 18th century.

Эпоху Просвещения называют «долгим веком» [1. С. 6], идеи которого зародились во время английской «Славной революции» [2. С. 321], ознаменовавшейся приходом на трон голландского протестанта Вильгельма Оранского. Конец идеям просветителей положила французская буржуазная революция.

В литературе описываемой эпохи сосуществуют несколько стилей и направлений, они сменяют друг друга, отражая основные

идеи и тенденции времени. Появляется и утверждает себя рядом с благородными жанрами, такими как трагедия, лирическая поэма, новый литературный жанр – роман. Возникший как третье сословие в литературе, он постепенно приобретает собственный мир и правила.

Занять прочное место в творчестве художников пера и в сердцах публики просветительскому роману помогли предшествовавшие ему плутовской роман, комедия реставрации и, конечно, журнальная деятельность Джозефа Аддисона и Ричарда Стиля («The Tatler» («Болтун»), «The Spectator» («Зритель»), «The Englishman» («Англичанин»)), в их сочинениях доступным языком говорилось о жизни простых людей [3. С. 81]. В них появились герои, близкие простым людям и быстро ставшие популярными. Частные проблемы горожан интересовали The Tatler и The Spectator так же живо, как и будущих романистов-просветителей: Ричардсона, Фильдинга, Смоллета и др.

Изначально роман был неканоническим, маргинальным жанром, который не признавался серьезным и полноценным явлением по ряду причин. Одной из них являлось то, что роман считался жанром беззаконным, потому что не был освящен авторитетной классической традицией, не упоминался в классических поэтиках Аристотеля и Горация. Роману не было подходящего места и в классическом делении литературных жанров на высокие и низкие. С одной стороны, в сфере интересов романного жанра лежит частная жизнь, что, казалось бы, относит его к низким, комическим жанрам. Однако индивидуальная судьба каждого человека в нем преподносится как предмет, равноправный судьбе общества или государства, что поднимет его на эпический уровень.

Целью данной работы является анализ жанровых особенностей романа Даниеля Дефо «The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, the Mariner» [4]. Эта книга уже к концу XIX века выдержала до 700 различных переизданий, а также была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский. В России читатели познакомились с моряком из Йорка по французскому изданию в 1720 году, а первый перевод книги, с французского, был выполнен Яковом Трусовым в 1826 году. Своей популярностью книга во многом обязана простоте языка Дефо, откровенному разговору главного героя с читателем, что помогает

добиться той степени реализма, которая убеждает читателя в правдивости жизненной исповеди моряка из Йорка.

Роман в своей основе документален, его сюжет базируется на истории шотландского мореплавателя Александра Селькирка, который провел 4,5 года своей жизни оторванным от цивилизации на острове Мас-а-Тьерра, входящем в состав архипелага Хуана Фернандеса в Тихом океане. Селькирк оказался на острове из-за своего вспыльчивого характера. Будучи штурманом, он часто спорил с капитаном своего корабля «Пять портов» [5. С. 167], за что и был высажен на остров с жизненно необходимыми принадлежностями: порох, кровать, две порции ужина и Библия. Казалось бы, истории Робинзона и Селькирка имеют много общего: остров, необходимые для выживания предметы, оставленные цивилизацией. Но самое значительное различие между ними заложено в их происхождении и натуре. Александр Селькирк был сыном сапожника, прочившего сына, седьмого по очереди, себе в преемники. А сын ушел в море. Он был известен своим заносчивым характером и более похож на героев книг о приключениях и пиратстве («Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона») [5. С. 58]. Робинзон же с самого начала книги говорит о своем статусе и о том, что приготовлено ему судьбой: «Отец мой, находясь уже в преклонном возрасте, позаботился о том, чтобы я получил вполне сносное образование в той мере, в какой его могли дать домашнее воспитание и бесплатная городская школа. Он прочил меня в юристы» [6. С. 29]. В версии оригинала Дефо говорит: «he designed me for the law» [4. С. 1], что ближе по значению к слову «создал». Это вносит в повествование аллюзию на Отца-создателя. Отец заботится о сыне и советует ему придерживаться золотой середины, под которой подразумевается жизнь «средних людей» [5. С. 44] – не богатых и не бедных, а тех, которые могут обеспечивать свою жизнь и которые не обременены денежными и политическими распрями. Тех, кому «легко выйти в люди», кто «трудом и прилежанием может увеличить свой достаток» («fortune») [6. С. 30]. Любопытно, что слово «fortune» приобрело значение «owned wealth» («богатство») только лишь в Елизаветинскую эпоху, а до этого оно обозначало «судьбу» или «удачу» [7. С. 614]. Этот пример наглядно характеризует человека Нового времени, который собственными силами создает свою судьбу

и окружение. Таков был взгляд на мир и самого Даниеля Дефо, воспитанного в семье протестантов.

Вопросы религии представляли живой интерес для автора и его современников. Неспроста начало романа напоминает притчу о блудном сыне. В том, что Робинзон ослушался воли отца, присутствует непреодолимое искушение, желание путешествий. «Отчизну покидают в погоне за приключениями либо те, кому нечего терять (“desperate fortunes” [4. С. 3]), либо честолюбцы, жаждущие достичь еще большего (“aspiring superior fortunes” [4. С. 3])» [6. С. 30]. Снова человек ощущает на себе влияние судьбы, и неспособность управлять этим роковым желанием приведет его к самым плачевным последствиям.

Получается, что судьба Робинзона, предпринимательской натуры, в отличие от Селькирка, predetermined не вспыльчивым характером, а скорее судьбоносным желанием странствий и неспособностью принять спокойное и размеренное существование, подготовленное для него отцом. И испытание это они проходят по-разному. Селькирк превращается в одичавшего человека, почти забывшего родную речь, одетого в козлиную шкуру. «Он выглядел более диким, чем рогатые первообладатели этого одеяния», – отметил Вудс Роджерс, капитан флотилии, спасшей Селькирка, и автор путевых записок, повествовавших об этом дикаре, вышедших в 1712 году [5. С. 64]. Робинзон, напротив, сам преобразовал природу вокруг себя и приспособил остров для благополучного обитания на нем: он обучился плотницкому делу, гончарному искусству, выращивал ячмень и рис, одомашнил коз, обеспечив себя таким образом мясом и молоком.

Робинзон – человек, создавший себя самого и среду собственного обитания, прошедший свою жизнь в кропотливом созидательном труде. То же можно сказать и о самом Даниеле Дефо, биография которого во многом перекликается с сюжетом книги. Некоторые исследователи склонны называть ее биографической. Томас Райт в биографии Дефо 1894 года сопоставляет факты из романа с фактами жизни автора [8. С. 69-85]. Так, например, отец Дефо, мясник по профессии, видел сына в будущем священнослужителем. Тот проучился пять лет в Духовной академии, однако не пошел по пути священнослужителя, а встал на стезю предпринимательства. Он, как и Робинзон, ослушался воли отца.

Дальнейшее сравнение судеб автора и героя можно проследить в третьей части приключений Робинзона «Серьезные размышления Робинзона Крузо» [9. С. 277], где автор описывает события автобиографического характера. *«Одним словом, – писал Дефо, – «Приключения Робинзона Крузо» – схема действительной жизни, 28 лет, проведенных в самых скитальческих, бедственных и горестных обстоятельствах, в какие приходилось попадать человеку»* [10. С. 341]. Дефо, начавший проповедническую, торговую и литературную жизнь, окончив Духовную академию Мортон, потерпел банкротство в 1692 году. С тех пор на его долю выпали тяжелые испытания, на которые он оглядывается уже в 60 лет, когда в 1720 году издается третья часть «Приключений Робинзона». *«За это время я прожил долгую и удивительную жизнь – в постоянных бурях, в борьбе с наихудшим видом дикарей и людоедов»* [10. С. 341] – эти слова характеризуют противостояние двух партий парламента – вигов и тори. *«Я испытал всяческие насилия и угнетения, несправедливые упреки...»* Его обвиняли в лживости, в том, что он вынужден был писать то, что угодно правительству, имея влиятельных покровителей в лице канцлера казначейства Роберта Харли и лорда-казначей Сидни Годольфина. Он испытал *«людское презрение»*. В числе тех, кто относился к Дефо свысока, был Джонатан Свифт, пренебрежительно причислявший его к *«тупым безграмотным писакам»* со *«столь же грубыми, сколь и грязными руками»* [5. С. 139]. Ссылка на *«нападение дьяволов, небесные кары и земную вражду»* свидетельствует о многочисленных судебных исках, касательно его долгов и скандальных памфлетов (*«Чистокровный англичанин», «Простейший способ разделаться с раскольниками»* [5. С. 97]). *«Изведаль бесчисленные превратности Фортуны, побывал в рабстве хуже турецкого, спасся с помощью столь же ловкого плана, как тот, что описан в истории Ксури и салехского баркаса»* [10. С. 341] – Ньюингтонская тюрьма и позорный столб 1703 года. *«Попадал в море бедствий, снова спасался и снова погибал, чаще, чем это случалось с кем-либо ранее на протяжении одной человеческой жизни»* [10. С. 341]. Достигнув возраста 60 лет, он говорил, что за свою жизнь он 13 раз становился богачом и 13 раз разорялся. *«Часто терпел я кораблекрушения, хотя скорее на суше, чем на море. Одним словом, нет в вымышленной истории ни одного обстоятельства, которое не было бы верным намеком на историю подлинную»* [10. С.

341]. При таком раскладе остров становится Англией, его противоположная сторона – Шотландией, где Дефо в силу жизненных обстоятельств пришлось бывать политическим шпионом, работавшим в пользу объединения государств. Робинзон выступает против людоедства, так же как Дефо является твердым сторонником веротерпимости. Сам Дефо говорил, что дело вовсе не в острове, что всю его книгу стоит рассматривать как аллегорию [10. С. 342]. Это может быть как аллегория на биографические события, так и, что на порядок важнее, аллегория на жизненную позицию и философские взгляды эпохи.

Философия, выраженная в романе, включает в себе теорию общественного договора Джона Локка [11. С. 135-218]. В ее основе лежит отрицание божественности государственной власти, что внесло значительный вклад в политическую платформу буржуазии. Локк утверждал, что все люди созданы одним всемогущими бесконечно мудрым творцом, который дал им свободу распоряжаться своими действиями («Perfect freedom to order their actions»), имуществом («dispose of their Possessions»), соответственно закону природы («within the bounds of the Law of Nature») [12. С. 106]. Этим, собственно, и занялся Робинзон на острове в первую очередь. Он взглядом хозяина смотрел на все, что было на территории: «Я спустился в эту очаровательную долину с тайным удовольствием, хотя и несвободным от примеси никогда не покидавшей меня грусти («with other afflicting thoughts» [4. С. 84]), подумал, что все это мое: я царь и хозяин этой земли; права мои на нее бесспорны, и, если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода. Тут было множество кокосовых пальм, апельсиновых и лимонных деревьев» [6. С. 129]. Подумав немного, он заключает: «Мне предстояло теперь много работы» [6. С. 129] («I had business enough to gather and carry home» [4. С. 85]).

Более того, весь роман можно рассматривать как художественное переложение представления просветителей об обществе. Если мы обратимся к так называемому треугольнику Локка, имеющему своими вершинами природу, технику и семиотику, то перед нами появится описание человеческого общества, каким он было в представлении просветителей. Природа – это то, с чем мы сталкиваемся в окружающей нас жизни, мир вокруг нас. Под техникой не имеются в виду машины или орудия какой-то отрасли

производства, она представляет те усилия или навыки, которые человек прикладывает для преобразования природы. В довершение всего, семиотика, как совокупность необходимых для мыслительных операций знаков, отражает смысл всей деятельности [13. С. 41]. Такую систему познавательной и производительной деятельности мы можем наблюдать на протяжении всего романа.

Благодаря главной проблеме романа – борьбе человека с природой, происходящей в самой необычайной обстановке, – любое действие или достижение Робинзона становится героическим поступком. Начал он с обустройства места для жилья. «При этом я должен был сообразовываться с некоторыми необходимыми в моем положении условиями. Во-первых, мое жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды (“Health and fresh water” [4. С. 48]); во-вторых, оно должно укрывать от солнечного зноя (“Shelter from the heat of the sun” [4. С. 48]); в-третьих, должно быть защищено от нападения хищников, как двуногих, так и четвероногих (“Security from ravenous creatures” [4. С. 48]); и, наконец, в-четвертых, из него должно быть видно море, чтобы мне не упустить случая спастись (“A view to the sea” [4. С. 48]), если Бог пошлет какой-нибудь корабль, ибо мне не хотелось отказываться от надежды на избавление» [6. С. 87]. Из логических рассуждений Робинзона мы можем определить то опытное знание, на которое он опирается при устройстве собственного жилища. Если мы обратимся к предыдущим событиям, то можем вспомнить, что Робинзону пришлось потратить некоторое время на поиск пресной воды, которая находилась на значительном отдалении от берега острова, а жару и солнечный зной он смог испытать уже в первые несколько часов пребывания на острове. Итак, в соответствии со своими требованиями, он нашел подходящее место, небольшое углубление в отвесной стене холма, которое он, в первую очередь, огородил острыми кольями, поставил палатку, запасася огнем и дровами и начал копать и углублять свою пещеру. Робинзон начал столярничать, смастерил себе стол и стул, полки и колышки в пещере и разложил все свои вещи по порядку. «Кто увидал бы после этого мою пещеру, тот, наверно, принял бы ее за склад предметов первой необходимости. Все было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько там было всякого добра» [6. С. 99].

Иными словами, Робинзон, имея перед собой дикую природу, сумел использовать имеющиеся и приобретенные опытным путем навыки для создания условий, подходящих для жизни. Это достижение описывает не просто улучшение условий быта человека на острове, но показывает, каким образом человек создает вокруг себя обжитую, приспособленную среду, окружающую ситуацию, которая развивается по мере приобретения новых навыков и орудий.

Робинзон как бы воплощает в жизнь философскую теорию Джона Локка, в соответствии с которой человек возделывает окружающую среду с помощью имеющихся возможностей, находя всему вокруг применение для собственного обитания. В своем труде «Опыт о человеческом разумении» («*Essay Concerning Human Understanding*») Локк говорит о том, что люди наделены способностями и средствами, чтобы они соответственно их применению открывали, принимали и удерживали истины. А также он выражает идею о том, что люди должны сами мыслить и познавать [14. С. 154-450]. Вот Робинзон и применяет свои возможности, умственные и физические, использует спасенные с корабля предметы цивилизации для создания и совершенствования своего островного мира. Обнаружив колосья овса и риса, он сначала примет их за божественное провидение, а потом вспомнит о мешке из-под провизии, который вытряхнул незадолго до дождей. Он освоит земледелие, будет иметь поля риса и овса, таким образом, снова приспособив имеющиеся возможности для своего удобства.

Обосновав свое хозяйство под защитой крутого холма, Робинзон отправится в путешествие. «Теперь, когда я был спокоен за безопасность моего жилья, я решил более основательно обследовать остров и посмотреть, нет ли на нем еще каких-нибудь животных и растений, неизвестных мне до сей поры» [6. С. 127]. Вот здесь и найдет он прекрасную плодоносную долину, откуда будет переносить в пещеру припасы для своего проживания на острове. А впоследствии обоснуется там, построив шалаш и укрепив его крепостью из кольев, это жилище он назовет своей дачей.

Давно подмечено, что по мере своего проживания на острове Робинзон переживает все стадии человеческого развития: занимается собирательством (совершает поездку на корабль, спасает оставшиеся вещи и пищу), охотой на птиц и овец, хлебопашеством и скотоводством. Все это он освоит путем проб и ошибок. Так,

например, гончарному делу он научится не сразу. «Воображаю, как посмеялся бы надо мной (а может быть, и пожалел бы меня) читатель, если бы я рассказал, как неумело я замесил глину, какие нелепые, неуклюжие, уродливые произведения выходили у меня» [6. С. 147]. К слову, здесь невольно вспоминается кирпичная фабрика Даниеля Дефо, который постарался описать в мельчайших подробностях то, в чем прекрасно разбирался сам. Известно также, что все, что хорошо изучил Дефо, у Робинзона получалось не сразу, с подробным описанием неудач, в то время как все неизвестные Дефо промыслы у Робинзона получались с легкостью [5. С. 153]. Так, например, пошив одежды из овечьих шкур.

Робинзон выражает идею Локка о том, что все, к чему приложен человеческий труд, становится его неотъемлемой собственностью. Однако в своем «Опыте о веротерпимости» («A Letter Concerning Toleration») Локк также признавал развращенность человечества, которая такова, что люди предпочитают несправедливо грабить плоды чужих трудов, нежели прилагать свои труды к тому, чтобы обеспечить самих себя. Для того, по его мнению, и создается государство, в чьи полномочия входит быть справедливым судьей и ограждать человека от посягательств на его собственность, в которую также входят право на жизнь и гражданские свободы человека [11. С. 91-135]. Не зря Робинзон называет себя «господином» («Master») [4. С. 177] в обращении с Пятницей, а потом, встретившись со случайно оказавшейся там командой моряков, «губернатором острова» («the governor») [4. С. 232]. Таким образом, наделив себя полномочиями судьи и главы, он надеялся оградить себя и свои владения от посягательства.

Эта не единственная уловка, к которой Робинзону пришлось прибегнуть во время приключений, захватывающих внимание читателя. Роман привлекателен для публики не только своей мнимой документальностью или затронутыми философскими идеями, но и своим авантурным началом. Побег из турецкого плена, вызволение Пятницы и остальных матросов из рук дикарей-людоедов – все это придает роману авантюрно-приключенческий характер и наравне с простым языком обеспечивает популярность среди читающей публики. Творчество Дефо было обусловлено житейским опытом и обращено не к узкому кругу ценителей, а к массовой публике.

Роман как новый литературный жанр наилучшим образом отвечал требованиям века Просвещения – поучать развлекая. Это уже не тот событийный тип романа, основанный на внешнем действии, о котором одна из героинь Дефо говорит: «Не стану повторять все добрые слова, которые он сказал мне в ответ, ибо это слишком походило бы на роман» [б. С. 417]. Таковыми принято считать авантурные, в частности плутовские, рыцарские, романы карьеры, а также приключенческие и детективные. В просветительском романе также можно встретить приключенческое начало, интриги, авантюры. Однако характерной его чертой является внутренний мир человека, соревнующийся с внешней динамикой действия. Герой таких произведений зачастую пытается осмыслить свое место в жизни, уяснить свою ценностную ориентацию. Его окружение также играет немалую роль в определении его характера и поступков.

Особенностью романа Дефо является внешнее отсутствие какого-либо социального окружения героя, его отдаленность, оторванность от всего мира, которая должна погубить Робинзона. Но автор нарисовал портрет человека своего времени: предприимчивого, волевого героя, который своими силами противостоит силам природы и с помощью труда создает новую жизнь.

Знакомясь с историей жизни Робинзона на острове, каждый видит в этой книге свое. Кто-то читает о приключениях, кто-то – о силе человеческого труда и становлении личности, другие рассматривают ее как философскую притчу. «Приключения моряка из Йорка» сочетают в себе мысли и опыт умудренного жизнью Робинзона – Дефо, прожившего долгую насыщенную жизнь на острове среди людей Лондона.

Библиографический список

1. Иванцов В.В. Литература эпохи Просвещения: Хрестоматия. СПб.: Амфора, 2009. 700 с.
2. Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой. Смоленск: Русич, 2007. 624 с.
3. Елистратова А.А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 470 с.
4. Defo D. Robinson Crusoe. London: Harper Collins Publishers. 2013. 263 p.

5. Урнов Д. Дефо. М.: Молодая гвардия, 1990. 256 с.
6. Дефо Д. Странные и удивительные приключения Робинзона Крузо / Пер. с англ. М.А. Шишмаревой, Т.М. Литвиновой. М.: Эксмо, 2012. 768 с.
7. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1966. 1776 p.
8. Wright Tomas. The Life of Daniel Defoe. London. 1931. 352 p.
9. Тренева Н.К. Даниель Дефо. Избранное. М.: Правда, 1971. 510 с.
10. Анисимов И.И. История английской литературы. М.: Изд. Академии наук СССР, 1945. 394 с.
11. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
12. Lively J., Lively A. Democracy in Britain. Blackwell Publishers. 1994. 344 p.
13. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 205 с.
14. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 621 с.

Сведения об авторе

Погодина Ирина Сергеевна
аспирант кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: irashturmilova@yandex.ru

УДК 821.111"19"

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ РОМАНА Т. ДРАЙЗЕРА «ТИТАН» И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ М. ВОЛОСОВА

Е.М. Фомина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена выявлению и исследованию ключевых концептов романа Теодора Драйзера «Титан» на основе проведенного частотного анализа ключевых слов в оригинале текста, а также в его переводе на русский язык М. Волосова, сравнению полученных результатов и выявлению сходств и различий, сигнализирующих об особенностях американской и русской национальных концептосфер.

Ключевые слова: Драйзер, «Титан», концепты, ключевые слова, перевод.

Key Concepts of Theodore Dreiser's *Titan* and their Interpretation in the Novel's Russian Translation by M. Volosov Ekaterina Fomina

The article analyzes key concepts of Theodore Dreiser's *Titan*, based on the comparison of an automated text processing of the original novel and its Russian translation by M. Volosov, seeking to identify the similarities and differences that testify of specific features of American and Russian national cultures.

Key words: Dreiser, Titan, concepts, key words, translation.

Цель настоящего исследования – через выявление ключевых слов романа Теодора Драйзера «Титан» (1914) и его перевода на русский язык Михаилом Волосовым (Драйзер Т. Финансист. Титан. Стоик: Романы / Пер. с англ. М., 2010) определить стоящие за ними ментальные концепты и описать особенности их функционирования в художественном мире писателя и переводчика. Подобная методика применительно к сравнительному анализу перевода и оригинала прежде не применялась и разработана автором статьи¹.

Рабочая гипотеза статьи состоит в том, что данные статистического анализа оригинала текста и его перевода позволяют обнаружить различия в смысловых акцентах, поставленных автором и переводчиком, вызванные специфическими особенностями

¹ Методика была апробирована при анализе художественного мира романа Т. Драйзера «Финансист» в статье: Фомина Е.М. Ключевые слова романа Теодора Драйзера «Финансист» // Applied and Fundamental studies. Volume 2. St. Louis, Missouri, USA. 2012. P. 444-449.

американских и русских национальных ценностей. Подобный подход применительно к роману «Титан» ранее не осуществлялся ни в отечественной, ни в зарубежной науке, что придает новизну данному исследованию, а также сообщает ему необходимую актуальность.

Статистический анализ ключевых слов был осуществлен при помощи программы «Фрагментатор». Важным критерием отбора слов была их частотность. Однако в связи с отсутствием смысловой нагрузки из списка были исключены служебные части речи: предлоги, артикли, союзы, частицы, междометия. В качестве вспомогательного критерия была выбрана принадлежность лексической единицы к единому семантическому полю с другими единицами полученного списка (с учетом их словарной и контекстуальной синонимии).

Полученные в результате отбора слова были организованы в тематические кластеры, которые, в свою очередь, были соотнесены с ментальными концептами художественного мира Драйзера и американской концептосферы в целом.

В ходе анализа перевода романа была выявлена следующая проблема: ключевые слова, которые имели одну форму в оригинале, приобрели несколько падежных форм в русской версии. Для решения названной проблемы были найдены все формы ведущих слов, чтобы добиться правильной частотности. Именно поэтому в списках лексем будут рассмотрены формы слов в различных падежах.

В результате статистического анализа оригинала второй части трилогии были выявлены 6 наиболее значимых концептов: *Time* (время), *Winner* (победитель), *Senses* (чувства), *Possessions* (вещи), *Financier* (финансист) и *Fight* (борьба).

Появление концепта *Fight* связано с противостоянием Фрэнка и его окружения, которое разворачивается на страницах второго романа «Трилогия желаний», где герой перебирается из Филадельфии в Чикаго, что становится переломным моментом в его жизни. Критики и литературоведы выделяли тему борьбы Каупервуда с чикагским обществом как ведущую проблему «Титана»: «all-conquering hero <...> he attacks both the strong and the weak» [1. С. 236] («всепобеждающий герой <...> он нападает и на сильных, и на слабых»), «the novel presents the great struggle in all its complexity, showing how banks, local politicians, legislators, governors, and newspapers are drawn into the vortex of the conflict» [1. С. 73] («роман

представляет великую борьбу во всей сложности, показывая, как банки, местные политики, законодатели, управляющие, и газеты втягиваются в самую гущу конфликта», «against a number of financial leaders who sense the rivalry» [1. С. 245] («против ряда финансовых лидеров, которые чувствуют соперничество»).

Данный концепт представлен в романе следующими ключевыми словами: *fight* (51), *opposition* (35), *victory* (25), *struggle* (24), *battle* (20), *conflict* (6), *combat* (1), *society* (69), *social* (141).

Образ Фрэнка Каупервуда имеет отчетливо выраженные черты романтического героя, так как он является бунтарем, который отрицает установленные социальные нормы, и общество его не принимает: «he would have to return to Chicago and **fight** out his battle there» [2. С. 386], «witnessed the final closing **battle** between Frank Algeron Cowperwood and the forces inimical to him in so far as the city of Chicago» [2. С. 382] (здесь и далее выделено мной – Е.Ф.). Поскольку герой считает себя исключительной личностью, конфликт с окружающим миром становится настолько острым, что Фрэнку приходится бороться за свое положение и за свою жизнь, не считаясь с моральными устоями («here he was, long crowded years of **conflict** and experience behind him» [2. С. 294]). Он один против всех в этой битве за власть, и он непобедим («I need not tell you what a remarkable man your husband is, nor how useless it is to **combat** him» [2. С. 120]).

Наиболее ярко представлен в романе «Титан» концепт *Senses*. Во второй части трилогии Каупервуд ведет не только социальную и финансовую борьбу, но и активную борьбу на личном фронте. Исследователи нередко видят в образе Фрэнка черты настоящего Дон Жуана, который соблазнил огромное количество женщин просто «из любви к искусству». Женщин он рассматривал как очередной «вызов», который бросает ему жизнь, очередной «рубеж», который должен быть взят, а отношения без обязательств – как занимательные приключения («he seduces the wives and daughters of friends and enemies alike», «women are attractive to him simply because they represent difficulties to be surmounted, problems to be solved» [1. С. 241]¹).

¹ В переводе: «Он соблазняет жён и дочерей и своих друзей и врагов», «женщины привлекают его просто потому, что они представляют сложности, которые нужно преодолеть, проблемы, которые нужно решить».

Поскольку для рассматриваемого концепта наибольший интерес представляет образ главного героя романа, на котором сосредоточено все внимание писателя, полученная статистика была обработана вручную для выделения результатов, актуальных только для Фрэнка. Поэтому при представлении данных статистического анализа в круглых скобках представлены два числовых показателя – один для Фрэнка, другой – общий. Это позволяет увидеть, насколько значимы слова, образующие семантическое поле концепта «Senses», для характеристики образа Каупервуда.

Семантическое поле концепта составляют следующие ключевые слова: существительные, обозначающие чувства и эмоции, – *feeling* (49 из 76), *heart* (19 из 71), *attention* (16 из 41), *smile* (30 из 36), *affection* (16 из 32), *sympathy* (10 из 32), *desire* (25 из 29), *passion* (20 из 23), *enthusiasm* (11 из 17); глаголы чувств – *love* (148), *smiled* (34 из 75), *felt* (43 из 90), *sense* (21 из 48); существительные и прилагательные, которыми Каупервуд описывает нравящиеся ему вещи и приятных ему людей, – *beauty* (46), *charm* (24), *charming* (55), *pretty* (54), *splendid* (49), *beautiful* (45), *wonderful* (40), *brilliant* (26), *attractive* (18), *amazing* (17).

Примечательно, что второй роман особенно богат многочисленными эпитетами, выражающими красоту и восхищение, причем относятся они преимущественно к женщинам. Фрэнк любит ими и не скрывает своих чувств: «they were **wonderful** eyes, soft and spring-like at times, glowing with a rich, human understanding which on the instant could harden and flash lightning» [2. С. 5], «Aileen being **beautiful** and graceful for attention» [2. С. 47], «she was **charming** in a dark way, **beautiful**, with eyes that burned with an unsatisfied fire» [2. С. 296].

Кроме того, Драйзер всегда тщательно описывает малейшие нюансы ощущений Каупервуда, всю переживаемую им гамму чувств, например, дает разнообразные характеристики улыбкам Фрэнка в зависимости от вызвавших их обстоятельств. Он улыбался приятно (*pleasantly* [2. С. 21]), с чувством победы (*winningly* [2. С. 84]), презрительно (*sardonically* [2. С. 99]), угрюмо (*grimly* [2. С. 109]), подбадривающе (*encouragingly* [2. С. 173]), блаженно (*heavenly* [2. С. 203]).

Концепт *Winner* играет важнейшую роль для понимания мотивов поступков героя и его страстного стремления к успеху.

Исследователи творчества Драйзера отмечали, что сам автор высоко ставил успех в ряду главнейших целей жизни, при этом одобрял любые пути достижения успеха: «“Success is what counts in the world” Dreiser had once written in an editorial, “and it is little matter how success is won”» [3. С. 1883]. Писатель был убежден, что для достижения успеха нужно обладать силой льва и хитростью лисы («not only the strength of the lion may be necessary for success, but also the cunning of the fox» [3. С. 1883]). Данный концепт представлен в тексте следующими ключевыми словами: *success* (26), *won* (102), *chance* (55), *opportunity* (25), *change* (46), *best* (84), *strong* (60), *rich* (54), *individual* (36), *wealth* (52), *idea* (62), *fame* (16).

Фрэнк показан как индивидуалист, для которого нет преград на пути к успеху: «Cowperwood, **individual**, reliant, utterly indifferent to opposition of any kind, was somewhat angered by the manner in which his overtures had been received» [2. С. 165]. Он надеется только на себя, у него есть много идей, как добиться своего, как подчинять людей и использовать их в своих целях: «His **idea** is to find some one who will guarantee forty thousand dollars or eight or ten men who will guarantee four or five thousand each» [2. С. 273].

Фрэнк использует каждый шанс, предоставленный судьбой, и считает, что ничего невозможного нет: «time and **chance** certainly happened to all men, and here was one **opportunity** of paying out those who had been nagging him» [2. С. 302]. Герой привык побеждать, он выбирает все только лучшее – дом, работу, женщин. Слава и успех Фрэнка восхищают женщин и приводят в ярость его соперников: «Berenice was in no way hypnotized by either his **wealth** or fame» [2. С. 321], «he was jealous of Cowperwood and his **success**» [2. С. 145].

Важную роль в художественном мире романа «Титан» играет концепт **Time**. Само слово *time* имеет самую высокую частотность во второй части трилогии (450 употреблений). Кроме того, время представлено в романе через различные свои отрезки: *day / days* (157 / 79), *years / year* (152 / 46), *moment* (96), *morning* (89), *night* (54), *evening* (54), *months* (30), *hours* (23); а также через наречия времени *now* (534), *then* (257), *never* (235), *before* (208), *always* (135), *later* (88), *already* (60), *sometimes* (37).

В этом ряду особенно обращает на себя внимание слово *moment*, подчеркивающее значимость каждого мгновения для героя, в том числе и потому, что «время – деньги». И сам Фрэнк, и окружающие

его люди стараются уважать время друг друга: «I will take very little of your **time**» [2. С. 365].

Каупервуд всегда с надеждой смотрит в будущее, в котором видит только процветание и успех: «prepare for that interesting **day** when they should be of the Chicago elite» [2. С. 43]. Поэтому неудивительно, что само существительное *future* (*будущее*) обладает довольно высокой частотностью (49). Каупервуд уверен, что ему хватит сил, чтобы в будущем закрепиться в финансовом мире Чикаго («he hoped to firmly fix himself in the financial **future** of Chicago» [2. С. 3], что будущее будет безопасным для него самого («To himself his own **future** was always secure» [2. С. 16]), а также для дорогих ему людей («It promised to give her [Berenice] absolute financial security for the **future**» [2. С. 224]).

Слово *Time* обретает во второй части трилогии философский смысл. Поскольку в романе «Титан» ведущей является тема борьбы Фрэнка с обществом, время, в котором происходит действие, уподоблено самим героем «времени битвы», где сам он является генералом: «like a general in **time** of battle, he marshaled his forces about him» [2. С. 385].

Кроме того, вторая часть «Трилогии желаний» ознаменована различными видами открытий, которые делают для себя герои впервые одни осознают тяжесть своего одиночества, вторые задумываются о своем предназначении, третьи начинают чувствовать несовместимость характеров или впервые признаются в своих настоящих чувствах.

Неизменно актуальным остается концепт *Financier*, поскольку Каупервуд продолжает завоевывать новые рубежи в своей профессии. Оставив Филадельфию из-за возникших проблем с законом, в новом городе он создает не менее сильную корпорацию и вновь начинает зарабатывать миллионы. К данному концепту, помимо самих слов *money* (153) и *dollars / dollar* (122 / 23), *cent* (29), относятся обозначения денежных сумм *thousand* (142), *hundred* (140), *millions* (31); существительные, относящиеся к сфере деятельности Фрэнка: *business* (144), *companies* (98), *office* (86), *stock* (84), *banks* (53), *market* (38), *loans* (33), *bill* (30), *bank* (30), *cash* (28), *financier* (17), а также прилагательные *financial* (99).

Также в связи со страстью Каупервуда к вещам, к накоплению материальных благ был выделен концепт *Possessions*, к которому

относятся существительные, обозначающие вещи, находящиеся в распоряжении Каупервуда: *money* (153), *house* (106), *chair* (27), *silver* (26), *cars* (25), *pictures* (21), *houses* (15), *clothes* (15), *mansion* (11). Драйзер с пристальным интересом описывал мир вещей – обстановку, одежду, здания, потому что, по мнению С. Динамова, сам «мир для Драйзера прежде всего – вещь» [4. С. 305].

При этом женщины, по мнению исследователей творчества Драйзера, часто приравнивались по своей ценности к вещам («*he likes all things that caress the eye- a fine rug, an inviting room, a noble picture, a good horse, a pretty woman*» [1. С. 230]), рассматривались как способ достижения власти («*one way to become a ruler was to marry into the charmed circle of power*» [3. С. 1878]) или виделись Фрэнку картинами, которыми нужно любоваться («*can stare at the beautiful woman or the beautiful picture with soul- hunger*» [3. С. 1890]). Поэтому к данному концепту относятся и слова *woman* (132), *women* (79).

В результате анализа перевода романа «Титан», были выделены концепты ***время, чувства, финансист и вещи.***

Время и в русском переводе представляет высокую ценность для Каупервуда. Данный концепт представлен в переводном тексте следующими ключевыми словами и их формами: *время* (225), *времени* (76), *временем* (36); наречиями времени – *уже* (476), *теперь* (283), *после* (201), *сейчас* (191), *никогда* (146), *потом* (141), *сегодня* (84), *вскоре* (62), *однажды* (59), *скоро* (53), *раньше* (39), *недавно* (30), *вечером* (30), *завтра* (29), *когда-нибудь* (19); а также существительными, обозначающими отрезок времени, – *день* (84), *минуту* (67), *вечер* (51), *утро* (49), *года* (47), *дня* (40), *дней* (32), *дни* (31), *год* (30), *будущее* (30), *годы* (24), *будущем* (24), *минута* (20), *минут* (17).

Концепт ***чувства*** представлен в переводе М. Волосова практически так же, как и в тексте оригинала, такими ключевыми словами, как существительные, описывающие эмоции и чувства, – *внимание* (34 для Каупервуда из общего количества 66), *любовь* (38 из 42), *сердце* (7 из 42), *улыбкой* (20 из 34), *любви* (10 из 33), *чувства* (20 из 29), *чувство* (28), *внимания* (28), *волнение* (8 из 18), *любопытством* (8 из 17), *страсти* (15), *страсть* (10 из 14), *вниманием* (14), *чувств* (12), *любопытство* (13), *улыбка* (8 из 11), *восторг* (11), *желание* (10 из 11), *радостью* (8 из 10); глаголы, обозначающие чувства и выражающие эмоции, – *любил* (36), *люблю* (35), *улыбнулся* (29),

нравится (26), *почувствовал* (26), *любить* (23), *любишь* (20), *улыбаясь* (19), *любит* (18), *чувствовал* (16), *чувствуя* (12), *влюблен* (9), *влюбиться* (5); а также прилагательные-эпитеты и существительные, обозначающие прекрасные вещи, – *очаровательна* (30), *привлекательна* (18), *красива* (17), *красота* (23), *красоты* (11); качественные наречия, – *прекрасно* (40), *искренне* (14), *ласково* (13), *горячо* (13), *страстно* (12), *откровенно* (12), *нежно* (11), *мило* (11).

Третьим важным концептом романа «Титан» в переводе на русский язык становится концепт **финансист**. К нему относятся ключевые слова, обозначающие деньги и денежные суммы, – *долларов* (150), *тысяч* (117), *деньги* (95), *денег* (45), *миллионов* (33), *миллиона* (14); неотъемлемые элементы профессии финансиста – *компании* (126), *акции* (110), *акций* (79), *дороги* (64), *компаний* (64), *компания* (45), *бирже* (28), *контору* (28), *банки* (27), *дельцов* (25), *предприятий* (23), *собрание* (20), *дельцы* (15), *доходы* (14), *капитала* (14), *финансиста* (9); а также прилагательные – *финансовых* (23), *финансовые* (21), *финансовой* (8).

Группа ключевых слов, которые составляют поле концепта **вещи**, в переводе так же многочисленна, как и в оригинале. Сюда относятся *деньги* (85), *дом* (69), *женщин* (48), *денег* (45), *женщины* (30), *портрет* (29), *бумаги* (25), *конки* (21), *письмо* (19), *картины* (19), *деньгами* (19), *часы* (17), *женщину* (17), *участок* (17), *богатство* (15), *постройку* (14), *дворец* (12), *кресло* (11), *шляпу* (10), *серебра* (10), *стул* (8), *вещей* (8), *галстук* (8).

В свою очередь, концепты **борьба** (*Fight*) и **победитель** (*Winner*), которые были выделены в оригинале романа «Титан», не нашли своего яркого отражения в переводе М. Волосова. Ключевые слова, которыми они были представлены в американской версии, оказываются не столь частотными в русском тексте. К примеру, слово *борьба* встречается 13 раз по сравнению с 51 разом в оригинале, *спор* – 3 по сравнению с 12, *победа* – 7 вместо 25, *энтузиазм* – 1 вместо 17, *победить* – 11 вместо 41, *разгром* – 1 вместо 20, *оппозиция* – 1 вместо 35, *превосходство* – 5 вместо 49, *социальный* – 11 вместо 141, *протестовать* – 3 вместо 15, *шанс* – 5 вместо 55, *слава* – 5 вместо 16, *победить* – 10, *побеждать* – 3 вместо 102, *индивидуалист* – 1 вместо 36.

Таким образом, в русском варианте романа в образе Каупервуда снимаются бойцовские качества, столь выраженные у Драйзера. По-

видимому, это связано с тем, что ценности, которые актуальны для американцев, существующих в условиях постоянной конкуренции, диктующей национальному характеру ярко выраженный индивидуализм, стремление выделиться, добиться своих целей, уверенность в победе, не вполне вписывались в русскую, особенно в советскую концептосферу. В результате образ Каупервуда становится более однозначным, исчезают слова, составляющие поле концепта **борьба**, которые рисуют Каупервуда как героя и победителя, в то время как концепт **финансист**, представленный словами *деньги, доллары, акции, миллионы*, приобретает негативное звучание, учитывая отношение к деньгам и материальным благам в русском, особенно советском культурном мире.

Сравнительное изучение ключевых слов оригинала романа «Титан» и его перевода на русский язык позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее выраженным в романе Драйзера является концепт **чувства (Senses)**, что связано с обилием любовных приключений на данном этапе жизни Фрэнка Каупервуда и как следствие, с его повышенной эмоциональностью и чувствительностью в это время; значимость этого концепта нашла свое отражение и в переводе М. Волосова.

2. Концепт **время (Time)** в оригинале устремляет свой вектор в будущее, о чем говорит довольно высокая частотность слов, связанных с моментами, которые еще ждут героев романа в будущем, причем само будущее видится героями в положительном ключе; данный концепт представлен в переводе практически без изменений.

3. И в английском, и в русском вариантах остается неизменной ценностью концептов **финансист (Financier)** и **вещи (Possessions)**, поскольку профессиональная деятельность по-прежнему играет в жизни Фрэнка ведущую роль, а всевозможные вещи становятся доказательством его высокого достатка и стабильности;

4. Существенным различием между оригиналом и переводом становится отсутствие в последнем достаточного количества слов для выделения концептов **борьба** и **победитель**, актуальных для романа Драйзера, что неизбежно меняет структуру художественного мира романа, а следовательно, и замысел писателя.

Библиографический список

1. Critical Essays on Theodore Dreiser. Boston, Massachusetts, 1981.
2. Dreiser Th. The Titan. СПб., 2008.
3. American Literature. The Makers and the Making. Book D, 1914 to the Present. New York, 1973.
4. Динамов С. Зарубежная литература. М., 1960.

Сведения об авторе

Фомина Екатерина Михайловна
аспирант кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: katya_f05@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81'243:378.147

ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ИДЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕНОСА НА ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Т.А. Лопарева

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье прослеживается изменение взглядов на методологические основания обучения фонетике иностранного языка. В этой связи рассматриваются теории, оказавшие наибольшее влияние на теорию обучения произносительной стороне говорения: традиционную для фонетики теорию интерференции, использующую межъязыковые сопоставления, и теорию когнитивизма, согласно которой овладение языком в целом, и усвоение фонетики в частности, соответствует естественным процессам развития индивида.

Ключевые слова: интерференция, произношение, артикуляция, межъязыковые сопоставления, контрастивный анализ, анализ ошибок, когнитивная модель обучения, промежуточный язык.

Evolution of Ideas in Transfer Theory of Language Acquisition and its Influence on the Theory of Teaching Phonetics of a Foreign Language

Tatyana Lopareva

The article traces changes in methodological views on teaching phonetics of a foreign language, analyzing theories which have strongly influenced the theory of teaching foreign language pronunciation, namely: the traditional theory of interference using interlingual comparisons, and the theory of cognitivism, according to which acquisition of language on the whole and of phonetics in particular corresponds to natural processes of individual development.

Key words: interference, pronunciation, articulation, interlingual comparisons, contrastive analysis, analysis of mistakes, a cognitive model of learning, Interlanguage.

Реальностью сегодняшнего дня становится владение несколькими иностранными языками. Обучение многоязычию базируется на явлении переноса – понятии довольно широком и многозначном, давно разрабатываемом в методике обучения

иностранному языку. В течение полувека теория переноса претерпела значительные изменения и сейчас перенос связывают не только с аспектами языка и навыками, но и с компетенциями, стратегиями, методами и приемами обучения.

Обратимся к произносительной стороне говорения и проследим, как изменялись взгляды исследователей на данный вопрос с середины XX века до наших дней.

Традиционно усвоение фонетики иностранного языка связывают с влиянием родного языка. Трансференция, или перенос, – это следствие попытки учащегося распознать и воспроизвести элементы иностранного языка посредством ранее установленной системы – системы родного языка. Н.С. Трубецкой сравнивал фонологическую систему языка с ситом, сквозь которое просеивается все, что слышится. Когда индивид слышит речь на другом языке, он непроизвольно применяет для анализа услышанного фонологический фильтр родного языка. Ввиду того что фильтр восприятия не адаптирован к новому языку, возникают многочисленные ошибки и непонимание. Наличие так называемого «иностранного акцента» Н.С. Трубецкой связывал не с тем, что индивид не может произнести определенный звук, а скорее с тем, что он не различает, неправильно интерпретирует и не корректирует этот звук. Происходит ассимиляция звуков иностранного языка с фонологическими категориями родного языка. Названная ошибочная интерпретация обусловлена разницей фонологических структур родного и иностранного языков [1]. Трансференция позволяет учащемуся сэкономить усилия в овладении иностранным языком. Поэтому, встречая звук, отсутствующий в его репертуаре, он заменяет его на более близкий звук родного языка. Если речь идет о втором, третьем и т.д. иностранном языках, термин *трансференция* включает в себя влияние в той или иной степени всех известных учащемуся языков, т.е. фонетические системы освоенных ранее языков могут влиять на произношение на изучаемом языке.

Перенос может иметь как положительный, так и отрицательный результат. Считалось, что различия в языках вызывают отрицательный перенос (интерференцию), в то время как при наличии фонетических элементов и в родном, и в иностранном языках, имеет место положительный перенос, или трансференция. R. Lado под

переносом понимает «осознанное или неосознанное заимствование навыков из родного языка в изучаемый», добавляя, что если при этом заимствованные навыки отрицательно влияют на процесс обучения, то это проявление интерференции [2].

J. Juhász также различает трансференцию и интерференцию, представляя их как две различные возможности для проявления влияния родного языка на иностранный [3]:

1. Хотя в одном языке не существует элемента, полностью эквивалентного элементу другого языка, некоторые элементы могут вести себя схожим образом в родном и иностранном языках. В этих случаях при осознанном сравнении или спонтанном влиянии родного языка учащийся не нарушает норм иностранного языка. Этот вид влияния J. Juhász называет трансференцией [3].

2. Чаще элементы родного и иностранного языков функционируют по-разному вследствие полного или частичного расхождения их структур, валентности, семантической конгруэнтности, структуры значения, употребления и т.д. Здесь имеет место отрицательное воздействие элемента родного языка на иностранный, т.е. интерференция. Интерференция должна быть нейтрализована каким-либо способом во избежание нарушения норм изучаемого языка.

В более поздних работах признается влияние не только родного, но и любого другого ранее изученного языка на изучаемый иностранный [4].

Трансференция и интерференция – это две стороны одного процесса: оба этих процесса зависят от сходства, создающего языковой контакт, функционирующий как «мостик». Важно отметить, что при трансференции акцент делается на сходстве, а не на различии [5].

В плане фонетики термины «трансференция» и «интерференция» относятся к одному и тому же явлению, а именно к применению фонетических элементов родного языка в изучаемом иностранном. При этом интерференция рассматривает явление как препятствие, затрудняющее корректное восприятие и высказывание на иностранном языке. Однако существуют многочисленные явления, которые нельзя объяснить только влиянием родного языка, например,

случаи, когда учащиеся производят звуки и слоговые структуры, отсутствующие как в родном, так и в изучаемом иностранном языке.

Но и приуменьшать роль переноса было бы неверно, поскольку очевидно, что иностранный акцент вызван преимущественно интерференцией фонетических элементов родного языка в иностранный. Обнаружить это влияние в произношении учащегося позволяет контрастивный анализ, служащий для предсказания возможных трудностей в процессе усвоения иностранного языка. Контрастивный анализ – это центральный метод исследования в теории интерференции, основанный на убеждении в том, что идентификация различий в родном и иностранном языках позволит предсказать возможные проблемы в обучении. Представители контрастивного анализа считали, что учащиеся не испытывают никаких трудностей в воспроизведении звуков иностранного языка, уже существующих в их родном языке, в то время как самые большие сложности связаны с новыми фонетическими элементами. Т.е. все ошибки произношения могут быть объяснены подменой звуков иностранного языка звуками родного языка, вызванной интерференцией. Были произведены многочисленные сопоставления языков. Однако интерпретация данных в рамках данного метода вызывала определенные сомнения. Согласно контрастивному анализу новые звуки являются наиболее трудными, что далеко не всегда подтверждалось в действительности. Кроме того, трудности возникали там, где контрастивный анализ их не предсказывал, а именно: самыми сложными для произношения оказывались звуки, существующие в обоих языках, но реализующиеся в разных позициях.

Таким образом, предсказательное значение контрастивного анализа ограничено по нескольким причинам: а) недостаточно сравнить фонологические таблицы родного и иностранного языков; б) отсутствие фонетического элемента иностранного языка в родном языке учащихся не является синонимом трудности; в) схожесть элементов в разных языках может вызвать больше трудностей, чем различия.

Необходимо также иметь в виду, что возможно более трудным для учащихся будет не произносить звуки родного языка, не

существующие в иностранном. Это именно те элементы, которые определяют иностранный акцент.

Другой способ устанавливать сравнения, намного более сложный, основан на описании фонологических признаков. Исследования показали, что фонологические признаки в каждом языке имеют разную степень важности и в каждом языке они распределены по-своему: от более важных, устанавливающих фонологические оппозиции, к менее важным. В. Hancin-Bhatt отмечает способность такого анализа идентифицировать признаки, которые будут легче восприниматься и, соответственно, переноситься из одного языка в другой [6]. Автор утверждает, что все фонологические признаки существуют в разных языках, но имеют большее или меньшее значение. Таким образом, в восприятии иностранного языка признаки конкурируют в организации воспринимаемого языка. Более значимые признаки в родном языке будут превалировать над менее значимыми.

J. Listerri указывает на недостаточность сопоставления фонологических таблиц и необходимость учитывать: 1) распределение фонем, т.е. в какой позиции в слове они могут или не могут появляться; 2) случаи появления аллофонов одной и той же фонемы; 3) различные фонетические проявления, имеющие в сравниваемых языках один и тот же фонетический символ международного фонетического алфавита [7. P. 95].

Таким образом, обобщая данные новых исследований в области контрастивного анализа, можно определить трудности, с которыми придется столкнуться учащемуся в усвоении фонетики иностранного языка:

- 1) воспринимать и воспроизводить новые звуки, отсутствующие в родном языке;
- 2) воспринимать и воспроизводить звуки, существующие в обоих языках, но имеющие в иностранном языке отличное от родного слоговое распределение;
- 3) не произносить звуки родного языка, отсутствующие в иностранном.

Н. Hammerly считает, что самая сложная ситуация для учащегося – это существование аллофона в родном языке и его отсутствие в иностранном [8].

J. Flege предполагает, что наиболее сложными для усвоения звуками будут не новые, а похожие на звуки родного языка. Например, разница между [e] закрытым и [ɛ] открытым [9].

Идеи контрастивного анализа продолжают вызывать интерес в плане предсказания и объяснения интерференции, присутствующей в речи индивида и являющейся причиной «иностранным акцента».

Однако усвоение фонетической системы иностранного языка не может ограничиваться только переносом. Контрастивный анализ имеет следующие недостатки:

- 1) контрастивный анализ не может предсказать все ошибки, он может только объяснить случившиеся;
- 2) контрастивный анализ не может объяснить возникновение звуков и структур, не существующих ни в родном, ни в изучаемом иностранном языке учащихся;
- 3) не описывает, как учащиеся преодолевают указанные трудности;
- 4) не объясняет ни как, ни почему произношение улучшается постепенно, т.е. не учитывает этапы обучения произношению;
- 5) интерференция не учитывает индивидуальные различия в усвоении иностранного языка между учащимися, принадлежащими к одной языковой общности.

Недостатки контрастивного анализа приводят к возникновению в середине 70-х годов точки зрения на овладение иностранным языком как на процесс, основанный на творчестве учащегося. Речь идет о теории когнитивизма, предполагающей, что обучение осуществляется самим индивидом, т.е. учащемуся отводится активная роль в усвоении иностранного языка. Исследователи когнитивного направления ограничили значение термина «перенос» влиянием только родного языка, сведя тем самым его роль к минимуму. В этой связи примечательно высказывание Е. Tarone: «Перенос – это только часть, причем небольшая часть, влияния на фонологию промежуточного языка» [10. Р. 70].

Когнитивная модель описывает процесс овладения языком как творческий процесс построения знания и развития способностей, а не как результат врожденного умения. Согласно этой модели, процесс обучения предполагает интенсивную когнитивную активность со стороны учащегося и состоит в восприятии и распознавании новой

информации с учетом имеющихся знаний, встраивать ее в существующую структуру знания, затем модифицировать и реорганизовывать полученную информацию. С позиции когнитивной теории процесс овладения языком следует по естественной траектории развития, проходя через ряд фаз по нарастанию сложности, аккумулируя и интегрируя приобретенные способности и умения для формирования более сложных умений.

Такая последовательность может быть применима и к усвоению фонетики иностранного языка, поскольку произношение – это наиболее автоматизированная область языка, состоящая из многочисленных доведенных до совершенства операций, позволяющих уделить внимание другим аспектам устной коммуникации.

Что касается природы ошибки, то, в отличие от контрастивного анализа, где использование родного языка уже само по себе считалось ошибкой, когнитивная модель рассматривает доступ к фонетической системе языка как способ, стратегию преодоления трудности в восприятии и воспроизводстве какого-либо фонетического элемента иностранного языка. Таким образом, учащийся имеет возможность применить свой лингвистический опыт и свои умения в родном языке (и имеющиеся знания в других языках) для преодоления трудностей в использовании фонетической системы изучаемого иностранного языка.

В рамках когнитивной модели особый интерес представляют исследования ошибок, вызванных не интерференцией. Играв активную роль в усвоении иностранного языка, учащиеся создают свою лингвистическую систему, отличающуюся как от родного, так и от изучаемого иностранного, получившую название «промежуточный язык», или интерязык (Interlanguage) [11]. Эта система находится в постоянном движении и развитии. Промежуточный язык – это система правил, находящаяся между родным и иностранным языком, но независимая от обоих. Это своего рода промежуточная стадия между родным и иностранным языком, со своими собственными правилами, не всегда верными относительно целевого языка, но позволяющими индивиду интерпретировать и конструировать сообщения на этом языке. Каждый учащийся сам творчески выстраивает свой интерязык. Ошибки учащегося рассматриваются

как отражение его компетенции переноса. На основе анализа ошибок учащегося делается вывод о стадии развития его интерязыка. Концепт «промежуточный язык» широко принят в теории овладения иностранным языком и применим также в области усвоения фонетики, хотя намного реже.

С точки зрения когнитивной модели, учащийся постоянно реорганизует свой промежуточный язык на протяжении всего процесса овладения иностранным языком, постепенно заменяя промежуточные элементы элементами системы иностранного языка. В области фонетики такая реорганизация реализуется на двух уровнях – когнитивном и физическом. Первый состоит в усвоении значения фонемы внутри лингвистической системы (фонологический уровень). Второй относится к совокупности артикуляционных движений, необходимых для восприятия и воспроизводства звуков (фонетический уровень).

Под влиянием концепта Л. Селинкера о промежуточном языке, усвоение иностранного языка стало рассматриваться с когнитивных позиций. Термин «интерференция» был заменен на «трансференцию». Разница между ними отражает смену точек зрения: от навыка в понимании теории бихевиоризма к познавательной и коммуникативной стратегии для восполнения недостатка знания или компетенции. Т.е. термин «трансференция» отражает использование родного языка как стратегию поддержания коммуникации, вследствие чего влияние родного языка теряет негативную коннотацию ошибки, превращаясь в неизбежный и естественный этап в процессе усвоения фонетики иностранного языка.

В овладении произносительной стороной речи иностранного языка наблюдения показали, что помимо трансференции, активизируются процессы, похожие на те, что проходят у детей, овладевающих фонетикой родного языка. Наличие подобных явлений, называемых процессами развития, в овладении иностранным языком взрослыми было проинтерпретировано как форма реактивации процессов и стратегий овладения родным языком.

Таким образом, можно выделить две группы процессов усвоения фонетики иностранного языка:

1. Процессы трансференции являются результатом влияния родного языка и изученных ранее иностранных языков на усвоение

новой лингвистической системы. Их существование позволяет объяснить ошибки и трудности учащегося, вызванные влиянием лингвистического опыта учащегося.

2. Процессы развития ассоциируются со стратегиями овладения языком, применимые как к родному, так и к иностранному языку.

Однако различия между овладением родным и иностранным языком довольно существенны. Процесс овладения системой родного языка характеризуется как «снизу вверх», в то время как усвоение иностранного языка идет по пути «сверху вниз». Обучение во втором случае проходит на основе имеющихся знаний, т.е. взрослые изучают иностранный язык посредством родного языка.

В качестве метода исследования когнитивная модель использует анализ ошибок. Этот метод, однако, также имеет ограничения: можно проанализировать сказанное, но не то, что учащийся не сказал, используя стратегии избегания потенциальных ошибок.

Ни теория переноса, ни когнитивная модель сами по себе не могут полностью объяснить процесс усвоения фонетики. Появились попытки объединения двух теорий.

R.C. Major предлагает модель для объяснения последовательных этапов усвоения фонетики, соединяющую в себе процессы трансференции и процессы развития [12]. Согласно его модели, на первых этапах усвоения фонетики преобладают процессы трансференции. При обучении они сходят на нет. Напротив, явления развития редки в самом начале обучения, далее они проявляются чаще, и, когда учащийся достигает более высокого уровня компетенции, частота их проявления уменьшается. R.C. Major также указывает на то, что способный учащийся будет быстро прогрессировать и процессы трансференции в его речи не будут активно проявляться. При этом менее способный ученик будет медленнее прогрессировать, с трудом усваивая новую артикуляцию.

J. Flege, следуя идее S.D. Krashen в разграничении понятий «обучение языку» и «овладение языком», отмечает, что интерференция влияет на выученные элементы, а процессы развития – на усвоенные [9].

По A.R. James [13], процессы трансференции и развития присутствуют в усвоении фонетики иностранного языка в разной

степени в зависимости от а) воспринимаемой учащимися схожести между элементами родного и иностранного языков; б) этапа обучения, на котором находится учащийся.

В теории когнитивизма конструирование знания состоит из нескольких фаз, среди которых можно выделить адаптацию и аккомодацию. В первой сознание адаптируется к реальности с помощью ассимиляции новых данных. Далее, в фазе аккомодации, новые знания интегрируются в уже имеющиеся, что заставляет модифицировать уже имеющиеся схемы.

Применительно к усвоению фонетики предлагается такая последовательность: 1) в первой фазе учащийся добавляет новые единицы в свою фонетическую систему; 2) вторая фаза предполагает реорганизацию уже существующих структур; 3) в последней фазе учащийся заново прилаживает характеристики к фонетическим элементам, приближая их к элементам иностранного языка [14].

Согласно N. Ellis, в усвоении фонетики иностранного языка устанавливаются новые категории восприятия и новые способы артикуляции, на фонологическом уровне образуются новые единства [15. Р. 95]. На начальном этапе интенсивное влияние оказывает родной язык посредством классификации эквивалентности и проекции категорий родного языка на иностранный, если учащемуся это кажется возможным. В процессе обучения фонетическая система интерязыка становится все более независимой от родного и приближается к фонетической системе иностранного языка.

Таким образом, современный этап развития методики обучения иностранным языкам демонстрирует необходимость учитывать при обучении фонетике иностранного языка как наиболее автоматизированной стороне говорения и традиционную систему формирования навыка, и

1) данные контрастивного анализа для прогнозирования трудностей в обучении;

2) процессы трансференции для объяснения и устранения ошибок, вызванных лингвистическим опытом учащихся;

3) процессы и стадии развития согласно теории когнитивизма с применением соответствующих стратегий овладения языком.

Библиографический список

1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. 372 с.
2. Lado R. Moderner Sprachunterricht. Eine Einführung auf wissenschaftlicher Grundlage. 4. Aufl. München: Max Hueber Verlag, 1973.
3. Juhász J. Probleme der Interferenz. München: Max Hueber Verlag, 1970.
4. Odlin T. Language Transfer. Cross-linguistic influence in language learning. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
5. Kielhöfer B. Die Rolle der Kontrastivität beim Fremdspracherwerb // Dittmar N., Rost-Roth M. Deutsch als Zweit- und Fremdsprache. Methoden und Perspektiven einer akademischen Disziplin. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 1995. S. 35-52.
6. Hancin-Bhatt B., Bhatt R. Optimal L2 syllables: Interaction of transfer and developmental effects // Studies in Second Language Acquisition. 1997. №19. P. 331-378.
7. Llisterri J. La enseñanza de la pronunciación // Cervantes. Revista del Instituto Cervantes en Italia. 2003 № 4, 1. P. 91-114.
8. Hammerly H. Contrastive phonology and error analysis // International Review of Applied Linguistics. 1982. №20. P. 17-32.
9. Flege J. Perception and production: the relevance of phonetic input to L2 phonological learning // Huebner T., Ferguson Ch.A. (Eds.) Crosscurrents in Second Language Acquisition and Linguistic Theories. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 249-289.
10. Tarone E. The Phonology of Interlanguage // Richards J.C. (ed.) Understanding Second and Foreign Language Learning: Issues and Approaches. Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1978. P. 15-32.
11. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics. 1972. № 10. P. 209-241.
12. Major R.C. Foreign Accent: Recent Research and Theory // International Review of Applied Linguistics. 1987. №25: 3. P. 185-202.
13. James A.R. Phonic Transfer and Phonological Explanation: Some Theoretical and Methodological Issues // Kellermann E., Sharwood Smith M. (Eds.) Crosslinguistic Influence in Second Language Acquisition. New York: Pergamon Press Ltd., 1986 (Language Teaching Methodology Series). P. 134-149.
14. Iruela A. Adquisición y enseñanza de la pronunciación en lenguas extranjeras. Tesis doctoral. Universidad de Barcelona, 2004.

15. Ellis N. Sequencing in SLA. Phonological memory, chunking, and points of order // *Studies in Second Language Acquisition*. 1996. № 18. P. 91-126.

Сведения об авторе

Лопарева Татьяна Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков и
методики обучения иностранным языкам
Вятского государственного гуманитарного университета
E-mail: T Lopareva@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 32:308(477)

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале Украины)

А.С. Паршаков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье дается краткая характеристика конструктивистской эпистемологии. На материале Украины показан потенциал использования конструктивистской эпистемологии в современных европейских исследованиях и политологии.

Ключевые слова: Балтийско-Черноморский регион, идентичность, конструктивизм, регионализм, Украина, унитаризм, федерализм, языковая политика.

Constructivist Epistemology in European Studies (in its application to modern Ukraine) Alexander Parshakov

The article gives a short description of constructivist epistemology, demonstrating its practical potential for European studies and political studies by applying constructivist epistemology to modern Ukraine.

Key words: Baltic – Black Sea region, constructivism, federalism, identity, language policy, regionalism, Ukraine, unitarianism.

Европейские исследования к текущему моменту успели пройти несколько этапов, на каждом из которых специалисты задавались вопросом о новых методологических подходах. Цель настоящей работы – предложить неполитизированную концептуальную рамку для анализа некоторых аспектов украинской политики и украинского регионализма. Соответственно, можно выделить две задачи, решение которых определяет структуру статьи: первая часть кратко характеризует конструктивизм, а также радикальный конструктивизм как его ответвление; вторая показывает, как призма конструктивизма преобразует видение Украины в контексте политического

континуума Новой Восточной Европы и Балтийско-Черноморского региона.

Конструктивизм и радикальный конструктивизм

Термин «конструктивизм», безусловно, омонимичен [1]. Конструктивистский принцип в самом общем смысле предполагает построение субъектом познания утилитарных ментальных конструкций, необходимых в данный момент для решения той или иной задачи [1]. Следовательно, можно говорить о том, что наибольший интерес представляет именно эпистемология конструктивизма, так как онтология в данном случае носит не первичный характер. Уходящий «корнями в учение античных скептиков» [2. С. 39] конструктивизм вообще критичен по отношению к онтологическим представлениям классической науки [1]; радикальный конструктивизм, более того, ставит вопрос о существовании онтологии как таковой [3]. В нашем случае «старые» теории международных отношений (например, *Realpolitik* / реализм или геополитика) как раз ориентированы онтологически, тогда как в современных европейских исследованиях, как нам представляется, не менее важно отвечать на вопрос «Как?», чем на вопросы «Что?» или «Кто?» – последние могут не задаваться вовсе, либо же ответ на них может зависеть от ответа на первый вопрос.

Итак, конструктивистская эпистемология не служит калькой, на которой отображается «действительный» мир. Напротив, сами контуры этого мира зависят от мотивации познающего субъекта [1], его языковой картины мира и от дискурса, в котором разворачиваются его выводы, а также от иных факторов. Отсюда выводится конструктивистский постулат об обязательной «множественности истины» [1], о невозможности ее единственности. Невозможность эта обусловлена тем, что знание в конструктивизме – всего лишь одна из форм описания действительности [1]. При этом речь идет не о противостоянии разных точек зрения, а об имеющемся у исследователя «пучке» вариантов видения, которые он отбирает согласно тем или иным задачам. Иными словами, знания конструируются познающим субъектом как набор различных моделей, альтернативных [1] или же комплементарных друг другу, а понятие «объективная действительность» не может использоваться

иначе как в кавычках. Описанная в сознании познающего субъекта действительность – это его «когнитивный конструкт», который можно считать как знанием о действительности, так и самой действительностью [3. С. 110], которая, в свою очередь, складывается из произведенных исследователем конструктов.

Эпистемология конструктивизма, на наш взгляд, оттеняет остроту описанного К. Поппером [4] противоречия между постоянно растущим знанием и постоянно растущим незнанием, так как конструктивистское знание в меньшей степени претендует на объективность. В этом контексте конструктивистская эпистемология может оказаться относительно удобной и практичной.

Проблема «объективной действительности» вообще может быть рассмотрена как общая проблема гуманитарных наук, в частности истории [5], а равно и европейских исследований, которые истории родственны и зачастую идейно близки. История, например по Лотману, занимается конструированием прошлого [5], европейские исследования – конструированием настоящего. Цель этих упражнений – понять, объяснить, сформировать видение, обозначить подход. В этом плане конструктивизм (и особенно радикальный конструктивизм) попросту отказывается от претензии на «объективность» знания, что облегчает исследовательскую задачу. Иными словами, «коль скоро познание больше не понимается как поиск абсолютного (иконического) соответствия с онтологической действительностью, а лишь как поиск *подходящего* образа действия и способа мыслить, традиционная проблема исчезает сама собой» [6. С. 96].

Более глубокое погружение в конструктивистскую парадигму – путь к радикальному конструктивизму. Эпистемология радикального конструктивизма (как это видит один из главных его теоретиков, американский философ и психолог фон Глазерсфельд) проистекает из предположения о том, что знание, как бы оно ни определялось, содержится исключительно в «голове» познающего субъекта и последнему ничего не остается, кроме как конструировать свое знание на основе своего же опыта [7]. Сконструированное на основе опыта, в свою очередь, создает единственный (т. е. персональный) мир, в котором субъект обитает сознательно [7]. В соответствии с трактовкой чилийского биолога и философа У. Матураны, познание

можно рассматривать как «непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни» [8. С. 90]. Уникальность знания, которое конструируется на базе личного опыта, объясняется так: «Любой опыт по существу дела субъективен, и хотя я могу найти причины, чтобы поверить, что мой опыт не похож на ваш, я никак не могу знать, что он таков же» [7. Р. 1]. В теории радикального конструктивизма в принципе очень сильна психологическая основа – это объясняется тем, что фон Глазерсфельд во многом использует идеи швейцарца Ж. Пиаже – не только философа, но в первую очередь психолога.

По большому счету радикальный конструктивизм отличается от более «умеренного» не фундаментально, а лишь глубиной или, если угодно, смелостью формулировок. При этом основной конструктивистский принцип остается тем же: «<...> радикальность радикального конструктивизма состоит <...> в том, что он порывает с общепринятой традицией и предлагает теорию познания, в которой понятие знания больше не соотносится с «объективной», онтологической действительностью, а определяется единственным образом как устанавливаемый порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни (проживания)» [6. С. 82].

Обратим также внимание на то, как описывается научное взаимодействие в (радикально) конструктивистской среде: «Передача знания, понимание, общение – это вторичные феномены, возникающие при *совпадении* процессов конструирования у контактирующих субъектов» [2. С. 58]. При определенных условиях можно было бы сказать, что научная коммуникация – это игра в «сломанный телефон». Однако на деле, к счастью, подобные совпадения случаются не так редко, особенно если речь идет о коммуникации на одном языке. Тем не менее, такая трактовка развития глобального научного знания представляется интересной и практически полезной. Несколько иначе, однако, трактуется эта же мысль в контексте коммуникации общественно-политической: здесь желательные совпадения регистрируются реже, а несовпадения могут носить весьма болезненный характер, причем речь идет не только о провалах коммуникации (*communication gaps*), но и серьезных практических проблемах, что видно и на украинском материале.

Европейские исследования: конструктивистское видение

Европейские исследования – это родовое название, объединяющее широкий ряд исследовательских проектов, посвященных всестороннему изучению Европейского союза, отдельных его членов и регионов (в контексте европейской (дез)интеграции), анализу взаимодействия Евросоюза с внешними акторами, а также концептуализации и операционализации самого понятия Европы. В данной работе мы сосредоточимся на Украине – относительно молодом и политически весьма динамично и драматично развивающемся государстве, относящемся к странам Новой Восточной Европы и включенным в Балтийско-Черноморский регион.

Собственно говоря, уже само понятие Балтийско-Черноморского региона дает хорошее представление о том, какой Европа видится исследователю-конструктивисту. Очевидно, что подобный регион как единица анализа едва ли задан исключительно географически. Напротив, данный регион должен был быть сконструирован:

а) чтобы организовать анализ политического развития более высокого уровня, то есть вести речь не об отдельных государствах, а о группе стран, имеющих в контексте разработки того или иного исследовательского вопроса некие сходства (например, постсоциалистический опыт демократического транзита, или нахождение в зоне контакта НАТО и ОДКБ, или общее прошлое);

б) чтобы символически «привязать» такие страны, как Молдова, Украина, Грузия и отчасти Беларусь, к институционально оформленной объединенной Европе, соединив их в одном символическом образовании с Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией.

Регион, соответственно, – не данность, но результат ментального упражнения, абстракция, созданная с исследовательскими и политическими целями (здесь, пожалуй, можно говорить о вторичности онтологии относительно эпистемологии): «the Baltic-Black Sea Region (BBSR) is a typical example of political construction of the region, a region-building project» [9. P. 3].

Если мы перейдем на предыдущий уровень анализа – уровень конкретных государств (в нашем случае Украины), мы также не увидим изначально заданного предмета (радикальный конструктивист

и вовсе сказал бы, что Украина – это лишь сумма представлений о ней). Эпистемология в европейских исследованиях и теории международных отношений, разумеется, эволюционирует, и если реалисты стали бы рассматривать Украину как единую и неделимую политику с единственным центром силы, а неореалисты задумались бы над структурой этого целого, то конструктивисты представили бы это восточноевропейское государство как некий конструкт (политический, исторический, геополитический, символический и т.д.), который не только не является раз и навсегда сформированным тем или иным удобным для анализа образом, но продолжает конструироваться прямо сейчас и как политический субъект, и как аналитический объект.

Говоря об Украине как объекте исследования в первую очередь нужно обратить внимание на тот факт, что сегодня не существует единого мнения относительно границ Украины – то есть встает необходимость определения не столько границ государства, сколько границ исследовательского объекта. Кроме того, следует констатировать, что Украина дробна, мозаична (отчасти даже «искусственна» [10]), нестабильна и исключительно конфликтогенна – это хорошо показано в многочисленных работах по украинскому регионализму. Для решения различных аналитических задач «разложить» Украину можно по-разному: выделить, например, 15 историко-культурных территорий [11. С. 123], или 8 регионов, отличных по историческим особенностям, лингвистическим и культурным чертам, плотности населения и структуре экономики [12], или 3 макрорегиона по признаку того, для какой доли населения украинский язык является родным [13], и т.д. Несомненно при этом объективное резкое региональное разнообразие, выражающееся в самых разных сферах: историческая память, культурное наследие, язык, этнический состав, политические предпочтения (как во внутренней, так и во внешней политике), структурные особенности экономики и т.д.

Имея в виду это разнообразие (означающее расколотость и даже вооруженное противостояние на грани гражданской войны), можно по-разному подходить к самому понятию Украины. Мы уже выяснили, что «Украина» – это конструкт. Возникает следующий вопрос. Является ли Украина конгломератом либо системой

элементов, собранных по (кон)федеративному¹ принципу, или же она представляет собой относительное цельное по сути образование, внутри которого наблюдаются водоразделы, трещины, расколы, т. е. слабое унитарное образование? Иными словами, следует ответить на вопрос о том, как конструируется номинально единая Украина.

Ответ на этот вопрос задает дискурс-вектор *политического* и, если смотреть более масштабно, определяет направление политической эволюции государства. Выбор первого варианта ответа – т. е. признание Украины в качестве системы своих частей – является начальной точкой федералистского дискурс-вектора. Выбор второго варианта (именно к такому выбору склонялись все украинские президенты за последние 20 лет) – Украина как идеально неделимое, но на практике неоднородное целое – означает выбор унитаристского дискурс-вектора. Выбор между двумя походами – федералистским и унитаристским – в условиях резкого регионального разнообразия [14] Украины отображается в реальной политике, т. е. мы в очередной раз видим, что выбор модели восприятия Украины-объекта имеет онтологическое значение, влияя на политическое развитие государства и жизнь его граждан². Приведем несколько примеров.

В 2012 г. в Украине был принят закон «Об основах государственной языковой политики» [15], который, в частности, ввел понятие регионального языка. Закон наделил областные и местные администрации правом устанавливать тот или иной язык в качестве регионального в том случае, если более 10 % населения той или иной административной единицы считают его родным. Де-факто закон ввел в унитарной Украине так называемый «языковой федерализм» [16. С. 53], делая языковую ситуацию в стране отчасти подобной языковой ситуации в соседней России, где некоторые субъекты федерации устанавливают на своей территории более одного (русского) государственного языка. Этот федералистский по духу

¹ Имеется в виду так называемый федерализм «снизу», примерами реализации принципов которого могут служить США или Швейцария.

² Стоит особо указать, что при употреблении терминов «унитаризм», «федерализм», «сепаратизм» и др. недопустимо смешение научного и строго политического дискурса, с одной стороны, и политико-популистского дискурса, развивающегося на фоне вооруженных столкновений и активной пропагандистской работы, с другой стороны.

закон отчасти снимал противоречие между объективно характеризующей страну лингвистической гетерогенностью, со одной стороны, и четкой установкой на признание украинского языка единственным государственным [17], с другой. Тем самым принятие «федералистской» модели ментального освоения Украины в практической плоскости выразилось в некотором снижении потенциала лингвосоциальной конфликтности. Напротив, когда в 2014 г. понятие территориальной целостности Украины по понятным причинам стало одним из центральных в политическом дискурсе, произошел очередной «унитаристский поворот» и была предпринята попытка отмены данного закона¹.

«Унитаристское» понимание Украины автоматически означает, что любые неукраинские этнические движения рассматриваются как сепаратистские, экстремистские или даже террористические (последнее можно наблюдать в Украине с весны 2014 г.). Таково, как правило, отношение к активистам русинского движения в Закарпатье, которые без особого успеха борются за автономизацию с 1990 г. [18. С. 103]. Безо всякого энтузиазма обсуждался между Киевом и Будапештом вопрос перспективы создания в том же Закарпатье венгерской автономии (по примеру Автономной Республики Крым, феномен существования которой в рамках унитарного государства был легализован в Конституции [17]) [19] или – после драматических событий весны 2014 г. – организации венгерского самоуправления [20]. Официальный Киев – в особенности сегодня – вынужден оценивать подобные проекты исключительно как попытки развала страны, хотя и изначально склонялся к такой трактовке (это реализация выбора унитаристского дискурс-вектора).

Очевидно, что после событий 2014 г. в Крыму, в Донецкой и Луганской областях «федералистский поворот» в краткосрочной перспективе маловероятен. При этом, однако, необходимость пересмотра отношений регионов и центра остается очевидной, и перспективы некоего рода федерализации (допустим, «финансового федерализма») не снимаются с политической повестки дня (нужно при этом учитывать огромную разницу между коннотациями, которые понятие «федерализация» имело до 2014 г. и в 2014 г.).

¹ Отдельный интерес представляет соотношение популистских, глубоких идеологических и процедурных оснований для отмены действия данного закона.

Богатый материал предлагает современная Украина и для работы в парадигме социального конструктивизма. С этой точки зрения украинская идентичность, наполняющая концепт «Украина», формируется не сама по себе, но в результате постоянных социальных взаимодействий (между отдельными людьми, между государствами / нациями или их объединениями, между государством / нацией и глобализованным миром). Процесс конструирования идентичности требует детального глубокого описания, но в данной работе мы упомянем лишь несколько моментов.

Одним из ключевых факторов формирования *украинского* был и остается отказ от *русского / российского* (что в очередной раз проиллюстрировали события 2014 г.). Формула «Украина – не Россия», таким образом, задает направление взгляду исследователя, публициста или политика. В этом ментальном коридоре естественны и логичны некоторые перегибы в языковой политике и культурной сфере на определенном этапе формирования новой идентичности, связанные со страхом того, что единая украинская идентичность рухнет под тяжестью исторической традиции, исторической и социальной инерции и исторической памяти. Поэтому, в частности, «every Ukrainian government carefully designs a narrative of the common historical heritage of the people living on the territory of today's Ukraine» [21]), в то время как «historical regions can either be smaller or larger than a nation state and that historical processes of *longue durée* rarely develop within territories demarcated by geographical or political borders» [22. P. 17]. Именно исходя из этой конструктивистской установки и следует изучать политику Украины по многим вопросам, не пытаясь искать в ней излишней идеологичности (к этому не принуждает контекст исторического момента) или, к примеру, русофобии (при этом, к сожалению, отрицать ее как важный фактор текущего политического процесса в 2014 г. нельзя). Тем более нельзя в рамках научного дискурса придавать однозначно негативную коннотацию словам «национализм», «националист» и пр. (см., например, [23. С. 18]), которые являются ключевыми в процессе нациестроительства в относительно молодом государстве и вовсе не обязательно означают шовинизм и агрессию.

Второй важнейший аспект формирования украинской идентичности – это (символическая) принадлежность Украины *европейскому* (что также еще раз было подтверждено в 2013–2014 гг. – институционально и риторически) – и это, в свою очередь, тоже определяет представление субъекта об Украине-объекте. Именно в рамках Большой Европы как важный элемент Балтийско-Черноморского региона современная Украина развивается все время своего существования – так, по крайней мере, полагают ее власти, формируя внешнеполитический курс. Проведение футбольного Чемпионата Европы в Польше и Украине, подписание Соглашения об ассоциации с Европейским союзом имеют прежде всего мощное символическое значение, семантически привязывая Украину к Европе. Непрерывное обсуждение потенциального Соглашения об ассоциации, возможно, оказалось в некотором роде даже важнее, чем сам факт его (не)подписания. Единственно возможным в данной конструктивистской рамке видится и процесс гармонизации украинского законодательства с европейским. Здесь уместно вспомнить об уже упоминавшемся «сломанном телефоне», правда, на примере соседней Молдовы, которая тоже европеизировала свое законодательство: «неевропейская» Гагаузия пригрозила выходом из «европейской» Республики Молдова в случае принятия в Кишиневе закона, запрещающего дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. Молдавский пример приводится здесь исключительно в силу своей простоты, так как в украинском случае подобные вопросы вписаны в более сложный контекст.

Разумеется, украинская идентичность (в любом ее варианте) не оформляется за несколько лет после нескольких внешнеполитических деклараций. Любая идентичность, в том числе национальная, вызревает достаточно долго. При этом в рамках конструктивистского подхода можно говорить, что идентичность, безусловно, конструируема [24] и, следовательно, зависима от концептуальной парадигмы, в которой действует тот или иной политик, публицист или исследователь. Более того, само понятие нации возможно рассматривать как конструкт [подробнее см. 25. С. 12–18; 80–90], что еще раз подчеркивает актуальность конструктивистской эпистемологии в европейских исследованиях, особенно в работе с украинским материалом.

Библиографический список

1. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. №6. С. 75–82.
2. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. №4. С. 38–58.
3. Цоколов С.А. Радикальный конструктивизм: эпистемология без онтологии? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1999. №2. С. 105–117; № 3. С. 71–83.
4. Поппер К. Логика социальных наук // Электронный ресурс Интернет: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/Log_Soc.php.
5. Миронов В.В. Специфика гуманитарного познания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм?) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. №6. С. 3–29.
6. Глазерсфельд фон Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000. С. 74–98. (Цит. по: Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2011. №4. С. 38–58.)
7. Glasersfeld von E. Radical Constructivism. A Way of Knowing and Learning. London; New York: RoutledgeFalmer, 1995. 229 p.
8. Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 992 с.
9. Karabeshkin L. Baltic-Black Sea Region-building and Russia's Interest // The Baltic-Black Sea region: perspectives and policy options for regional cooperation and security environment. St. Petersburg, 2008. P. 3–16.
10. Европарламентарий от Румынии: Украина – искусственное государство, своровавшее чужие территории // Электронный ресурс Интернет: <http://www.regnum.ru/news/1242576.html>.
11. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: Сонат, 2005. 280 с.
12. Barrington L.W., Herron E.S. One Ukraine or Many? Regionalism in Ukraine and Its Political Consequences // Nationalities Papers. Vol. 32, No. 1, March 2004 // Электронный ресурс Интернет: http://www.marquette.edu/polisci/documents/Barrington_Motherland.pdf.
13. Темненко В. Три Украины // Таврические ведомости. 1997. №1. С. 27–28. (Цит. по: Мальгин А.В. Указ. соч. С. 123).

14. Паршаков А.С. Приднестровский регион: трансформация политического // Регион в период модернизации: социальные институты: Материалы II Международной научно-практической конференции, 5 апреля 2013 г. С. 248–251.

15. Про засади державної мовної політики. Закон України // Электронный ресурс Интернет: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-VI>.

16. Паршаков А.С. Украинская языковая политика: между унитаризмом и федерализмом // Социологические исследования. 2014. №2 (358). С. 51–54.

17. Конституція України // Электронный ресурс Интернет: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.

18. Бредихин А.В. «Замороженный» этнополитический конфликт в Закарпатском регионе Украины: некоторые аспекты // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность): Сборник научных статей / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 103–107.

19. Омельченко Т. Михаль Баер: Евросоюз не должен решать проблемы Украины // Электронный ресурс Интернет: <http://weekly.ua/pulse/interview/2012/03/22/122012.html>.

20. Нилаш Г. Чего Венгрия добивается от Украины // Электронный ресурс Интернет: http://slon.ru/world/chego_dobivaetsya_ot_ukrainy_vengriya-1105647.xhtml.

21. Schmid U. Region, Nation and Beyond. An Interdisciplinary and Transcultural Reconceptualization of Ukraine // Электронный ресурс Интернет: http://www.gce.unisg.ch/~media/Internet/Content/Dateien/InstituteUndCenters/GCE/SciencePart_SchmidUlrich.ashx?fl=en.

22. Schenk F.B. The Historical Regions of Europe – Real or Invented? Some Remarks on Historical Comparison and Mental Mapping // ZDES Working Papers No 1. Beyond the Nation. Writing European history today. Bielefeld; St. Petersburg, 2004. P. 15–24.

23. Украинский кризис: экспертная оценка // Современная Европа. 2014. Вып. III. Июль – сентябрь. С. 10–34.

24. Шаров К.С. Конструктивистская парадигма в изучении национализма и национальных вопросов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. №1. С. 59–72.

25. Ноженко М. Национальные государства в Европе. Серия «Европейские исследования». СПб: Норма, 2007. 344 с.

Сведения об авторе

Паршаков Александр Сергеевич
аспирант кафедры международных
отношений и политологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexander.parshakov@yandex.ru

УДК 14(091)(470):316.77

**ПРОБЛЕМА «ЗАПАД – ВОСТОК» В ИСТОРИОСОФИИ
ВСЕЕДИНСТВА – ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

М.Б. Ротанова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

И.А. Треушников

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород

В статье выявлено влияния проблемы «Запад – Восток» на формирование принципов межкультурной коммуникации. Рассматриваются воззрения представителей русской философии всеединства на проблему «Запад – Восток». Особое внимание уделяется анализу философского наследия В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Л.П. Карсавина, историософские воззрения которых обладают глубоким положительным смыслом для формирования принципов межкультурной, межнациональной и межконфессиональной коммуникации.

Ключевые слова: проблема «Запад – Восток», философия всеединства, философия истории, духовная культура, межнациональная и межконфессиональная коммуникация, принципы межкультурной коммуникации.

**The West vs. East Problem in the History of All-Unity Philosophy and Shaping
Principles of Intercultural Communication**

Mira Rotanova, Ilya Treushnikov

This paper attempts to identify the impact of the West vs. East problem on shaping principles of intercultural communication by reviewing and comparing positions of various proponents of the Russian All-Unity philosophy. The authors especially emphasize ideas of V.S. Soloviev, E.N. Trubetskoj, S.N. Bulgakov, P.A. Florensky, and L.P. Karsavin, as their work has great positive potential in laying the ground for key principles of intercultural, international, and interdenominational communication.

Key words: West vs. East, all-unity philosophy, philosophy of history, spiritual culture, international, interdenominational communication, principles of intercultural communication.

В настоящее время перед Россией особенно остро стоит вопрос о выборе приоритетов дальнейшего духовного развития. Перенос западноевропейского образа жизни на российскую почву не вызывает однозначного одобрения. После весьма длительного периода почти безоговорочного преклонения перед Западом, забвения национальных интересов, нигилистического отношения к отечественной истории, наконец, возвращается понимание российских приоритетов,

необходимости собственного пути развития, утверждения национального достоинства, самоуважения. Формируется убеждение в необходимости для нашей страны самобытного пути развития, учитывающего опыт западной цивилизации, но сохраняющего исконно российские черты. Это не должно вести к изоляционистским и шовинистическим настроениям, что предполагает выработку ясного и определенного представления о специфике истории и культуры нашей Родины и ее месте в мировой истории. Русский народ постоянно находился на перекрестке культурно-цивилизационных влияний. Это естественным образом актуализирует рассмотрение указанных вопросов в контексте межкультурной коммуникации [1. С. 132-136]. В этом деле невозможно обойтись без обращения к наследию русской религиозной философии.

Целью предложенного в данной статье исследования является выявление влияния проблемы «Запад – Восток» на формирование принципов межкультурной, межнациональной и межконфессиональной коммуникации в рамках воззрения представителей русской философии всеединства, в частности, анализируется философское наследие В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Л.П. Карсавина. Их историософские воззрения обладают глубоким положительным смыслом в контексте современных тенденций осмысления традиций межкультурных коммуникаций.

Осмысление русской религиозной философии предполагает обращение к историософской проблематике. Роль и значение историософии для становления и развития русской философской мысли отмечались неоднократно. В исследованиях по истории русской философии, ставших классическими, при рассмотрении ее особенностей в качестве значимого момента неизменно отмечается историософичность. «Смысл исторического процесса занимает умы многих русских религиозных философов», – отмечает Н.О. Лосский [2. С. 443]. Еще определеннее высказывается В.В. Зеньковский: «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т.п. <...> Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от

общенациональных особенностей «русской души»» [3. С.16-17]. Таким образом, рассматривая проблемы историософские, мы тем самым достигаем более глубокого понимания развития русской религиозной философии.

Центральной темой вокруг которой, во многом, строится отечественная философия истории выступает проблема «Запад – Восток». Актуальность ее для русской мысли не снижается на протяжении столетий. Причиной этому выступают особенности исторического, геополитического, культурного развития нашей страны. Находящаяся одновременно и в Европе и в Азии и открытая для влияний различных народов и культур как с той, так и с другой стороны, Россия представляла собой загадку не только для иностранцев, но и для собственных мыслителей. Для Европы она представлялась Востоком, для стран Азии – Западом. Как страна христианская, Россия тяготела к Европе, но господство православия отталкивало нашу страну от Запада. На протяжении всей истории как материальная, так и духовная культура русского народа претерпевала существенные трансформации под воздействием противоположных тенденций. В ходе реформ XVIII века в России сформировался слой людей – носителей европейской культуры. Они представляли явное меньшинство населения, но занимали ведущее положение во всех сферах жизни общества. Раскол между образованным слоем и русским народом трагически переживался лучшими представителями отечественной интеллигенции. Именно они, стремясь определить место России и русского народа в мире, наметить пути перспективного развития русской культуры, вывели проблему «Запад – Восток» на концептуальный уровень. Обращение к проблемам философского осмысления истории в рамках русской религиозной философии представляется актуальным и на современном этапе, который характеризуется глобализационными процессами, конфликтом между традиционными ценностями и правами человека, а для нашего общества, в очередной раз, необходимостью выбора модели дальнейшего развития.

Проблема «Запад – Восток», формируясь в сфере историософии, теснейшим образом связана с проблемным полем этики, аксиологии, социальной философии, антропологии. Тема исторического призвания России и русского народа, опирающаяся на представления

о национальном мессианизме, решение вопроса о социальном идеале, связанное с выбором идеологических, а шире – мировоззренческих парадигм, зачастую смешиваются с данной проблемой. Мы полагаем, что, не смотря на близость указанных тем, рефлексия соотношения «Запада» и «Востока» выступает отдельной задачей для философии, а вопросы мессианского призвания и общественного идеала являются во многом производными от дискурса указанной проблемы. На наш взгляд, рефлексия данной области позволит не только полнее понять особенности русской философии, ее место в контексте мировой философской мысли и значение для многих поколений мыслящих людей, но и более глубоко осмыслить собственно исторический процесс, место России в мировой истории и те духовные ценности, на которые следует ориентироваться в будущем в межнациональных и межконфессиональных коммуникационных процессах.

Плеяда крупных оригинальных религиозных мыслителей, оказавших существенное влияние на развитие русской философской мысли, традиционно рассматриваются в качестве представителей направления называемого «философией всеединства». Основателем данного течения выступает В.С. Соловьев, к числу его последователей относят С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, В.Ф. Эрн, Л.П. Карсавина и ряд других, чьи философские воззрения приближаются к модели философии всеединства. Несмотря на присущую всем философским системам индивидуальность и самостоятельность, конструкции указанных мыслителей объединяют схожие метафизические основания. Исходя из представлений о сущностном единстве мира, опирающегося на единую духовную основу, мыслители стремятся доказать возможность восстановления гармоничного единства во множественности, заданного для сотворенной реальности. Конструкции всеединства предполагают активное использование антиномий в ходе философских построений. Многие представители философии всеединства придерживаются софиологического учения. При этом решение проблемы «Запад – Восток», несмотря на близость базовых оснований, приобретает в их трудах различную направленность, что само по себе не лишено познавательного смысла и значения. Сравнительный анализ историософских воззрений представителей философии всеединства затруднен как их творческой

эволюцией, так и существенной разницей в формах осмысления нашей темы. В частности, для Соловьева характерны масштабные экскурсы в историософские проблемы, Карсавин, занимавшийся собственно историческими исследованиями, обобщает свои взгляды в специальном труде [4], напротив, Флоренский крупных работ по данной проблематике не оставил, и его историософия растворена в философской системе, известной под названием «философия культа». Тем не менее, мы полагаем, что возможно выявить сравнимые позиции в философско-исторических построениях мыслителей. Раскрывая доминантные для каждого из них темы, представители философии всеединства, так или иначе, исходили в постановке и решении историософских вопросов из антиномии «Запад – Восток». При этом, как справедливо отмечено современными исследователями, дискурс проблемы ведется в двух направлениях. Мыслители «поднимались» на уровень ноуменальных сущностей, уходя в метаисторию, одновременно они не останавливались перед «снижением» до конкретных вопросов исторического и социального бытия, реализуя плоды философских построений в публицистической форме [5. С. 72]. В силу множественности объективных и субъективных оснований, послуживших базой для формирования проблемы «Запад – Восток», философское осмысление данной темы носит многоаспектный характер.

Прежде всего, указанная проблема проявляется в ходе понимания мировой истории. Приоритет в интерпретации мировой истории в рамках философии всеединства принадлежит Соловьеву. Всемирный исторический процесс представляется мыслителем в виде диалектического противоречия Запада и Востока, снимаемого в синтезе тех начал, которые определяют развитие первого и второго. Задача, реализуемая в ходе мирового исторического процесса, есть, таким образом, воплощение гармоничного единства во множественности в форме богочеловечества. Выступая аппликацией принципов всеединства в сфере осмысления исторического процесса, эта модель, в свою очередь, определяет раскрытие иных аспектов проблемы «Запад – Восток». Указанная модель в основных чертах сформировалась уже в ранний период творчества Соловьева в работах семидесятых годов девятнадцатого века. Выступая сторонником единства мировой истории, мыслитель тем не менее выделяет

противоположные по характеру силы, определяющие направленность развития человеческих сообществ. Одна из сил ориентирована на приоритет единого начала, другая на актуализацию индивидуальных ценностей. Снять обозначенные крайности призвана третья сила, выступающая синтезирующим элементом, проводником божественной воли. Первая сила отождествляется с Востоком, вторая с Западом. Реализовать третью силу в истории, по мысли Соловьева, призвано славянство, в особенности русский народ [6. Т. 1. С. 227-238]. Таким образом, в сочинении «Три силы» мировая история представляется в виде диалектической триады. В крупных работах последующего периода представленная модель преимущественно сохраняется. «Великий спор и христианская политика» служит прекрасной иллюстрацией конструкции мыслителя. Запад, развивающий человеческое начало, в поиске «*совершенного человека*» и Восток «*искавший совершенного Бога*» с диалектической неизбежностью приходят к синтезу – идее Богочеловека. Воплощением синтеза в истории мыслитель полагает «двойное объединение исторического человечества: внешнее – во *всемирной империи* и внутреннее – во *вселенской церкви*». Церковь в конечном итоге призвана осуществить богочеловеческий идеал [6. Т. 4. С. 17]. Идеальная церковность для всех представителей философии всеединства является образцом социальной организации, однако разделение церкви в ее историческом бытии порождает ряд существенных вопросов.

Таким образом, в качестве основного аспекта, к которому, так или иначе, сводится антиномия «Запад – Восток», выступает проблема взаимоотношения христианских церквей. Для Соловьева тема объединения церквей имеет системообразующее значение. Теократическая модель, построенная мыслителем, предполагает восстановление утраченного единства вселенской церкви в качестве первостепенного условия. Основные христианские конфессии развили отдельные стороны вселенского идеала, и объединение рассматривалось как обоюдное восполнение, однако в работах зрелого периода Соловьев, по мнению критиков, уклоняется от идеи синтеза и восполнение выливается в поглощение православия католицизмом [7. Т. 1. С. 453-460]. Его идейные последователи в своих экуменических воззрениях стоят на позиции апологии

православной церковности. Наиболее наглядно апологетическая позиция проявляется у Флоренского, однако даже он допускает критику исторической церкви, сетуя на отступление от мистической глубины. Более того, идеал единой церкви, выступающий у Соловьева основным элементом концепции вселенской теократии, как и вся ее масштабная конструкция, перестает рассматриваться в качестве достижимого в рамках человеческой истории. В завершающий период его творческой эволюции мыслитель разочаровался в теократическом идеале. Представители философии всеединства начала XX века, переживая катастрофические события мировой и отечественной истории, также склонны переносить перспективу воплощения своих идеалов в метаисторию, не имея возможности и сил разрешить вопиющие противоречия между исторической действительностью и религиозными идеалами. Передавая переживание этой антиномии, Булгаков в декабре 1922 года записал: «исторически Россия погибла, значит, она спасется через гибель и смерть, *воскресая*, но воскресенье нам непонятно, оно – чудо» [8. С. 353]. Трансформацию в философии всеединства претерпевает и трактовка проблемы предназначения России и русского народа.

Национальное призвание, понимаемое как мессианская роль, которую должен сыграть русский народ в истории, выступает в качестве влиятельной идеи для русской религиозной мысли начиная с XVI столетия. При всей самостоятельности данной темы нельзя не заметить, что мессианское предназначение связано с оценкой роли основных христианских конфессий в деле сохранения и реализации вселенской истины. Следовательно, проблема мессианизма теснейшим образом связана с дискурсом антиномии «Запад – Восток». Признание русского национального мессианизма для представителей философии всеединства как для религиозных авторов возможно лишь в случае соотнесения задач, стоящих перед русским народом, с Провидением. Непосредственное осуществление божественной воли становится возможным вследствие отождествления христианства с православием, как мы можем наблюдать в «ранних» работах Соловьева, в которых весьма велико влияние старших славянофилов. Доминирование универалистских установок приводит мыслителя к иной трактовке проблемы. В «зрелый» период творчества у основателя философии всеединства

идея мессианского предназначения русского народа выливается в требование подвига национального самоотречения ради осуществления вселенской идеи. Необходимым условием этого, как отмечалось выше, выступает объединение церквей и построение теократии, одним из элементов которой является русское самодержавие, поддерживаемое русским народом. При этом мыслитель фактически отказывается от ориентации на национальные духовные ценности, настаивая на необходимости осуществить «действительное и внутреннее примирение с Западом <...> в братском *соглашении* с тем духовным началом, на котором зиждется жизнь западного мира» [6. Т. 4. С. 28-33]. Среди последователей Соловьева идея мессианского призвания русского народа в славянофильском, хотя и несколько смягченном виде проявляется в воззрениях Булгакова. Последовательным критиком русского мессианизма выступает Е.Н. Трубецкой, стремящийся сохранить примат христианских универсальных ценностей.

Логика раскрытия мирового процесса вынуждает наших авторов формировать специфические «образы» Запада и Востока, указывая определяющие характеристики духовной жизни их народов. Будучи религиозными авторами и создавая историософские модели, исследуемые мыслители полагали религиозную веру в качестве определяющего фактора становления и развития духовной культуры. Следовательно, фундаментальные основания мировоззренческих конструкций во многом выводились из качеств религиозных систем, а зачастую ими прямо определялись. В исторических реалиях второй половины XIX – начала XX века Запад отождествлялся, прежде всего, с европейской культурой, многие черты которой прямым или косвенным образом связывались с особенностями католицизма. При этом «образ» Востока в построениях представителей философии всеединства как бы «раздваивается». С одной стороны, очертания его вырисовываются благодаря апплицированию черт духовной культуры народов Азии, а также особенностей мусульманства. В таком контексте требовалось находить решение в триаде «Запад – Россия – Восток». С другой стороны, в силу отмеченных выше обстоятельств, под «Востоком», противопоставляемым европейскому Западу, рассматривалась Россия. Характеристики духовной культуры русского народа коррелировали с признаками православной

религиозности. В данном аспекте проблема «Запад – Восток» принимала форму антиномии «Европа – Россия», которая была выведена на концептуальный уровень благодаря полемике западников и славянофилов. Следует отметить, что актуальность последней трактовки для таких мыслителей, как, например, Флоренский и Булгаков, была, несомненно, наивысшей и они не уделяли особого внимания осмыслению проблем соотношения русской духовности с духовными культурами народов Азии, так или иначе включенными в периферию русского влияния. Соловьев, исходя из представлений о единстве истории, фактически противопоставлял Восток всей христианской цивилизации. Россия вместе с Европой составляет «один христианский мир», «один только Китай» противопоставит «нашей общечеловеческой христианской культуре», – утверждает мыслитель в ходе полемики со своими идейными противниками [6. Т. 5. С. 298]. В наибольшей степени представить решение нашей проблемы в контексте триады «Запад – Россия – Восток» довелось Л.П. Карсавину в период его увлечения евразийскими идеями. Однако в этом случае Россия «сливается» с Востоком, сохраняя основную антиномию, составляющую предмет философского дискурса.

Взаимоотношение европейской и русской культур – один из основных аспектов проблемы «Запад – Восток». В рамках философии всеединства, несмотря на близость метафизических оснований, формируются различные подходы к разрешению этого вопроса. Воззрения Соловьева в этом аспекте характеризуются большим динамизмом. Отталкиваясь от славянофильского противопоставления духовных культур Европы и России в «ранний» период творчества, мыслитель приходит к утверждению исторической оправданности религиозных компонентов европейской культуры, призывая не сменить Европу на исторической сцене, а «исцелить» ее, «усилить <...> положительное христианское начало, еще сохраняющееся на Западе в католической церкви» [6. Т. 5. С. 65]. В конечном итоге Соловьев выступает сторонником духовного сближения с Западом, сетуя на недостаточность «европейского содержания» в русской жизни. Влияние мыслителя на представителей философии всеединства было очень велико, но в этом вопросе в полной мере проявилась самостоятельность их построений. Кроме того, нельзя игнорировать изменившиеся исторические условия. Последователи

Соловьева стали свидетелями масштабного кризиса начала XX века, приближение которого остро чувствовал в последний период своего творчества идейный основатель философии всеединства.

Интерпретация антиномии Европа – Россия, заданная старшими славянофилами, предполагает убежденность в негативном влиянии западных ценностей на духовную культуру русского народа. Подобный взгляд, в более или менее определенной форме, находит свое выражение в работах Флоренского. В своей крупной работе «Столп и утверждение Истины» Флоренский отмечал принципиальное отличие православной культуры от западной – католической. Давая характеристику западному жизнепониманию, философ писал, что «православное жизнепонимание чуждо этой философии, у которой в сокровенной основе всех глубин лежит категория вещиности и которая решительно чужда идеи личности, как чужд признания личности с ее запросами и весь строй католицизма» [9. Т. 1. С. 518]. Определяющим фактором, который обусловил отрицательное отношение мыслителя к европейской духовной культуре, является оппозиция православия западным исповеданиям. Однако логика всеединства не позволяет безоговорочно признать западное христианство злом. Последователи Соловьева склонны дифференцировать свое отношение к духовным основам западного мира. В частности, Булгаков, чьи воззрения характеризуются славянофильской направленностью, относился к средневековой европейской культуре, основанной на принципах католицизма, весьма спокойно, не считая ее прямо противостоящей православию. Булгаков неоднократно отмечает, что западная культура «имеет религиозные корни». Средневековье и реформация заложили духовные основы западного мира. По мнению мыслителя, реформация вызвала во всех странах Европы «огромный религиозный подъем». На этой базе, в свою очередь, оформились понятия политической свободы, свободы совести, прав человека и гражданина, получило стимул хозяйственное развитие. При этом не были потеряны «преемственность и постепенность». Культурная история западноевропейского мира, по мнению Булгакова, представляет собой «одно связное целое», в нем еще живы итоги духовных исканий и средних веков, и реформации, и веяния нового времени. Обнаруживая «глубокое различие» в понимании христианства и противопоставляя православие

католицизму, Е. Трубецкой, продолжая универсалистскую традицию, указывает, что «римский католицизм заключает в себе ценный и необходимый для вселенского христианства элемент» [7. Т. 1. С. 460-467]. При детальном рассмотрении мы обнаружим, что между воззрениями последователей Соловьева в контексте данной проблемы значительно больше общего, нежели расхождений.

Мыслители, несомненно, сходятся во мнении о негативных основаниях европейской культуры Нового времени. Эпоха просвещения, по мнению Булгакова, приводит к «скептицизму и атеизму», к «позитивизму и материализму», к «утилитаризму и гедонизму». Таким образом, в духовные корни европейской цивилизации проникают разрушительные тенденции, и они начинают «чахнуть и загнивать». Как считает Флоренский, квинтэссенцией европейской культуры Нового времени является идея существования без Бога: «в целом, новая культура есть хронический недуг восстания на Бога» [10. Т. 2. С. 548-549]. Следствием этого стало развитие позитивных наук и секуляризация. Современная Европа, по мнению Булгакова, несмотря на успехи в техническом развитии, стоит на пороге кризиса, порождаемого духовным упадком. Как видим, западная культура не отвергается мыслителями, принадлежащими к философии всеединства, целиком и безоговорочно. Запад, как считает, например, Булгаков, «сохраняет для нас значение школы», прежде всего в области «*техники жизни*», «общечеловеческих сокровищ духа, наук и искусств», а также в сфере политической, как пример «демократического конституционализма». Однако Запад уже не является «единственно возможным воплощением культуры» [11. Т. 2. С. 120]. Неприятие вызывает стремление культуры ново-европейского образца снизить интенсивность духовной жизни, отказаться от устремленности к Высшему и на место Бога поставить персону с ее материальными потребностями. Корень революционных потрясений лежит именно в этом. Е.Н. Трубецкой, стремясь определить истоки пролетарских революций в нашей стране и в Европе, пишет: «Утрата духовных ценностей, *экономизм*, для которого рай чувственный, материалистический есть высшее, безусловное, – вот та всемирная болезнь, которая подточила национальное чувство» [12. С. 556]. У него не вызывает сомнений «отрицательная ценность» антирелигиозной культуры, стремящейся

построить «царство безбожного человека» на земле. Крушение данной культуры представители философии всеединства обнаруживают в событиях Первой Мировой войны. Борьба против указанной культуры, а не против всего западного, является содержанием творческих усилий тех авторов, чьи воззрения мы рассматривали выше. Заметим, что и Соловьев был далек от масштабного оправдания западной культуры. Прежде всего, он отделял религиозный период развития Европы от периода секуляризма. Основные негативные черты Запада проявились именно во второй период. В работе «Китай и Европа» философ пишет, что с прошлого столетия в Европе прогресс основан на отрицательном отношении к прошедшему, но это «нехристианский», «неистинный прогресс». Секуляризованная Европа утрачивает положительную направленность своего развития, так как «принцип свободы сам по себе имеет только отрицательное значение». Стремление восстановить утраченное единство или задержать распад вызывают к жизни в Европе силы, стремящиеся установить порядок «китайского образца». Эта «китайщина», по мнению Соловьева, чрезвычайно опасна, так как она отдаляет Европу от идеала вселенского христианства, которому должен быть верен европейский мир [6. Т. 6. С. 147-150].

С основными аспектами проблемы «Запад – Восток» тесно связаны решения конкретных политических и философско-правовых вопросов, к которым обращались представители философии всеединства, оценки узловых событий отечественной истории, представления о принципах и устоях, должных быть основаниями социального устройства. Каждый мыслитель, в контексте тех проблем, которые были для него первостепенными, обращает внимание на процессы, происходящие в отечественной культуре [13; 14]. Многие негативные характеристики культуры, а также явления общественной и политической жизни, выделяемые представители философии всеединства, имеют свои корни в проблеме «Запад – Восток». Тема интеллигенции в России и ее роли в трансляции европейских ценностей и учений попадает в контекст данной проблемы, осмысление влияния социалистических учений, выяснение природы революционных потрясений, несут на себе печать антиномии «Запад – Восток». Так или иначе, эти темы отражаются в

решении проблемы духовного кризиса, занимающего умы представителей философии всеединства. В данном контексте раскрывается и проблема человекобожия. Стабильность государства и общества мыслители ставят в зависимость от здоровья духовной жизни народа [15. С. 112-114]. Оно понимается как доминирование идеалов христианской религии, богочеловеческих начал, находящее свое выражение в торжестве Православной

Основные аспекты проблемы «Запад – Восток» в историософии представителей философии всеединства тесно связаны между собой, поскольку философские системы рассмотренных мыслителей строятся на схожих основаниях, постольку в их вариантах решения данной проблемы много общего. В целом философы связывают будущее развитие России с возрождением духовного авторитета церкви. Ее идеалы являются для мыслителей критерием общественного прогресса, но поскольку прогрессу добра сопутствует прогресс зла и спасению предшествует катаклизм, гибель старой России не воспринимается мыслителями как конец, но как возможность для перерождения и восстановления и страны, и церкви, на основе религиозного содержания жизни. Представители философии всеединства в целом принимали идею об абсолютной монархической по своему характеру власти, как власти «милостью Божией», власти пророка, власти, соединяющей общество с Божиим Провидением, в ее ноуменальной сущности, власти, необходимой для спасения и возрождения России. Последователи Соловьева стали свидетелями катастрофических событий, наступление которых предчувствовал Соловьев. Мировая война и российские революции начала XX века разрушили в их сознании представления о мессианской роли России. Этих авторов более занимают темы сохранения духовного потенциала народа и активизации его духовной жизни.

Безусловно, над проблемой «Запад – Восток» размышляли практически все отечественные религиозные мыслители. Духовные искания, даже в рамках русской религиозной философии, весьма разнообразны. Их спектр простирается от трактовки западной цивилизации в качестве общечеловеческой до признания православной культуры России единственным ценностным идеалом. Отечественная философская мысль демонстрирует различные

попытки снять эти крайности. Эта тенденция получила свое развитие и в историософии всеединства. Решения проблемы «Запад – Восток», предложенные представителями данного направления, сохраняют значимость для нас, так как идеи, заложенные в основание построений В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Л.П. Карсавина, приводят к стремлению утверждать универсальные общечеловеческие идеалы в качестве высшей ценности, но при этом понимать возможность их актуализации только через реализацию особенностей национальной духовной культуры. Эта тенденция, сформированная в рамках историософии всеединства, делает воззрения представителей данного направления актуальными и в настоящее время. Несмотря на различие в решении тех или иных вопросов, мыслители в конечном итоге стремились показать пути духовного совершенствования общества, без которого невозможно дальнейшее развитие нашей страны. Глубокий положительный смысл их историософских воззрений для формирования принципов межкультурной, межнациональной и межконфессиональной коммуникации заключается в том, что призвание России и русского народа состоит не в подавлении других народов и самовозвеличивании, но в актуализации идеала гармоничного единства во множестве, идеала соборности, идеала любви, идеала богочеловечества.

Библиографический список

1. Ротанова М.Б. Роль культуры понимания в воспроизводстве и закреплении культурно-коммуникативного опыта // Вестник Южно-Уральского университета. 2010. №8(184). С. 132-136.
2. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994. 460 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии Т.1 Ч.1. Л.: Эго, 1991. 221 с.
4. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. 350 с.
5. Новикова Л., Сиземская И. Идеи мессианизма в русской философии истории // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 69-77.
6. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика. Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1911-1914.

7. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание В.С. Соловьева. Т. 1. М.: Медиум, 1995. 606 с.
8. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 508 с.
9. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. 490 с.
10. Флоренский П.А. Записка о христианстве и культуре. М.: Правда, 1990. Т. 2. 446 с.
11. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 751 с.
12. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 650 с.
13. Треушников И.А. Проблема «Запад – Восток» в философии всеединства (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский). М.: Изд. дом «Городец», 2009. 320 с.
14. Треушников И.А. Правовые аспекты проблемы «Запад – Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 12-16.
15. Ротанова М.Б. Культура понимания как фактор стабилизации межэтнической коммуникации // Межэтническая коммуникация в современном социокультурном пространстве. Материалы Межд. научно-практической конференции по региональной культуре. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 112-114.

Сведения об авторах

Ротанова Мира Борисовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: miraborisovna@gmail.com

Треушников Илья Анатольевич
доктор философских наук, доцент,
начальник кафедры философии
Нижегородской академии МВД России
E-mail: treushnikovilya@mail.ru

УДК 32.019.5:327

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.С. Тормошева

*Евразийский лингвистический университет, Владимир; Нижегородский
государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Цель статьи заключается в определении параметров международной общественности как самостоятельного актора политической коммуникации. Проведенный теоретический анализ значения понятия, его сущностных характеристик, динамики использования понятия в новостных изданиях, тем, находящихся в фокусе внимания международной общественности, географических маркеров её деятельности, роли альтернативных медиа позволил автору рассмотреть понятийный аппарат для описания концептуального понятия «международная общественность».

Ключевые слова: аудитория, альтернативные медиа, международная общественность, политический актор, политическая коммуникация.

International Community as an Actor of Political Communication

Vera Tormosheva

The purpose of the article is to identify a framework for understanding international community as a unitary actor of political communication. Through examining recent theoretical developments – namely possible meanings of the term, its fundamental characteristics, reference to the term in major news publications in dynamics, international community's topics of focus, regions linked with the international community's actions, the role of community media – the author provides concepts and terminology for international community.

Key words: audience, community media, international community, political actor, political communication.

Одной из важнейших характеристик процесса коммуникации является коммуникативное влияние коммуникатора на аудиторию и наоборот. Однако, несмотря на то, что в постмодернистских исследованиях коммуникации особый акцент сделан на влиянии аудитории и его многоуровневом характере [1. Р. 1918], изучение аудитории представляет собой достаточно сложный процесс. Это вызвано рядом обстоятельств.

Исследователь политической коммуникации Даррен Дж. Лиллекер (*Darren G. Lilleker*) отмечает, что аудитории постиндустриальной цивилизации более сложны, неоднородны и

включают множество особенностей, отличных от предыдущих эпох. Член данной аудитории декодирует каждое сообщение согласно своей идентичности, которая часто скрыта за обобщающими характеристиками, послужившими ориентирами при формировании целевой аудитории источником сообщения. Всё это делает установление контакта с такой аудиторией более проблематичной [2. С. 53.].

В контексте международно-политической коммуникации вызывает интерес мнение исследователя традиционной и культурной дипломатии Марты Рынежска-Килданович (*Marta Ryniejska-Kieldanowicz*) о том, что поистине безграничные возможности распространения информации с помощью современных средств коммуникации обязывают коммуникатора учитывать тот факт, что получателем является международная общественность (*international community*) [3. Р. 4].

Несмотря на то, что понятие «международная общественность» широко используется политиками, дипломатами, лидерами государств, общественными деятелями, журналистами, учёными, оно всё ещё не имеет общепринятого значения в общественно-политическом дискурсе. В научной литературе почти отсутствуют посвящённые данному феномену работы русскоязычных авторов. Поэтому обратимся к немногочисленным авторитетным источникам, разработанным представителями англоязычного академического сообщества (D.C. Ellis, L.K. Fuller, H. Ibold, K. Ileri, R.H. Jackson и др.).

Теоретик сферы международных отношений Роберт Джексон (*Robert H. Jackson*) выделяет три возможных значения понятия «международная общественность» [4. Р. 340-342]: 1) космополитическое сообщество всего человечества, которое является первичным по отношению к сообществу государств; 2) сообщество граждан, объединённых общими принципами, моралью и этикой; 3) сообщество государств, интересы которых позиционируются посредством международной организации (НАТО, Европейский Союз). Согласно Р. Джексону, современным представлениям отвечает последнее определение. Необходимым условием достижения диалога в глобальном контексте (*the global covenant*) Р. Джексон считает использование морального

«вокабуляра», закреплённого в международном праве, и общественно-политического «вокабуляра», основанного как на учёте гетерогенности общественности (различия рас, этнических групп, национальностей, языков, культур, религий, идеологий, форм государственного устройства, географических особенностей, исторической памяти), так и космополитичности дипломатической культуры (общности идей и ценностей, которой придерживаются общественные деятели) [4. Р. 16, 22-23].

Исследователь-международник Дэвид Эллис (*David C. Ellis*) одним из первых предпринял попытку ответить на фундаментальные вопросы, касающиеся понятия «международная общественность» [5. Р. 1-26]: каково значение данного понятия; является ли международная общественность самостоятельным политической актором или представляет собой объединение государств, действующих совместно; каков источник силы и влияния международной общественности. Вслед за Д. Эллисом назовём существенные характеристики международной общественности [5. Р. 5-13].

Во-первых, государства в эпоху постиндустриальной цивилизации формируют международное сообщество (*international society*), основанное на общих ценностях и принципах управления. Деятельность международного сообщества институционализована посредством развития международного права и международных организаций, созданных для защиты его приоритетов. Помимо всего перечисленного, необходимым условием существования международной общественности является её самоидентичность и общность интересов государств-участников.

Во-вторых, международная общественность, представляя интересы всего человечества, должна включать все государства, что позволит достичь универсальности и солидарности. В случаях, когда от лица международного сообщества выступает авторитетная международная организация, будет справедливо использование понятия «международная общественность» в качестве самостоятельного актора. Кроме того, данное понятие применимо и к группам государств, действующим через международные организации. То есть для постиндустриального общества справедливо

утверждение о существовании многочисленных групп международной общественности.

В-третьих, существует несколько способов, с помощью которых международная общественность выражает свои цели.

1. *Государства координируют свою деятельность без участия международной организации.* На настоящий момент не хватает условий для реализации данного способа, а именно: отсутствует сильное политическое сообщество государств, участники которого, разделяя моральные и этические установки, поступательно двигаются к достижению общей цели.

2. *Международная общественность действует посредством международных организаций.* Данный способ реализуется в постиндустриальном обществе. Ценностные принципы взаимодействия зафиксированы государствами-участниками в международных соглашениях и международном праве, которые, в свою очередь, продолжают совершенствоваться.

3. *Международная организация автономно действует от имени международной общественности.* В данном случае международная организация, как продукт ценностных норм и принципов государств, включает в себя международную общественность. Образ международной общественности формируется через действия, заявления и намерения международной организации. В отличие от предыдущих способов, требующих наличия сообщества государств для выражения целей международной общественности, последний способ предполагает существование международной общественности как самостоятельного актора.

Х. Иболд и К. Ирери (*Hans Ibold & Kioko Ireri*) установили значительную динамику в использовании понятия «международная общественность» в основных американских новостных изданиях с 0 упоминаний до 9310 упоминаний за период с 1970 по 2010 гг. [б. Р. 2338]. Проблематика, находящаяся в фокусе внимания международной общественности, согласно контент-анализу материалов за период 2000-2010 гг., весьма разнообразна [б. Р. 2347]:

- урегулирование конфликтов (гражданская война, территориальные разногласия);
- контроль производства оружия массового уничтожения и развития ядерных программ;

- восстановление районов, пострадавших от военных действий или природных катастроф;
- помощь голодающим или людям, находящимся в зоне природных катастроф;
- политическое эмбарго и экономические санкции против стран;
- поддержка жертв преступлений против человечества;
- улучшение отношений между народами;
- контроль распространения наркотиков;
- борьба с коррупцией в правительствах;
- улучшение условий жизни беженцев;
- снижение долговых обязательств;
- контроль системы выборов;
- поддержка решений ООН;
- политические реформы;
- борьба с терроризмом;
- борьба со СПИДом;
- права человека.

Приведённый перечень позволяет отметить, что основные виды деятельности международной общественности связаны с противодействием угрозам и вызовам социоэкономическому порядку, сохранением безопасности и баланса сил на планете и поддержанием мирных инициатив международных организаций. Тот факт, что международная общественность часто представлена в институциональном и юридическом контексте, связан с провозглашением международных норм, правил, процедур, прав и обязанностей, коллективной политической воли и единства целей. Так, если какая-либо нация, имеющая геополитический вес, начинает двигаться в опасном направлении, международная общественность тут же озвучивает свою позицию по этому поводу. В значительно меньшей степени международная общественность представлена в социальном контексте – решении вопросов общественного развития, здравоохранения, образования и спорта [6. Р. 2350-2351].

Всё вышесказанное не позволяет нам согласиться с утверждением Джоан Педро (*Joan Pedro*) о том, что «аудитория не имеет адекватных или эффективных механизмов для обращения с

просьбами или выдвижения требований» [1. Р. 1919]. В дополнение отметим, что международная общественность упоминается в контексте событий, происходящих в семидесяти трёх регионах мира, что, несомненно, является свидетельством глобального охвата [6. Р. 2348]. К ним относятся:

- Восточная Европа (Азербайджан, Армения, Босния, Грузия, Косово, Македония, Россия, Сербия, Черногория, Чеченская Республика, Югославия);
- Западная Европа (Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Кипр, Турция, Франция);
- африканский континент (Бурунди, Бутан, Зимбабве, Катар, Кения, Либерия, Мадагаскар, Мозамбик, Нигерия, Республика Конго, Руанда, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Уганда, Чад, Эритрея, Эфиопия, ЮАР);
- Ближний Восток (Афганистан, Израиль, Ирак, Иран, Ливан, Палестина);
- североамериканский континент (Гаити, США);
- Латинская Америка (Аргентина, Боливия, Бразилия, Гондурас, Колумбия, Куба, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор);
- Южная и Юго-Восточная Азия (Бангладеш, Восточный Тимор, Индия, Индонезия, КНР, Мьянма/Бирма, Непал, Пакистан, Сент-Люсия, Сирия, Тайвань, Южная и Северная Корея, Япония).

Следует упомянуть значительную роль средств массовой информации как в процессе выхода на международную общественность, так и трансляции её позиции. Однако, помимо хорошо известных основных СМИ (*mainstream media*), серьёзное развитие получили альтернативные или «общинные» СМИ, ориентированные на отдельные группы общественности, объединенные по принципу их географического расположения или интересов (*community media*). Отмечается глобальное распространение альтернативных СМИ и их вклад в коммуникацию культур, хотя труды, посвящённые данной проблематике, почти отсутствуют [7. Р. 6]. Попробуем обобщить имеющиеся знания об альтернативных СМИ применительно к международной общественности.

Альтернативные СМИ – это СМИ, ориентированные на общественность, маркированную географически, пространственно, этнически и т.п., и выходящие за традиционные рамки односторонней коммуникации, при которой темы выбираются профессиональными коммуникаторами с учётом очевидных потребностей и интересов аудитории [8. Р. 350]. Вслед за Фредом Джонсоном и Карен Меничелли (*Fred Johnson, Karen Menichelli*) отнесём сюда видео-, аудио-, киноресурсы, вебсайты, так называемые гражданские СМИ (*citizen media*), компьютерные сети равноправных участников (*P2P*), блоги, социальные сети, программное обеспечение, базы данных и печатную продукцию [9. Р. 29]. Вне зависимости от типологии альтернативных СМИ учёные солидарны в том, что главная роль принадлежит интернет-коммуникации. В рамках нашего исследования представляется важным то, что Интернет – это «негосударственный коммуникационный медиум, чьи границы выходят за пределы границ государств, и основной объём контента контролируется потребительским правом, а не юридически» [10. Р. 136].

Ключевая характеристика альтернативных СМИ – наличие двусторонней связи между источником информации и общественностью-получателем – обеспечивается возможностью доступа к медиа в информационных, образовательных или развлекательных целях и включённостью общественности в процесс планирования, производства и реализации коммуникации. Причём альтернативные СМИ в большей степени служат средством самовыражения общественности, чем средством её информирования. Другими словами, обратная связь используется общественностью для выражения реакции и выдвижения требований. Произошло смещение акцентов от «медиа для общественности» к «медиа от общественности» [7. Р. 8].

Американский исследователь Линда К. Фуллер (*Linda K. Fuller*) в работе, посвящённой международным перспективам альтернативных СМИ [11], рассматривает более двадцати кейсов их опыта таких стран, как Австралия, Бангладеш, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Гана, Израиль, Индия, Ирландия, Испания, Латинская Америка, Ливан, Сингапур, США, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Таиланд, Турция, Швеция, Япония (об этом

подробнее см., например: [12]). Опыт свидетельствует о том, что такие характеристики локальных медиа, как «экономичность в обслуживании», «ограниченность ресурсов», «небольшой охват» [11. Р. 3], актуальные в 90-х годах XX века, потеряли свою актуальность в эпоху глобализации. На смену локальных медиа пришли «глокальные» медиа (*global community media*), использующие самые современные средства коммуникации и охватывающие глобальных участников [11. Р. 11-12].

Итак, проведённое нами исследование позволяет утверждать, что в условиях глобализации наряду с такими акторами политической коммуникации, как индивиды, общественные группы и организации, политические партии и движения, политические институты и государственные структуры, социальные общности, политические элиты, государства, группы государств, важную роль играет международная общественность. В нашем понимании международная общественность – это комплексное социокультурное понятие для обозначения разнообразных групп участников мирового политического процесса, включающее в себя: *группы государств*, действующие через международные организации, *международные организации*, выступающие от лица международного сообщества, *отдельные группы общественности*, объединённые территориально, этнически или общими интересами, выражающие свою позицию через традиционные и альтернативные СМИ с целью охвата глобальных участников. Деятельность международной общественности институционализована посредством развития международного права и международных организаций, созданных для защиты его приоритетов, и направлена на противодействие угрозам и вызовам социэкономическому порядку, сохранение безопасности и баланса сил на планете, поддержание мирных инициатив международных организаций, а также решение вопросов социального характера – общественного развития, здравоохранения, образования и спорта.

Библиографический список

1. Pedro J. The Propaganda Model in the Early 21st Century // International Journal of Communication. 2011. № 5. P. 1865-1926.

2. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Пер. с англ. С.И. Остнек. Харьков: Гуманитарный центр, 2010. 300 с.
3. Ryniejska-Kieldanowicz M. Cultural Diplomacy as a Form of International Communication // Электронный ресурс Интернет: <http://instituteforpr.org/topics/cultural-diplomacy-international-communication>.
4. Jackson R. The global covenant: Human conduct in a world of states. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 p.
5. Ellis D. On the Possibility of “International Community” // International Studies Review. 2009. № 11. P. 1-26.
6. Ibold H., Ileri K. The Chimera of International Community: News Narratives of Global Cooperation // International Journal of Communication. 2012. № 6. P. 2337-2358.
7. Foxwell K., Ewart J., Forde S., Meadows M. Sounds like a whisper: Australian community broadcasting hosts a quiet revolution // Westminster Papers in Communication and Culture. 2008. № 5(1). P. 5-24.
8. Carpentier N., Lie R., Servaes J. Making Community Media Work: Community Media Identities and Their Articulation in an Antwerp Neighbourhood Development Project, in Communication for Development and Social Change / Ed. by Jan Servaes. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage Publications, 2008. P. 347-373.
9. Johnson F., Menichelli K. What’s Going On in Community Media? // Электронный ресурс Интернет: <http://benton.org/sites/benton.org/files/CMReport.pdf>.
10. Rodgers J. Spatializing International Politics: Analyzing activism on the Internet. London: Routledge, 2003. 169 p.
11. Fuller L.K. (ed.). *Community media: International Perspectives*. Palgrave Macmillan, 2007. 272 p.
12. Ekström Y., Hansen A.H., Boothby H. The Globalization of the Pavement – A Tanzanian Case Study // Nordicom Review. Special Issue. 2012. P. 163-176.

Сведения об авторе

Тормошева Вера Сергеевна
директор международных программ
Евразийского лингвистического университета,
соискатель кафедры
международных отношений и политологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tormosh@mail.ru

ХРОНИКА

Международная научная конференция «Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы»

С 14 по 16 мая 2014 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялась международная научная конференция «Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы», посвященная 90-летию со дня рождения профессора А.Т. Кукушкиной (1924-2012), известного отечественного германиста и педагога.

Основную часть своей профессиональной деятельности А.Т. Кукушкина посвятила НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, в котором она работала с 1959 года после окончания аспирантуры при 1-м МГПИИЯ им. М. Тореца до последних дней своей удивительной и насыщенной событиями жизни. На первом месте для неё всегда была научная работа. Все, кто знал Александру Тимофеевну, помнят, с какой пылкой страстью она говорила о науке. Она не только любила заниматься наукой сама, но и щедро дарила эту любовь своим коллегам и ученикам. Научные интересы А.Т. Кукушкиной были разносторонни, среди них проблемы словообразования, морфологии и синтаксиса, функциональной грамматики, методики обучения иностранным языкам, вопросы общего языкознания, раскрытые ею в многочисленных научных работах. В качестве проректора по научной работе ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова с 1973 по 1989 гг. А.Т. Кукушкина подняла на новую ступень научно-исследовательскую работу в институте. Она осуществляла руководство комплексными темами НИР, работой аспирантуры, деятельностью научно-методического совета института, филологического общества, совета молодых ученых. А.Т. Кукушкина была опытным воспитателем научных кадров высшей квалификации. На протяжении многих лет она руководила научным направлением «Функциональный подход к изучению проблем номинации в современном немецком языке. Под ее руководством было выполнено свыше 80 кандидатских диссертаций. За большие достижения в научно-исследовательской и учебно-методической работе А.Т. Кукушкина награждена государственными и ведомственными наградами, среди них орден «Дружбы народов», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «Ветеран труда», медаль К.Д. Ушинского, медаль А.С. Макаренко, почетные звания «Отличник просвещения СССР»,

«Отличник народного просвещения РСФСР», «Почетный профессор НГЛУ».

Участники конференции памяти А.Т. Кукушкиной вспомнили основные вехи ее жизненного и профессионального пути, отметили её достижения и вклад в развитие отечественной германистики. Практически в каждом выступлении подчеркивалось, что научные идеи А.Т. Кукушкиной продолжают жить и сегодня в работах её учеников и последователей, доказывая свою актуальность и перспективность.

Пленарное заседание конференции открылось докладом А. Буркхардта, известного немецкого германиста, профессора Магдебургского университета (Германия), на тему: «Тенденции развития немецкого языка в XXI веке». Особое внимание было уделено в докладе грамматическим явлениям современного немецкого языка, которые были проиллюстрированы автором интересными примерами, вызвавшими оживленную дискуссию среди участников. Большой интерес со стороны участников конференции вызвали и пленарные доклады учеников А.Т. Кукушкиной – профессора Л.М. Владимирской (г. Барнаул) на тему «Грамматико-семантические основания полевой структуры» и профессора Н.А. Голубевой (г. Нижний Новгород) на тему «(Нео)функционализм и интерпретационализм в современных лингвистических исследованиях».

Дальнейшая работа участников конференции была организована по секциям, проблематика которых также отражала основные направления научной деятельности А.Т. Кукушкиной.

На секции «Функциональный подход к исследованию единиц языка» обсуждался круг проблем, связанных с раскрытием функционально-прагматического потенциала единиц языка разных уровней. Были отмечены структурные и функциональные особенности некоторых грамматических и лексических единиц современного немецкого языка, обсужден опыт лексикографического толкования русских конденсатов в современном немецком языке.

В секции «Динамика изменений грамматической и лексической систем в германских языках» основное внимание ученых было сконцентрировано на вопросах диахронического анализа германских языков. Освещались проблемы «преломления» в системе готского вокализма, изменения эмоционально-экспрессивного потенциала фразеологических единиц в немецком языке, употребления фразеологизмов в рекламных текстах.

Обсуждение в секции «Категории и концепты в познании мира. Когнитивно-прагматические аспекты языка и речи» касалось различных аспектов функционирования единиц языка и речи в когнитивном аспекте. Поднимались вопросы этнопсихологической импликации метода

ментального картирования, слуховой перцепции модально-эмоциональных коннотаций в немецкоязычном парламентском дискурсе, когнитивных механизмов конструирования причинно-следственных отношений в немецком языке, критериев разграничения прямого и косвенного речевых актов.

Секция «Проблемы филологии и современных технологий в преподавании иностранного языка» объединила ученых, обсуждавших проблемы методики преподавания иностранных языков в современных условиях. Особый акцент был сделан на использование ИКТ в преподавании иностранных языков, принципах отбора грамматического материала для обучения студентов по конкретным направлениям подготовки, функциональный аспект обучения различным видам речевой деятельности.

На секции «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации» освещались вопросы лингвистического анализа языковых средств в аспекте межкультурного взаимодействия.

В рамках секции «Герменевтические проблемы художественного текста» очень оживленно обсуждались вопросы лингвистического анализа художественного текста. Внимание участников конференции более всего привлекли проблемы представления времени в поэзии М. Уэльбека как отражение жизненных концепции автора, а также дискуссия о процессах взаимосвязи значения слова и образа.

Секция «Теория, практика и дидактика перевода» была посвящена переводческому анализу текста, вопросам реализации лингвокультурных концептов в оригиналах художественных текстов и их переводах.

Всего на конференции выступило с пленарными и секционными докладами более 50 ученых из вузов Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Саранска, Барнаула, Иркутска, Магдебурга (Германия).

По окончании конференции были подведены её итоги. Участники единодушно признали её актуальность, плодотворность и наметили дальнейшие пути научного поиска в рамках той проблематики, над которой успешно работала в своё время профессор А.Т. Кукушкина. По итогам конференции запланировано издание сборника научных трудов.

Ж.В. Никонова

Международная конференция «Многообразие инвестиций и шансы для молодых специалистов. Молодые выпускники германских программ обсуждают свои профессиональные перспективы»

9-13 сентября 2014 года в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в рамках Третьего Международного бизнес-саммита «Инвестиции в будущее: Россия» прошла Международная конференция «Многообразие инвестиций и шансы для молодых специалистов. Молодые выпускники германских программ обсуждают свои профессиональные перспективы».

Конференция была посвящена российско-германскому сотрудничеству в экономике и научной деятельности. Среди участников было 50 выпускников германских стипендиальных программ из разных регионов России. НГЛУ на конференции представляли стипендиаты немецких образовательных программ аспирант кафедры немецкой филологии В.В. Кузнецов и выпускница факультета романо-германских языков НГЛУ 2014 г. А.Г. Давтян. Участники вместе с экспертами из Германии и России обсудили вопросы экономической, политической и общественной жизни и актуальные вопросы взаимоотношений России и Германии.

В открытии конференции, которое проходило на Нижегородской ярмарке, приняли участие руководитель Московского бюро Германо-российского форума Артем Лысенко, представитель Посольства ФРГ в Российской Федерации Уте Кач-Эгли, руководитель Московского представительства Германской службы академических обменов (DAAD) проф. Грегор Бергхорн, представители Правительства Нижегородской области.

Первый день работы в НГЛУ был посвящен обсуждению германо-российских отношений в целом. Члены немецкой рабочей группы встретились с ректором НГЛУ профессором Б.А. Жигалёвым, который рассказал об университете и его деятельности по поддержке и укреплению немецкого языка в структуре высшего профессионального образования Российской Федерации. В ходе встречи обсуждались вопросы сотрудничества НГЛУ с вузами Федеративной Республики Германия, стажировок студентов и преподавателей России и Германии, совместного участия в научных семинарах, обучение в магистратуре и получение двойных дипломов. Со словами приветствия Б.А. Жигалёв обратился и к выпускникам германских стипендиальных программ-участникам конференции. В этот день участники в рабочих группах под руководством эксперта из Германии сопоставили имидж России с реальным состоянием дел, спроецировали его на собственное видение отношений России и Германии, анализировали менеджмент проектов, стратегии планирования

карьеры, которые полезно учесть молодым специалистам. День завершился круглым столом с участием представителей бизнеса, общественной и политической жизни Нижегородской области.

Во второй день обсуждались вопросы идей и технологии реализации германо-российских проектов. Под руководством тренера Сузанн Шмидт-Энгельманн (Мюнхен) участники обсудили шансы и риски проектного менеджмента и представили свои проекты.

Следующий день конференции был посвящен поездкам на предприятия Нижегородской области и обсуждению их кадровой политики. Итоги подведены за круглым столом с участием успешных выпускников германских программ, которые рассказали, как именно им удалось использовать приобретенный опыт, выбрать тип профессиональной карьеры и что бы сейчас они сделали иначе, если бы, вернув время, снова оказались в самом начале своего профессионального пути.

В заключительный день участники познакомились с основными направлениями партнерства, которое развивается между университетами Нижегородской области и Германии. С презентациями международных проектов НГЛУ выступили доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Д.В. Семенов, доцент кафедры немецкой филологии Н.Е. Бажайкин и лектор DAAD Г. Маттиас. Д.В. Семенов рассказал о проектах студенческого и научного обмена с высшими учебными заведениями Вайнгартена, Равенсбурга и Фридрихсхафена. Н.Е. Бажайкин рассказал участникам об истории и перспективах партнерских связей НГЛУ и Магдебургского университета, Г. Маттиас представила совместные проекты DAAD, которые реализуются в университете и в нижегородском регионе.

Конференция прошла при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD), Министерства иностранных дел Германии, Правительства Нижегородской области и НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Е.В. Плисов, С.Н. Саможенов

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 27

Редакторы: С.Н. Переволочанская
А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.09.2014

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 9,43

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а